

НИКОЛАЙ ПАРФЕНОВ

ПОЛЕ
НЕСБЫВШИХСЯ
НАДЕЖД

Н. М. Парфенов

**Поле несбывшихся надежд,
или
Сельское хозяйство
Лысьвы в XX веке**

Издательский дом
Лысьва, 2023

ББК 63.2(2)

П 18

Парфенов Н. М.

П 18 Поле несбывшихся надежд, или Сельское хозяйство Лысьвы в XX веке / Н. М. Парфенов. – Лысьва : Издательский дом, 2023. – 292 с.

Очерковый экскурс в историю сельского хозяйства 20-го века Лысьвенского района Пермского края является основополагающей темой данной книги. На основании архивных документов, газетных материалов, краеведческих исследований, воспоминаний очевидцев автор строит рассказ о годах колхозного строительства, структуре сельского хозяйства, сложившейся в годы советской власти, ее эффективности, жизни колхозников, роли городской партийной организации, обещавшей крестьянам в далеких 20-х годах зажиточную жизнь, о крахе колхозной идеи.

Книга рассчитана на широкий круг читателей: на учителей, студентов, школьников, краеведов, ветеранов труда и всех тех, кто дорожит исторической памятью о своих предках.

Вместо вступления

Рельеф Лысьвенского района плохо приспособлен для ведения сельского хозяйства. Геоморфологически его можно разделить на две части: восточную и западную. Условная линия деления проходит от города Чусового через поселок Обманка – бывшее село Крутой Лог – деревню Воскресенцы. Восточная часть приближена к горному Уральскому хребту. Широкие водоразделы, их называют гривами, разделены узкими и глубокими речными долинами. В стародавние времена каждая грива имела свое название. Высшая точка 482 м находится на так называемом «Кыновском коридоре». Западная часть представляет собой волнистую равнину, изрезанную долинами рек Чусовой, Сылвы, Барды, Шаквы и их притоками и относится к Пермскому Прикамью.

Климатические условия также не располагают к успешному ведению сельского хозяйства. Лето обычно не жаркое, с обильными дождями, зима – холодная и много-снежная. Весна, нередко затяжная, сопровождается поздними заморозками, тогда как осенью бывают частые дожди со снегом и ранние заморозки. Больше всего осадков выпадает в августе и сентябре.

Почвы района представлены суглинками и глинами с примесью гальки, дресвы, щебня. Более 90% почвы кислые, а потому нуждаются в дополнительной обработке.

Таким образом, чтобы вырастить хороший урожай, земледельцам нужно не только прилежно трудиться, но и учитывать состояние почвы, погоды и тысячи других «мелочей», от которых зависят результаты нелегкого крестьянского труда.

Несколько лет назад в мой архив попали записки уроженца давно не существующей деревеньки Белая П. А. Катаева. Это были размышления обыкновенного русского человека, чье мировоззрение и представления о жизненных приоритетах сформировались на основе незыблемой ценности крестьянского труда и несокрушимого единства земледельца-пахаря и земли-кормилицы. Не погружаясь в дебри «государственной целесообразности» о коллективизации

и колхозах, автор писал: *«Когда задумываешься над проблемами становления, развития и угасания села на примере территорий Лысьвенского района, то невольно приходишь к выводу, что каждый раз проблема вырастает на ровном месте. Основной и, пожалуй, единственной причиной возникновения проблемы было неуважение, недоверие к собственному народу. Колхозы возникали повсеместно, но они процветали только там, где был харизматический лидер из народа, разбиравшийся в сельском хозяйстве и умевший договариваться как с народом, так и с властями. Яркий пример Матвей Ёлохов из колхоза «Новина» в Моховлянах... Когда назначали руководителя по наличию партийного билета или приверженности к идеологии, то дело шло на угасание. Люди терялись и не хотели отвечать за исход дела коллективно, перекладывали ответственность друг на друга...».*

Эти слова заставили меня, человека глубоко городского, задуматься над неведомой мне правдой о колхозной деревне и деревенской жизни, которых я не знал и не имел о них никакого представления. Конечно, проблемы села 20-го века, о которых писал П. А. Катаев, не только в неуважении к народу и плохо работающих руководителях, они гораздо глубже и сложнее. По этой причине мне и захотелось хотя бы отчасти разобраться в них на примере лысьвенского сельскохозяйственного комплекса, далеко не самого передового и высокопроизводительного, но, с моей точки зрения, самого типичного для эпохи сталинской коллективизации и череды хрущевско-брежневских манипуляций с сельским хозяйством.

Ушла в прошлое большевистская безоглядность, разрушившая исконную крестьянскую общину и уничтожившая потомственного хлебороба. Само слово «колхоз» стало анахронизмом, но ведь три или четыре поколения советских людей прошли через круги колхозного ада. Как быть с памятью о них? Ответ один: помнить!

В лысьвенском краеведении нет системных исследований о колхозах и совхозах пригорода и района. В тесном сотрудничестве с комплексной муниципальной библиотекой

местные краеведы собрали разрозненные воспоминания о труде и быте деревенских жителей. Все, что удалось записать со слов очевидцев, выложено на сайте городской администрации: <http://encyclopaedia.lysva.ru/>. Позднее на основе собранных материалов удалось издать два краеведческих альманаха: «Незабытые деревни»¹ и «Деревенские страницы истории»². В особом ряду стоят книга М. В. Зерниной «Родные сердцу Моховляны»³ и статья А. Окунева «Село Новорождественское. XX век»⁴. Эти два издания дают относительно полное представление о жизни двух колхозов «Новина» и «Колос», впоследствии реорганизованного в совхоз «Новорождественский». Альманахи и труды М. Зерниной и А. Окунева вдохновили автора провести собственное расследование колхозно-совхозной жизни Лысьвенского района в 20-м веке.

Базовыми источниками информации для работы над книгой явились материалы Лысьвенского муниципального архива, архивы Лысьвенской городской общественно-политической газеты «Искра», областная пресса, архивы Лысьвенской комплексной библиотеки, воспоминания ветеранов труда, собранные автором.

¹ *Незабытые деревни : 225-летию Лысьвы посвящается / ред. Н. М. Парфенов ; сост. Е. И. Завьялова. Чусовой : Никс, 2010. 170 с. : ил. (Лысьвенский краеведческий альманах ; вып. 1).*

² *Деревенские страницы истории : 225-летию Лысьвы посвящается / ред. Н. М. Парфенов ; сост. Е. И. Завьялова. Лысьва : Издательский дом, 2010. 228 с. : ил. (Лысьвенский краеведческий альманах ; вып. 2).*

³ *Зернина М. В. Родные сердцу Моховляны : размышления по поводу. Лысьва : Издательский дом, 2013. 150 с.*

⁴ *Окунев А. Село Новорождественское. XX век // Деревенские страницы истории : 225-летию Лысьвы посвящается / ред. Н. М. Парфенов. Лысьва, 2010. С. 53-72. (Лысьвенский краеведческий альманах ; вып. 2).*

Освоение лысьвенских земель

В росписи строгановских земель на Урале за 1647 год воевода Прокопий Елизаров указывал, что на речке Лысьве имеется поселение с двумя дворами и двухдворовое поселение в ее устье на реке Чусовой. На ланд-карте ведомства Екатеринбургского за 1734–1736 гг. и ее копии, сделанной в 1744 г. обершахт-мейстером Афанасием Чичигиным, в среднем течении реки Лысьва обозначено поселение. Кем были жители и чем они занимались, история не сохранила. С большой долей осторожности предположим, что речь идет о нынешней деревне Зарихино.

В 1774 году княгиня Варвара Шаховская получила в виде приданого одну седьмую уральских горнозаводских владений, входящих в материнское наследство. Его частью являлся Кусье-Александровский завод, который оказался в совместной собственности Варвары и ее сестры Анны.

Неизвестно, когда у Варвары Александровны появилось желание построить собственный доменный и молотовый завод на реке Лысьве. За право обосноваться именно в этом месте Шаховской пришлось побороться с влиятельным сенатором Всеволожским по той простой причине, что к середине 18-го века все удобные площадки для заводского строительства были уже заняты. Как бы то ни было, но 14 августа 1785 года строительство Лысьвенского завода началось.

По всей вероятности, до начала строительства князя Шаховские переместили в район будущего завода семейство кишертского крестьянина Михаила Петровича Котельникова. У себя на родине Котельников был крепким хозяином и, скорей всего, именно из соображений, что деловой крепостной сможет быстро освоиться на новом месте, хозяева отправили его обживать лысьвенскую пустошь. Предположительно, он обосновался на месте поселения, отмеченного на карте Афанасия Чичигина. Не исключено, что одновременно с Котельниковыми Шаховские перевезли на новое место жительства еще несколько семейств.

С прицелом на будущий завод правый приток реки Лысьвы, протекавший неподалеку от поселения, новоселы запрудили плотиной. Рядом обустроили лесопильную водяную мельницу. Речка с тех пор стала называться Мельничной.

Нет никаких данных о том, когда, насколько интенсивно и кем заселялись окрестности будущего Лысьвенского завода в его северо-западной части. Очевидно, это была середина 18-го века, т.е. канун постройки Лысьвенского завода.

Однозначно главным приложением сил новых поселенцев было сельское хозяйство, но исподволь они так или иначе тяготели к заводскому производству: строили цеха, прокладывали дороги, возили руду, уголь и дрова, трудились лесорубами, углежогами, рудокопами и т.п. Предположительно, в числе переселенцев были староверы, передвигавшиеся от Чусовских Городков. Они и основали деревни Большая Лысьва, Поповка, Горюны, Ев(б)ерзики, Дуброво(а), хутора. Своих крепостных крестьян Шаховские переправляли на новое место жительства из Кишертских, Оханских и более отдаленных вотчин.

После отмены крепостного права началось активное заселение земель, прилегающих к левому притоку реки Лысьвы – реки Березовки. За 30–40 лет здесь выросли деревни, хутора и выселки: Абатурово, Бабеныши, Батуево, Волково, Выломово, Зыково, Красильниково, Каракшино, Колобово, Костино, Латыши, Лобаново, Лязгино. Мехряково, Олени, Паинцы, Петрово, Таборцы и др. Крепкий староверческий корень сложился с центрами в деревнях Захарово и Большая Лысьва⁵.

⁵ *Старообрядчество было широко распространено в населенных пунктах вокруг будущего Лысьвенского района, а также в глухих таежных уголках владений Шаховских, Строгановых, Голицыных в виде келий-землянок. До прокладки ЗУЖД несколько келий находилось на берегу заводского пруда в Сухом логу. Ученица А. Шатробаева и учительница Н. Шумкова привели в своем краеведческом исследовании воспоминания Е. И. Гиляшовой: «Жили староверы в землянках, чтобы рядом был лог или ключик – воду брать. Вход в землянку был сверху через ставень, крыши не было, чтобы жилье не обнаружило себя. Мы с матерью ходили к ним, носили милостыньку, то же делали и другие семьи. У скитских были небольшие огородики. А в тридцатые годы пошли на них сильные гонения. Власти стали искать скиты и забирать стариков. Некоторым удалось скрыться, но они погибли в лесах. Жители деревни находили потом в лесу умерших стариков». Среди потомков старообрядцев до сих пор бытуют неясные слухи о физическом истреблении «хранителей старой веры», первыми переселившимися на лысьвенские земли в верховьях реки Мельничная. (Никаких данных на этот счет найти не удалось).*

В первой четверти 18-го века началось заселение южной и юго-восточной территории со стороны Кыновского завода, имевшего подконтрольные заводской администрации деревни и выселки вдоль реки Чусовой и ее притоков. Так появились деревни Гаревая, Деменево, Долгий Луг, Кирпичная, Кисели, Ломовка, Мякий Кын, Петушата, Песьянка и другие с волостным центром в Кыновском заводе.

Вокруг многочисленных железорудных шахт в окрестностях завода появлялись временные поселения. Только на горе Гудырь их насчитывалось более шести десятков. Руду заготавливали зимой. Весной рудокопы расходились по деревням и занимались крестьянским трудом. Названия временных поселений не сохранились (разве что их можно найти на картах 18-го столетия).

По мере повышения экономической значимости Гороблагодатского тракта и увеличения передвижения грузов между заводами восточного Урала и Кунгуром стали появляться постоянные дворы, деревни и села в верховьях рек Кумыш, Барда, Лысьва. Значительными населенными пунктами стали деревня Большой Кумыш и село Крутой Лог с прилегающими к ним поселениями Бобровка, Воскресенцы, Власова, Елоха, Кормовище (Старое), Петрово, Северная, Нёк и другие. По обеим сторонам тракта на расстоянии от 5 до 10 верст хозяева Кыновского завода устраивали углежогные заимки. Юго-западная территория будущего Лысьвенского района заселялась вдоль реки Шаквы и ее притоков. Население этих земель было разнообразным по национальным и религиозным признакам. Русское население тяготело к селу Новорождественское (Верх-Култым), татарское к селам Канабеки и Аитково. Небольших моноэтнических поселений, как русских, так и татарских, вокруг Новорождественского и Канабеков было достаточно много.

О первых поселенцах северо-западного куста краевед Б. Мехряков писал со слов старожилов: *«...это люди крепкие духом, сильной воли, трудолюбивые, надеялись только на себя и на свои способности. Основным занятием новоселов было ведение сельского хозяйства, подрядные работы, кустарное ремесло. У каждой семьи был добротный дом*

с большими хозяйственными постройками: амбарами для хранения зерна, теплыми и холодными помещениями для скота, навесами для хранения инвентаря, гумнами для сушки зерна, были наделы земли, где выращивали зерновые культуры, овощи, лен. Разводили скот. В хозяйствах имелись по две коровы, по две лошади, овцы... Из транспортных средств были телега, телега-долгуша, для выезда – дрожки и кошевка. В быту жители пользовались мебелью кустарного производства... Жители деревни занимались и подрядными работами: заготавливали дрова, строительный лес для завода и рабочих поселков, занимались завозкой гравия при строительстве железной дороги и шоссейной дороги до Калино. Вывозили из Калино в Лысьву передельный чугун».

Основным занятием новоселов являлось сельское хозяйство. Однако с началом заводского строительства их активно привлекали к участию в новостройке. Уже в августе 1785 года на вырубке леса под заводскую площадку, обустройстве плотины и связанных с ней работах трудилось около 2000 человек. В следующем, 1786 году, на стройке трудилось 3934 человека. Разумеется, это были не постоянные жители, а так называемые «подзаводские крестьяне», пригнанные хозяевами из Оханских и Кунгурских вотчин на время строительства. Не исключено, что какая-то их часть осела по решению хозяев на постоянное место жительства в районе завода и основала деревни Липовая, Травянные, Заимка, Зуи и др.

Сельские населенные пункты входили в административно-территориальное подчинение Лысьвенскому и Соинскому земским правлениям, находящимся в пределах Лысьвенской дачи графа Шувалова и Кыновского правления, находящегося в Кунгурской волости Кунгурского уезда. До начала 20-го века эти территории являлись основными источниками пополнения Лысьвенских и Кыновского заводов рабочими кадрами, в которых всегда нуждалось металлургическое производство. Разумеется, жители села регулярно поставляли на заводской рынок продукты питания в виде молока и мяса, муки и крупы.

Полурабочие-полукрестьяне

Исторически сложилось, что мастерские лысьвенского завода находились на положении полурабочих-полукрестьян. Это явление было заложено самой сутью горнозаводского производства 18–19 веков. Во-первых, все чугуно- и железоделательное производство было связано с использованием энергии падающей воды, а значит, с наличием реки и водоемов. Именно с плотины, перегородившей реку Лысьва, началось в 1795 году строительство чугуноделательного завода. Вслед за ней появились доменные и пудлинговые печи, воздухоудные машины, молоты, прокатные станы и все другие механизмы, которые приводились в действие с помощью воды. Воду старательно копили в пруду и экономно расходовали с весны до конца лета. Весь весенне-летний период лысьвенцы трудились на заводе. К концу августа – началу сентября, когда зеркало заводского пруда уменьшалось до предела, и водный поток в плотинных прорезах ослабевал, наступал период летне-осенних сельскохозяйственных работ. Несколько недель в пруду копилась вода, чтобы можно было продолжить заводское действие еще в течение полутора-двух месяцев до ледостава.

По сложившейся на уральских заводах традиции Шуваловы расплачивались с мастерами не только деньгами, но и провиантом, который оптом закупали на ярмарках. Муку, крупы, сухофрукты, рыбу завозили из Кунгурского уезда по одноименному тракту или на баржах из Нижегородской ярмарки по Волге, Каме и Чусовой. От реки Чусовой провиант везли в Лысьву по усть-долгинскому тракту. Заготовленное продовольствие складировали в так называемых магазинах. В случае необходимости продовольствие продавалось мастерам по оптовым ценам или выдавалось в счет заработка.

Такая форма продовольственного обеспечения мастеровых являлась для хозяев не только хлопотной, но и довольно затратной. По этой причине владельцам завода было выгодно, чтобы продовольствие мастерами производилось по месту жительства и своими силами. С этой целью семейство каждого мастерского наделялось индивидуальным земельным уча-

стком под пашню и покос. Выгоны для скота нарезались для коллективного пользования всеми владельцами животных.

В конце августа – начале сентября каждого хозяйственного года мастера оставляли рабочие места и две-три недели занимались заготовкой сена, уборкой урожая и овощей, подготовкой полей к новому сельскохозяйственному сезону. Так они обеспечивали пропитание своих семей мясом, молочными продуктами, отчасти шерстяным и льняным сырьем. В этом смысле заводчане ничем не отличались от сельских жителей.

Коренные лысьвенские семьи десятилетиями пользовались одними и теми же пашнями, покосами и выпасами, нарезанными заводской администрацией. По этой причине они привычно считали землю «своей», не будучи ничем обязанными хозяевам завода. На плане поселения Лысьвенский завод 1909 года указаны урочища «луга» и «пеньки», некогда использовавшиеся для сенокосов и выпаса скота. Еще в середине 20-го века в устной речи старожилов сохранились названия Поляковская дача, Орловские покосы и т.д.

После отмены крепостного права в 1861 году у хозяина завода Петра Шувалова, а затем у его сына Павла возникли серьезные проблемы с рабочими заводов и крестьянами окрестных деревень по вопросу о пользовании сельскохозяйственными угодьями. Землю, которую крестьяне и рабочие привычно считали «своей», нужно было выкупить у хозяина или брать в аренду. К такому повороту событий они были не готовы...

В свою очередь, граф Павел Шувалов прилагал немалые усилия, чтобы освободиться от земельных излишков, не приносящих доходов. Тем более что немалые деньги нужны были на реконструкцию завода, к которой граф приступил сразу после вступления в наследство огромным Лысьвенским горным округом. Процесс купли-продажи шел довольно медленно, так как потенциальные покупатели не желали приобретать «свою» землю даже на самых льготных условиях. Нередкие случаи самовольного захвата земли или незаконного ее использования жестко пресекались представителями заводской администрации. Например, вятские крестьяне после отработки по договору на заводе распахали вырубку в районе речки Кухтенки, засеяли ее и даже построили дома, но после безуспешной

тяжбы с администрацией вынуждены были пашню забросить, а дома разобрать. Большелысьвенские крестьяне выгоняли скот на привычные пастбища, но лесная стража всячески препятствовала этому: арестовывала коров и лошадей и штрафовала владельцев, огораживала деревню забором, который крестьяне регулярно ломали или разбирали. В отместку без согласования с лесниками и получения лесных билетов крестьяне рубили заводской лес. Это заканчивалось тем, что по распоряжению главного лесничего А. В. Зануцци лесная стража ломала в домах самовольных порубщиков отопительные печи, что в осеннее и зимнее время создавало для крестьянских семей большие проблемы.

Экономический кризис начала 20-го века привел к разорению немалого количества крестьянских хозяйств. Началась быстрая «пролетаризация» крестьян окрестных деревень. Мужское население, продолжая жить в деревне, устраивалось работать в завод, куда ежедневно ходили пешком, проходя от 2–3 до 10 километров в один конец. За переход на рабочее место администрация платила деньги, количество которых зависело от расстояния между деревней и городом.

Многие малоземельные и разорившиеся крестьяне продолжали жить своим хозяйством, но осенью и зимой в обязательном порядке брали заводские подряды на перевозку грузов, заготовку леса, строительного камня, изготовление саней и телег и т.д., благо работ подобного рода на заводе всегда было в избытке.

Немногим хозяевам, скопившим деньги на удачной продаже сельхозпродукции, извозе, выгодных подрядах, удавалось купить шуваловскую землю рядом с деревней. Первые такие сделки состоялись вдоль речки Задняя, где большелысьвенские, заимские и дубровские крестьяне приобрели хорошие земельные участки.

Имелась достаточно широко распространенная практика, когда крестьяне в складчину покупали хозяйские земли под выпасы для скота, сенокосы и лесные деланки. Эти земельные приобретения назывались «куплей» и использовались крайне бережно. Сохранились воспоминания бывших крестьян, когда их, еще подростков, отцы приводили в лес, указыва-

ли на дерево и говорили: *«Когда женишься, это дерево пойдет на бревно для твоего дома»*.

Заводские жители тоже покупали землю или брали ее в аренду, отдавая предпочтение тем участкам, которые находились поблизости от селения. Очень популярной покупка земли была среди лысьвенских торговцев. Такие участки назывались «дачами». Часто они получали название фамилий или кличек владельцев. Например, «Паньша», принадлежавшая лысьвенской купчихе. До середины 1960-х годов «Паньша» оставалась садово-ягодным участком, просуществовав под таким названием более 50 лет. Купец Ярославцев купил участок земли в верховьях речки Болотная, на котором построил мельницу. До сих пор организованный им пруд называется Ярославским и т.д.

Начало 20-го века привнесло в жизненный уклад крестьянства существенные изменения. Началась коренная реконструкция металлургического завода и строительство, а затем и запуск механического завода. Мужская часть сельских жителей стала все больше отказываться от сельского хозяйства и искать работу на заводах, на строящейся Западно-Уральской железной дороге, открывать свое дело в торговле, производстве стройматериалов, обслуживании городского населения. В основном это были молодые люди. Для них традиционное занятие земледелием сохранилось в виде помощи родителям, оставшимся в деревне и сохранившим прежний образ жизни.

Накануне и в годы НЭПа

Нет достаточной информации о состоянии сельского хозяйства Лысьвы в годы Первой мировой войны. Однако можно полагать, что оно пережило период бурного развития, так как в связи с динамичным ростом военного производства в Лысьве в разы увеличилась численность городского населения. Несмотря на мобилизацию мужчин в армию, расширялись площади новых запашек, увеличивалось поголовье мясомолочного скота. Между товаропроизводителями и потребителями завязывались прочные деловые связи. Ежедневно в

город поступали свежее молоко и молочные продукты, оживилась рыночная торговля.

Тяжелый удар пережило лысьвенское сельское хозяйство в годы гражданской войны и после ее окончания. Отрицательным образом сказались мобилизации мужчин и лошадей в красную и белую армии, беспощадные реквизиции хлеба и скота армейскими продовольственными службами, всякое прекращение товарообмена с городом.

Полугодовая колчаковская оккупация Лысьвы в 1919 году сопровождалась невиданным наполнением рынка разнообразными сельхозтоварами. Лысьвенские рабочие говорили: *«Хочешь мясо – бери на рынке любое, хочешь выпить «кумышки» – хоть купайся в ней»*. Подобное изобилие вагонами поступало из Сибири. Местная сельхозпродукция не могла конкурировать с привозными товарами, поскольку еще осенью 1918 года она была изъята заготовителями красных и белых, и крестьяне сами жили впроголодь.

Уход колчаковцев из Лысьвенского завода явился для крестьян окрестных деревень, и не только их, сигналом для мародерства. Десятки подвод заезжали на территорию заводов с целью забрать все, что так или иначе могло пригодиться в крестьянских хозяйствах. Увозили железо, посудную заготовку, инструменты, забирали оставшуюся мебель, вырывали с корнем из оконных рам шарниры, шпингалеты и т.д.

Если в начале 20-го века сельское население покидало насиженные места и переправлялось в город, то в голодные 1921–1922 годы имела место активная миграция заводского населения в деревню. Одни горожане оседали у деревенских родственников, другие нанимались выполнять любую сельскую работу ради пропитания. Толпы горожан расходились по деревням с целью обмена одежды и бытовых предметов на муку и крупы, а если повезет, на мясо и масло.

Документы сохранили рассказы очевидцев, когда, подрядившись довести до города выменянные продукты, крестьяне на полдороге требовали от горожанина увеличить плату за перевоз и в случае отказа освобождали телегу от груза и уезжали прочь.

При отступлении из Лысьвенского завода колчаковцы бросили более полусотни лошадей, которые безнадзорно бродили в окрестных лесах. Это были раненые, больные и просто изработавшиеся животные. Ревком организовал сбор и передачу лошадей многодетным семьям красноармейцев, находившихся на фронте. Без промедления новые хозяева обменивали животных на продовольствие или передали на содержание деревенским родственникам. В ближайшие годы эти лошади и их потомство сыграли значительную роль в восстановлении посевных площадей крестьянских хозяйств в окрестностях Лысьвенского завода.

Животворную струю в сельское хозяйство внес X съезд РКП(б). Новая экономическая политика, заменившая продразверстку фиксированным продналогом, разрешившая свободную продажу излишков сельхозпродукции на рынке, давшая возможность использовать наемный труд, арендовать землю, раскрыла широкие возможности для всех без исключения земледельцев. Другое дело, что кто-то воспользовался предоставленными условиями, а кто-то нет. В хозяйствах интенсивно расширялись старые посевные площади, осваивались новые запашки, начала складываться крестьянская кооперация, активизировались и увеличились закупки сельхозтехники, элитных сортов зерна и породистого скота. В течение достаточно короткого срока в деревнях появились крепкие товаропроизводители сельскохозяйственной продукции.

Живой интерес к проблеме возрождения местного товаропроизводителя демонстрировала городская партийная организация, правда, более на словах, чем делом. Исполком, совместно с профсоюзом металлургического завода, приступил к организации местной потребкооперации и созданию отдела рабочего снабжения рабочих (ОРСа). Профсоюзный комитет металлургического завода активно пропагандировал организацию коллективного и индивидуального огородничества среди рабочих и жителей Лысьвы. Много в этом направлении потрудился мартеновский рабочий Г. Жданов.

К середине 1920-х годов на полках продуктовых лавок стали появляться разнообразные продукты питания местного производства.

Даешь смычку пролетариата и крестьянства!

Насыщение товарами внутреннего продовольственного рынка являлось отнюдь не самой главной задачей коммунистической партии и советской власти. Перед государством стояла задача в кратчайшие сроки построить тяжелую промышленность и создать современную армию. Единоновременно требовалось огромное количество товарного зерна, а с ним поступление валюты, возможность покупки за границей современного оборудования для новых заводов и фабрик и всего того, что называлось одним словом «индустриализация». Увеличение зернового производства партия видела в немедленном становлении социалистического сектора в деревне в виде перехода от единоличного к коллективному сельскому хозяйству. Требовалось создать новую современную модель управления экономикой всей страны.

Сразу же по окончании гражданской войны началась труднейшая работа по районированию страны. В 1923 году появилась огромная Уральская область, в состав которой вошла бывшая Пермская губерния, разделенная на два округа: Пермский и Кунгурский. В 1924 г. в составе Пермского округа организован Лысьвенский район, хотя утверждение сети районов Уральской области состоялось только в 1926 г. Высшим органом власти на территории района являлся районный съезд Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Вопросы исполнения текущей деятельности возлагались на районный исполнительный комитет (исполком, РИК).

В свою очередь Лысьвенский район разделили на 6 сельских Советов: Лысьвенско-поселковый, Лязгинский, Ново-Рождественский, Паинский, Больше-Лысьвенский и Соинский, некогда бывший отдельной Соинской волостью. На основании переписи 1926 г. в сельсоветах насчитывалось 145 населенных пунктов с учетом сел, деревень, железнодорожных казарм, хуторов, выселков, лесных бараков и т.п., в которых имелось 1557 домовладений, в том числе 1104 крестьянских хозяйства. Общая численность сельского населения состояла из 5961 человека (2926 мужчин, 3035 женщин) и зани-

мала чуть больше 20% от всего количества населения Лысьвенского района⁶.

Динамика развития местного сельского хозяйства в первой половине 1920-х годов не зависела от глобальных проектов районирования. Результаты этих изменений скажутся позднее, а пока крестьяне, ранее мобилизованные в красную и белую армии, возвращались домой и жадно брались за работу. В первую очередь они старались увеличить посевной клин. В 1924 г. посевы зерновых культур занимали в Лысьвенском районе 3305,27 дес., в 1925 г. – 3741,55 дес., что в совокупности по сравнению с 1916 г. к 1926 г. достигло 106,6%. Средние окружные показатели освоения зернового клина за этот период составляли 75,6%.

Анализ, сделанный на основании выступления председателя РИК А. Н. Вавуленко на 3-м райсъезде Советов 14–16 февраля 1926 г., позволяет подсчитать среднее количество технических средств, находящихся в обороте лысьвенских крестьян в расчете на 1 хозяйство.

Технические средства	Кол-во 1-й штуки на кол-во кр. хоз. в 1925 г.	Кол-во 1-й штуки на кол-во хоз. в 1926 г.
Сохи/сабаны	2	2
Плуги	1,7	1,3
Бороны	3,5	3,0
Сеялки	19,0	16,0
Жнейки	20,0	20,0

Обобщенные данные о наличии сельхозтехники района приблизительно соответствовали средним окружным показателям. Представитель окружкома Н. И. Макаров заявлял, что лысьвенское сельское хозяйство *«является примером, могущим служить оплотом для остальных районов округа»*. В дальнейшем, когда началась организация колхозов, мысль о достаточной технической оснащенности позволила окружным начальникам присоединить к лысьвенскому району маломощные крестьянские хозяйства, входящие в администра-

⁶ Информация уточнена на основе данных Лысьвенского городского архива в 2020 г.

тивное подчинение сопредельных территорий. Не последнюю роль в принятии решения о расширении границ района сыграл значительный экономический вес, который имели Лысьвенские заводы в 1920–1930-е годы в масштабах всего промышленного комплекса Пермского округа. Не случайно в 1930-е годы крестьяне Аитковского куста, находившегося в те годы в составе Пермь-Серьгинского района, по собственной инициативе трижды обращались в СНК СССР с просьбой о присоединении к Лысьвенскому району.

Огромную роль в жизни деревни играл скот. В 1925 г. в среднем на одно лысьвенское хозяйство приходилось 1,5, в 1926 г. – 2 лошади с жеребятами; крупный рогатый скот (КРС) с молодняком в 1925 г. – 3,6, в 1926 г. – 4,4 головы. В целом эта позиция в крестьянских хозяйствах Лысьвенского района выглядела неплохо. Если судить по среднестатистическим данным, то в Пермском округе ситуация с рабочим скотом была значительно хуже; например, в 1925 г. без тяглового скота существовали 30,7%, с одной лошадей – 63%, с двумя – 5,9% пермских крестьян. Относительно большое количество лошадей позволило лысьвенским земледельцам уже к 1926 г. превысить посевные площади по сравнению с 1916 г. на 6,4% и заслужить похвалу от окружных властей⁷. Усредненные показатели не отражали реальной действительности. В массовом сознании (и не только крестьянства) царило глубокое неудовлетворение положением дел в сельском хозяйстве. Не ссылаясь на неурожайные 1926 и 1927 годы, когда хлеб в Лысьве выдавали по рецептам врачей, заводские рабочие, члены сельсоветов, крестьяне открыто заявляли, что без достаточного количества технических средств, агрономов, зоотехников, ветеринаров, почвоведов, удобрений, высококачественных семян крестьянские хозяйства на ноги не встанут.

⁷ В официальных документах за 1926 год цифры по посевным площадям и количеству скота отличаются от цифр этого же года, но озвученных в 1927 г. Например, по лошадям и коровам: в 1924 г. – 1355 лошадей/2334 коровы, в 1925 г. – 1427/3258, в 1926 г. – 1574/3463 и т.д. (Подобное разночтение имеется в данных по сельхозтехнике).

Колхоз «Заря». Вручение государственного Акта на вечное пользование землей. 1934 г.

Практически без ответа оставались вопросы о строительстве школ, организации сельского здравоохранения и культуры, непроезжих дорогах. Все более агрессивным становилось давление властей на сельское население с целью создания объединенных крестьянских хозяйств в виде товариществ по совместной обработке земли (ТОЗ), сельхозкоммун и т.п. Крестьянство, как могло, сопротивлялось этому прессу, не желая расставаться с индивидуальным подворьем и земельными угодьями. Но государство из года в год увеличивало объемы хлебозаготовок, в результате которых изымалось зерно, ранее шедшее в свободную продажу, регулярно повышались налоги на крепких хозяев, являвшихся основными производителями сельхозпродукции.

К 1927 г. после 15-го съезда РКП(б) деловая активность индивидуальных крестьянских хозяйств в Лысьвенском районе начала затухать. Сказывались не только рост налогов, но и действие экономических «ножниц», когда цены на сельхозпродукцию упали, а на промышленные товары выросли. Частник начал сокращать посевные площади. Как следствие,

упали объемы продаж зерна государству. Полки городских магазинов и лавок опустели. В этих условиях пришлось снова перестраивать потребкооперацию и активизировать работу ОРСа металлургического завода. Виновниками продуктового дефицита государство объявило крепких хозяев – кулаков.

Для подъема сельскохозяйственного производства партия стремилась внедрить в крестьянскую массу основы коллективного труда и коллективной ответственности по примеру промышленных рабочих. В едином порыве социалистического строительства должны были сомкнуться интересы рабочих и крестьян.

Тезис о смычке заводского пролетариата и беднейшего крестьянства не сходил с газетных полос, не переставал звучать на партийных и комсомольских собраниях, постоянно присутствовал в выступлениях делегатов районных съездов Советов. Для проведения «смычки» в заводских цехах организовывались так называемые шефские общества и назначались шефские организаторы (шефорги). За каждым шефобществом закреплялись по одной или несколько деревень. Свои обязанности шефорги исполняли на общественных началах. В силу разных причин они крайне редко выезжали в подшефные деревни и также редко общались с деревенскими жителями. Например, представители ведерно-закройного цеха в период с 1925 по 1928 год в подшефном Ново-Рождественске были всего один раз. В лучшем случае, если шефы и приезжали, поездка заканчивалась докладом или чтением лекции на тему о международном положении СССР. Иногда поездку в деревню шефорги использовали как дополнительный выходной день. Нередко двухдневная командировка растягивалась в 3–4 раза. Работа шефоргов носила настолько неорганизованный характер, что председатель заводского шефобщества В. Склюев обратился к цеховым организациям с просьбой сообщать ему через газету «Искра», как идет работа цеховиков с подшефными деревнями.

Сохранилось немного примеров, когда шефобщества оставляли практические результаты своего пребывания в деревне. Так, после установки радиоточки во второй Липовой крестьяне восторженно говорили: *«Мы первый раз видим и слышим о таких достижениях в нашей стране, о далеком и*

близком голосе Москвы. Ваш труд, шефы, не пропадет, мы ответим на него расширением посевных площадей и дешевым хлебом».

В 1920 г. в Лысьвенском районе существовали так называемые крестьянские комитеты по оказанию взаимопомощи (ККОВы) при сельсоветах в Большой Лысьвы, Лязгино, Паинцаев, Кутамыша, Сои, Валушино, Ново-Рождественска. ККОВы объединяли 873 хозяйства или около 87% от всего крестьянства района. Эти образования работали под контролем представителей сельской власти, имели своих руководителей, агентов по организации работ, например, на лесозаготовках. Никакой государственной поддержки ККОВы не имели и существовали на основе самокупаемости. Члены комитетов пытались организованно закладывать семенные фонды, оказывать помощь в получении отдельными хозяевами кредитов в сельхозбанке, условия выплаты по которым оказывались для заемщиков слишком непосильными. Помогали совместно обрабатывать землю и собирать урожай, проводить культурно-просветительские мероприятия. Попытки агентов ККОВов массово организовать крестьян на лесозаготовки заканчивались безрезультатно. Заводы предлагали за выход в лес 4 руб., тогда как крестьяне требовали на 8 руб. Максимум, чего добились ККОВы, так это после неурожайных 1925 и 1926 гг. получить ссуды для 102 бедняцких хозяйств в размере 570 пудов зерна и 750 руб. денег на покупку семенного зерна. Семенные фонды создать также не удалось. Если где-то они и появлялись, то в амбары засыпалось необработанное зерно и непригодное к посадке. Поступали предложения вместо зерна формировать фонды за счет сбора денежных средств, но и они не получили поддержки крестьян. В одной из деревень руководитель ККОВа начал варить и продавать пиво, но за эту «частнособственническую инициативу» его отстранили от должности, а замены не нашли. ККОВы не оправдали себя. Не видя практической пользы, крестьяне не захотели содержать их на свои деньги. В результате комитеты крестьянской взаимопомощи распались.

А. П. Колодин
председатель
колхоза «Колос»

Находились хозяева, которые путем жесточайшей экономии скапливали небольшую сумму денег и, пройдя многочисленные бюрократические проволочки, получали в кредит сельхозтехнику. Расчет делался на будущую прибыль, однако часто в срок кредитор расплатиться не мог и кредитор изымал технику и передавал другому хозяину. Неудачник превращался в бедняка.

Вопреки бодрым рапортам представителей партийно-советской номенклатуры об увеличении средняцкой прослойки в деревне, фактически бедняцко-батрацкая часть сельских жителей не умень-

шалась. Множество крестьян так и не смогло найти свое место в сельскохозяйственном производстве, позволявшем жить за счет собственных доходов. Реальной помощи от государства не было, поднять свое личное хозяйство они не могли, наемной работы в деревне имелось не так уж и много.

Тем не менее, ко второй половине 1920-х г. было немало крестьян, относящихся по советской классификации к «середнякам» и «кулакам». По мере роста их экономического статуса все отчетливей обострялось социальное расслоение среди жителей деревни. Чем крепче становились хозяйства «кулаков», тем очевиднее выявлялись противоречия с беднейшим крестьянством. На одном из райсездов представитель окружкома заметил: *«За счет уменьшения бедноты увеличивается середнячество. Медленно растет группа зажиточных, рост которой и не желателен, и меры к этому принимаются через тот же финансовый аппарат»*, то есть через расширение и увеличение налогового бремени.

Газетные статьи, выступления делегатов на партийных собраниях и райсездах все громче требовали: *«Добиться тесного союза и единства между батраком, бедняком и середняком, чтобы общими усилиями они приняли активное*

участие в строительстве Советского государства» или «Необходимо окончательно вырвать из лап кулака бедняцкое крестьянство и батраков». Конечно, были въедливые активисты, которые задавались вопросом: *«Необходимо уточнить, каким образом уничтожается беднота в деревне: или она экономически укрепляется, или пролетаризируется».* Иными словами, вопрос ставился прямо: *«Или государство участвует в укреплении крестьянских хозяйств, или беднота превращается в батраков, перебирается в город и пополняет ряды безработных?».* Внятного ответа власть дать не могла, кроме расплывчивого заявления секретаря РК ВКП(б) И. Ф. Масленникова: *«Дадим возможность улучшить положение батраков и бедняков в деревне»* и тут же добавившего: *«Мы несколько ошиблись в расчетах хлебазаготовок».* За этой саκραментальной «ошибкой» стояли опустошенные амбары, что уже в текущем году привело к голоду и сокращению посевных площадей.

Лозунг о смычке между городом и деревней, все очевидней становился жупелом власти, которая на словах ратовала за улучшение жизни крестьян, а на деле повышала закупочные цены на промтовары, снижала закупочные цены на зерно и усиливала налоговый пресс; все более и более ужесточала социально-экономический нажим на зажиточных крестьян.

Величина налогов и размеры хлебазаготовок становились предметом жарких споров и дискуссий как в деревнях, так и на трибунах районных съездов и конференций. На 4-м райсъезде Советов делегат А. Н. Ошев заявил по поводу несуразностей, из которых складывается подоходный налог: *«По доходности крестьянин платит налог больше, чем платит не только рабочий и кустарь, но даже и нэпман... что же получается: крестьянин разрабатывает луг, сеет на нем клевер и этот посев приравнивается к пашне... через посев кормовых культур крестьянин должен платить сельхозналог больше».*

В аргументации подобного рода крестьяне справедливо видели сдерживание развития хозяйств, невозможность расширять производство и искать новые пути повышения доходности. Те же семена клевера, до революции являвшиеся предметом экспорта за границу, в советское время стали де-

фицитом. По потребности на год нужно было иметь до 80 пудов семян клевера, тогда как хозяйства располагали только 40 пудами.

На упреки по поводу увеличения налогового бремени заместитель представителя Пермского окружкома В. Х. Петров заявил: *«В 1926 году налога на едока падало 2 руб. 53 коп., а в 1927 году на едока падает 2 руб. 76 коп. Увеличение сельхозналога произошло вследствие увеличения в крестьянстве подсобных заработков... тяжелым сельхозналог считать нельзя и лишь потому, что его система освобождает от уплаты бедноту, снижает платеж середняка и бьет по боку кулака»*. Чиновник привел пример: в 1926–1927 году лысьвенские крестьяне заплатили в виде сельхозналога 29147 руб. 58 коп. Деньги, от уплаты которых *«освобождены бедняки»*, составили сумму всего 3379 руб. 96 коп. В последующие два года за счет послабления сборов от *«освобожденных бедняков»* почти на четверть увеличился сельхозналог, собираемый с крепких хозяев.

Шефская помощь деревне силами общественности все более и более приобретала иллюзорный характер и превращалась в бесконечные разговоры о «смычке города и деревни». 30 января 1930 года состоялась 7-я, одна из последних, райконференций шефского общества. В протоколе конференции было записано, что 1. отсутствует систематическая работа с беднотой и батрачеством. 2. между ячейками общества нет соцсоревнования. 3. комсомол слабо шефствует над сельской молодежью, в частности над крестьянками. 4. печать слабо критикует шефскую работу. 5. бороться с обходными маневрами кулаков и разрушать кулачество изнутри. 6. Выявлять пролезших в завод кулаков. И резюме: *«Эти задачи могут быть выполнены при участии широких рабочих масс в шефской работе»*.

По инерции райшефобщество просуществовало еще несколько лет. Работа в нем уже не считалась престижной. В горячие дни уборочной страды 1932–1933 годов, когда селянам требовалась помощь, в заводском шефобществе менялись по 2–3 председателя в месяц.

Неудовлетворительное положение дел в сельском хозяйстве района потребовало от партийных и советских руководителей пересмотреть находящуюся на самотеке общественную шефскую помощь и заменить ее продуманной системной работой под контролем партийных организаций цехов и отделов. Райком, а с ним и партком завода все строже спрашивали с начальников цехов результаты работы с подшефными колхозами. По мере возможности цеха включались в ремонт сельскохозяйственной техники, изготавливали запчасти, помогали деньгами, выводили на поля рабочих и членов их семей. Рабочие мастерских № 4 и № 7 отремонтировали 5 сенокосилок, 2 жатки, 1 молотилку, бригады слесарей посылали в колхозы механический, лудильный, ведерный цеха, 75 эмалировщиков отработали на уборке урожая, 35 жен рабочих мартиновского цеха участвовали в прополке и окучивании картофеля в совхозе.

Округ будет сплошным колхозом

В крестьянской среде копилось глухое недовольство. Градус социального напряжения в деревне ощущала и власть. Те из ее представителей, что сами вышли из крестьян, видели противоречие между высокими ценами на промтовары и раздутыми размерами хлебозаготовок и сельхозналогов, но изменить что-то реально в этом плане не могли. Из налоговой реформы и решений 15 съезда ВКП(б) они сделали вывод, что грядет еще большее налоговое давление на зажиточную часть крестьянства, а значит в ответ власть получит еще большее недовольство. Если увеличение налогового давления и чрезвычайные меры второй половины 1927 года в виде тотального изъятия хлебных «излишков» коммунистам и активистам советов было понятно: это – де требуется для «укрепления социализма», то тезис съезда об усилении кооперации сельского хозяйства вызывал определенные непонимания: «На какие деньги кооперироваться? Где брать специалистов и технику? На каких организационных и экономических принципах проводить кооперацию?». Не случайно в резолюции 5-го райсъезда

Советов, состоявшегося 10–15 февраля 1929 г., вопрос о «широкой кооперации» никак не прозвучал. В документе записаны обобщенные формулировки в виде необходимости повышения урожайности, окончания землеустройства, увеличения производства молока, разветвления огородничества и т.п. Максимальным откликом на политическую злобу дня явились рекомендации увеличить общественный сектор в сельском хозяйстве, организовать экскурсии в колхозы округа, провести в Паинцевском и Больше-Лысьвенском сельсоветах выставки породистого скота. Словно никто не услышал выступление крестьянки Смольниковой о том, что ей, рядовому члену сельсовета, поручено организовать колхоз, но она не знала, как призывать крестьян к кооперации и одновременно поощрять индивидуальные формы ведения сельского хозяйства.

Перспективный вектор развития сельского хозяйства района, со ссылкой на тезисы 15-го съезда ВКП(б) о борьбе *«социалистической и капиталистической тенденций в деревне»*, попытался сформулировать побывавший в Лысьве председатель Пермского окрисполкома А. Н. Златогорский. В популярной форме он изложил идеологему Сталина, что по мере усиления позиций социализма *«в последнее время в деревне обострилась классовая борьба»*. По его словам, кулаки всячески саботировали выборы в Советы, срывали хлебозаготовки, сбор сельхозналога, отговаривали крестьян принимать участие в самообложении, срывали различные мероприятия советской власти.

«Массовое колхозное строительство... на основе сплошной коллективизации» обернулось в Лысьве массовым трудоустройством крестьян, не желавших вступать в колхозы, на работу в заводы. Среди кадровых рабочих начались недовольства: как так, вчерашний крестьянин продолжал жить в деревне, где имел дом, пашню, содержал скот, сельхозпродукты продавал на городском рынке, то же молоко по высокой цене 1 руб. 20 коп. за четверть или муку по цене 17 руб. за пуд, но при этом получал хлебопродукты по низкой цене, пользуясь карточками заводского центрального рабочего кооператива (ЦРК). В связи с начинающимся голодом сам ЦРК был в поле зрения общественных организаций рабочих. Акти-

висты выявили, что в Ленинском отделе ЦРК приказчик Прозоров отпускал муку частному пекарю Басалаеву, за что получил 3 года строгой изоляции; в эмальцехе выдали лишнюю буханку хлеба, а в крупносортом цехе и на конном дворе хлеб выдавали по карточкам умерших работников и т.д. Когда речь пошла об отчислении однодневного заработка в фонд строительства сельской тракторной станции, рабочие крупносортового цеха металлургического завода отказались принимать участие в сборе денег¹.

Вчерашние крестьяне не горели особым желанием трудиться в заводе. Житель деревни Липовая А. Красильников повредил работу 5 прокатных станков, в результате чего 5 артелей простояли 40 часов без работы. В городской газете публиковались гневные письма рабочих: *«Гнать таких надо с производства. Они только разногласие вносят среди малоустойчивых элементов рабочего класса, да почву создают для правого уклона»*.

В 1927–1928 годах резко ухудшилось централизованное снабжение Лысьвы продовольствием. Если хлеб, муку, крупы, сахар и сахарный песок еще можно было получить по карточкам ЦРК, то почти полностью прекратилась продажа мяса, яиц, масла животного и растительного. В большом дефиците было молоко. Силами артелей, создаваемых на общественных началах, в городской черте начали организовываться огороды для выращивания картофеля. Артели инвалидов, военизированной охраны, китайская огородная артель, кредитного товарищества и др. освоили земли на площади 58 га. Горис-

¹ Этот отказ не имел для прокатчиков никаких последствий. На слуху у всей Лысьвы было разбирательство со скандальным «Заявлением 42-х», рабочих штамповального цеха, отказавшихся работать за повышенные тарифы и снижение заработной платы. Подписантов заявления называли классовыми врагами, кулацкими и белогвардейскими элементами, на активистов, собиравших подписи, навешивались хлесткие ярлыки: белогвардейский отпрыск, рвач и т.п. После подробного разбирательства инцидента Окружком партии запретил проводить в Лысьве всевозможные «добровольные» сборы денег на сельское хозяйство, строительство танка и самолета и т.п.

полком выдал предписание отделу народного образования приступить к разбивке пришкольных садово-огородных участков. Завком профсоюзов ВСРМ выступил с инициативой о строительстве молочной фермы на 300 голов КРС.

Свертывание местной продовольственной базы вынудило президиум Лысьвенского городского Совета принять постановление, регулирующее максимальные розничные цены на продукты питания, сбываемые на городском рынке. На основании конвенционных соглашений устанавливались твердые розничные цены на продукты для всех кооператоров и частных торговцев.

Наименование товара	Цена для кооперативов за 1 кг	Цена для частных за 1 кг
Мясо говяжье:		
1-й сорт	74 коп.	80 коп.
2-й сорт	58 коп.	-
3-й сорт	25 коп.	-
Свинина	-	90 коп.
Баранина	-	1 руб.10 коп.
Сало говяжье (сырое)	47 коп.	80 коп.
Масло сливочное	2 руб. 47 коп.	2 руб. 65 коп.
Масло топленое	-	3 руб.
Яйца (десяток)	65 коп.	80 коп.

За превышение ценового предела полагался штраф. Частным торговцам, не состоявшим в конвенционных взаимоотношениях, запрещалось заниматься заготовкой, скупкой и перепродажей всех видов мясомолочной продукции. Эта категория граждан за нарушение постановления подвергалась уголовной ответственности. На крестьян, торгующих на рынке товарами своего производства, данное постановление не распространялось.

Несмотря на проблемы с продовольствием, в 1929 году Лысьвенский район впервые получил государственное задание на заготовку хлеба. К концу года требовалось собрать 5 тыс. пудов зерна. Задача оказалась непростой, поскольку сдавать хлеб по твердой цене и в установленных объемах крестьяне не привыкли.

Поселок Вынырок. Колхоз «Уралец»

Как правило, сбывая товарное зерно, они имели дело с перекупщиками или вели самостоятельную продажу. Райком ВКП(б) и горисполком подключили к работе немногочисленных деревенских коммунистов и советских активистов, а от рабочих, проживающих в деревнях, потребовали *«быть проводниками заданий правительства на продажу хлеба государству»*.

Через сельсоветы и крестьянские земельные общества в деревни разлетелись задания по сдаче хлеба. Естественно, что начатая властью акция вызвала резкий протест крепких хозяев и тех, кто пользовался услугами перекупщиков или самостоятельно торговал хлебом. Однако все оказалось не так плохо. Во всяком случае, бедняки сдавали зерно без задержек. Первыми 30 пудов зерна сдали 4 хозяйства бедняцкого коллектива «Новь», 204 пуда – 20 домохозяев из Паинцев, 110 пудов 129 домовладений земельного общества из деревни Таборцы, земельные общества из деревень Кульбики, Красильниково, Батуево, Кутамыш, Бабеныши выполнили задание на 110%. Крестьяне из деревни Кульбики потребовали от двух богатых земляков С. Кондакова и Е. Рожкова сдать 470 пудов зерна. Когда те отказались сдавать требуемое количество зерна, активисты произвели замеры посевных площадей крепких хозяев и по средним размерам урожайности с одной десятины сделали соответствующий вывод, который озвучили на сельском сходе

В 20-х числах сентября 1929 года из Лязгинского сельсовета на городской ссыпной пункт прибыл первый обоз с хле-

бом в количестве 44 подвод. Обозникам пришлось несколько часов простоять перед закрытыми воротами, поскольку комиссия по хлебозаготовкам не озаботилась своевременной подготовкой амбаров к приемке зерна.

Лысьвенский район на долгие годы превратился в поставщика хлеба государству...

ТОЗы, коммуны, кооперативы

На фоне раздолбанной, плохо организованной деревенской жизни в крестьянской массе появлялись хозяева, которых называли «крепкими», «зажиточными». Таковые были во многих деревнях, выселках и хуторах. В руках умных, добросовестных работников складывалась практически вся линейка сельскохозяйственной техники за исключением таких сложных ее видов как трактора, локомобили и т.п. В хозяйствах приобретался элитный скот, высокосортный посадочный материал зерновых культур и многолетних трав. «Крепкие» и «зажиточные» хозяева организовывали кооперативы и охотно становились их руководителями. Кое-кто из них избирался в состав сельсоветов. Получаемый доход от деятельности кооперативов направлялся на развитие хозяйств.

В 1920-е годы все сельхозугодья были закреплены за земельными обществами. 34 из них назывались крестьянскими, а 3 (Лысьвенское, Травянское и Зареченское) городскими. При этом 59,5 тыс. га городских угодий никак не использовались, поэтому в 1928 году около 100 га бывших выкупных и надельных земель, принадлежавших рабочим, от Лысьвенского общества перешли к Липовскому сельскому земельному обществу, чем, впрочем, сразу же воспользовались зажиточные крестьяне.

Нередко «крепкие» хозяева оказывались в роли общественных уполномоченных крестьянских земельных обществ.

Статус уполномоченного давал право распределять среди жителей деревень пахотные и сенокосные угодья, пользование лесом, поэтому нередко свое положение уполномоченные

Реконструкция крестьянских костюмов 1930-х гг. Село Кын.

использовали в личных целях. Липовский уполномоченный Оборин получил земельный надел из расчета на семью в 6 человек, хотя имел всего 4 человека. Он же отвел бедной крестьянке Потаповой 3 десятины покоса в трех разных местах, но приближенному к нему соседу нарезал 8 десятин в одном месте.

Даже не будучи в составе местных органов власти, крепкие хозяева оказывали существенное влияние на их решения. Так, в первой Липовой крепкий хозяин Щекин, имея кирпичное производство, продавал кирпич по своему усмотрению: мог не дать 10 кирпичей на ремонт печного кожуха бедняку-соседу и в то же время продал земельному уполномоченному кирпич на строительство целой печи. В знак благодарности Щекин получил лучшие наделы, расположенные рядом с деревней.

На первом этапе создания колхозов, когда статус земельных обществ оставался без изменения, крепкие хозяева пытались создать «свои» колхозы, говоря: «Лентяев нам не надо». В результате имелись случаи, когда в одной деревне организовывались два колхоза: из зажиточных крестьян и бедняков.

Крестьянская беднота, которая по разным причинам не могла вступить в кооперативы, создаваемые крепкими хозяевами, и самостоятельно обеспечить свое существование, объединялась в ТОЗы, против чего активно выступали те же крепкие хозяева. Созданию ТОЗов яростно противились уполномоченные Паинцевского и Латышского земельных обществ.

Как правило, ТОЗы создавались стихийно. Например, в деревне Валюшино один крестьянин (его фамилия не сохранилась) по собственной инициативе организовал ТОЗ на базе своего личного хозяйства. По договоренности соседи свели к нему на двор свой скот, собрали имеющийся сельхозинвентарь и попытались совместно вести хозяйство. Опыт оказался неудачным. Инициатора ТОЗа раскулачили и арестовали, а два хозяйства из Валюшино поспешно переехали в деревню Заитовку Новорождественского сельсовета.

В масштабах района создание ТОЗов продолжилось до конца 1929 года. В деревнях Бабеныши и Дылга все домохозяева объединились в ТОЗы, в деревне Кульбики из 27 домохозяев в ТОЗ вступили 14, в Кутамышском земельном обществе тозовцами стали 43 домохозяина, в д. Родничная 12 и т.д. С большим трудом ТОЗы организовались в Паинцевском сельском Совете.

Весной 1928 года в деревне Заитовка Новорождественского сельсовета была создана одна из первых в Лысьвенском районе коммуна под названием «Авангард». В нее вошли хозяева двух бедняцких и шести середняцких дворов. В общем пользовании коммуна имела 1 сеялку, 2 сенокосилки, 4 плуга, 2 железные бороны, 1 культиватор, 1 сортировку, 1 конные грабли. В 1928 г. коммуна засеяла 12 га овса, 1 га ячменя, 9 га клевера, 0,8 га картофеля, что по подсчетам оказалось на 65% больше, чем, если бы крестьяне произвели, продолжая хозяйствовать единолично. Коммунары жили в 4-х домах, по 2-3 семьи в одной избе, питались в общей столовой.

За первый год существования коммуна удвоила количество своих членов, приступила к строительству скотного двора на 40 голов КРС, овощехранилища. Коммунары вызвали на соцсоревнование артель из деревни Мехряково Лязгинского сельсовета. Неизвестно, как долго просуществовала заитовская коммуна, но в начале 1930-х годов в деревне Соснове Болото появился колхоз под названием «Авангард». Не исключено, что потерпев очередную неудачу, заитовские тозовцы перебрались в Сосновое Болото, где организовали довольно успешный колхоз «Авангард».

О материальном положении сельских жителей, вступающих в ТОЗы и сельхозкоммуну, можно судить на примере верх-култымских крестьян, которые создали свою коммуну в 1928 году, имея при этом 6 лошадей, 5 коров и 3 плуга. Коммуна просуществовала недолго. Примерно в начале 1930 года на ее основе был создан колхоз «Свобода/Азат».

Племенной бык колхоза «Заря»

В череде не очень удачно сложившихся судеб ТОЗов имелись и исключения. Особенно там, где крестьяне пришли в ТОЗы с желанием сделать из них крепкие сельскохозяйственные производства. Например, Больше-Лысьвенский ТОЗ, организованный в 1922 году. Крестьяне этой деревни издавна отличались высокой земледельческой культурой. В 1928 или 1929 году они одними из первых в районе создали колхоз «Заря». В статье «Легенда и правда о Большой Лысьве» краевед В. Иванова писала, что крестьяне договорились с Пермским сельхозинститутом о выведении нового сорта пшеницы применительно к местным почвенно-климатическим условиям. Эксперимент начинался с разбивки делянки площадью 10 кв. м, на следующий год площадь увеличили до 500 кв. м, дальше до 1 га и т.д. Всякий раз перед севом семена сортировались поштучно, выбирались самые крупные зерна. Под руководством пермских специалистов крестьяне отслеживали всхожесть семян, изучали качество и количество зерен в колосе, устойчивость против вредителей, даже выпекали хлеб.

ТОЗы, коммуны, сельхозартели, первые колхозы, состоявшие в основном из крестьянской бедноты, имели целью прокормить самих себя и свои семьи хлебом. Обобществляемый на время полевых работ инвентарь все же оставался в собственности хозяев, как и пашенная земля, скот, усадьбы. В любой момент член ТОЗа мог выйти из состава товарищества. В декабре 1929 года сельский корреспондент под псевдони-

мом «Жало» писал в городской газете: *«...Все идет хорошо, но надо опасаться, что к весне будут осложнения из-за того, что инвентарь, в первую очередь лошади, не обобществлен. Нужно серьезно и упорно поработать и добиться хотя бы обобществления лошадей».*

Власть не видела будущего за ТОЗами, коммунами и мелкими сельхозартелями. Формы мелкотоварного хозяйствования, которые были жизненно необходимы в годы НЭПа, к концу 1920-х годов изжили себя. Маленькие, неустойчивые в своем постоянном составе крестьянские организации не могли производить достаточное количество товарного зерна, в котором остро нуждалось государство.

Разговоры о создании крупных сельских хозяйств под названием колхозы начали переходить в практическую плоскость. О колхозах, организованных в 1928–1929 годах, практически ничего не известно. Предположительно, они создавались на базе таких ТОЗов каким было Больше-Лысьвенское товарищество. Бесценные крохи о деревенской жизни тех лет собрали краеведы, т.к. в официальных документах на этот счет нет ни малейшего намека. Кыновская учительница Н. Десницкая писала о своей исторической родине: *«Колхоз «Ударник» был организован в 1928 году... Поля разрабатывали вручную: зимой валили лес, а весной, когда земля оттает, вагами (длинные жерди) выкорчевывали корни. Когда поле было готово, его засеивали. Сеяли рожь, пшеницу, ячмень, овес, горох, лен, вику... Сажали картофель. Поля не запускали, готовили новые».*

Колхозы, подобные «Ударнику», организовывали небогатые хозяева. Многим из них без объединения в артель было просто не выжить. Печальной была участь крепких, самодостаточных хозяев, имевших сельскохозяйственную технику, необходимое количество скота и семян. Жительница д. Власово С. Н. Мельцина вспоминала: *«Первая жена у папы Никифора Ивановича умерла от нервного потрясения, которое они все пережили во время организации колхозов... Ведь жили они богато: 12 коров, 6 лошадей, своя ферма, молотилка, кузница, пасека, зерновой ток, стадо овец, часовня во Власово... Все это отобрали. Папу с шестью детьми и с бабушкой*

выслали в Сибирь в Омскую область. Дедушка там и умер. На базе нашего хозяйства и был создан колхоз».

Далеко не все крестьяне, вступающие в колхозы, верили в посулы о безоблачной артельной жизни. Страшила участь зажиточных соседей, безвинно лишенных хозяйства и превращенных в нищих, или отправленных под милицейским конвоем в далекие северные земли. Многие покорно сводили в непригодные скотные дворы своих лошадей и коров, стаскивали под открытое небо сельхозтехнику, до этого аккуратно смазанную дегтем и хранимую под навесами.

Надежда «на лучшую жизнь» рассеялась довольно скоро. «Удар по кулаку» нанесли чекисты. Первыми жертвами стали свои же, местные «крепкие» хозяева и те из них, кого обвинили в использовании труда наемных работников, батраков. Так началась подготовка к тотальной перестройке деревенской жизни на основе коллективизации сельского хозяйства.

Племенная корова колхоза «Заря»

Организация колхозов

В 1930 году Урал пережил очередной виток районирования. Пермский округ был упразднен, вместо него создан Пермский район, в связи с чем упразднился Лысьвенский район. Взамен районного был организован городской Совет, в подчинение которому отошли сельские Советы. Процесс районирования продолжался до 1935 года. В ходе его существенно раздвинулись границы бывшего Лысьвенского района за счет присоединения сопредельных территорий Кыновского, Шалинского, Березовского и Кунгурского районов. В результате в составе Лысьвенского горисполкома появились Кыновской, 1-й Ломовский, 2-й Ломовский, Залеснинский, Бизевский,

Колхозные дети. 1939 г.

Власовский, Крутоложский, Матвеевский и Саинский сельские Советы. Количество населенных пунктов, находящихся под юрисдикцией горсовета, увеличилось на 55–60%.

Опыт, накопленный ТОЗами, показал, что на базе небольших бедняцких

объединений невозможно создать крупное сельскохозяйственное производство. Коммунистическая партия поставила цель в кратчайшие сроки интенсифицировать процесс создания колхозов, используя для этого пропаганду и насилие. Вероятно, не просто было вложить в сознание бедняка тезис вождя: *«...если развитие колхозов и совхозов пойдет усиленным темпом, то нет оснований сомневаться в том, что наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире»*. Так было на словах. На деле через три года страна была ввергнута в жесточайший голод, от которого погибли миллионы людей...

...В декабре 1929 года лысьвенские коммунисты целенаправленно занялись созданием колхозов. Чистка партийных рядов, состоявшаяся в начале года, к участию в которой райком пытался привлечь крестьян, показала, что на партсобрания деревенское население шло неохотно. Собрания приходилось созывать по несколько раз, как это было в Лязгинском и Больше-Лысьвенском сельсоветах. По этой причине не приходилось рассчитывать, что крестьянство горячо поддержит колхозную идею. Исходя из этого понимания, горком ВКП(б) принял решение направить в деревни заводских коммунистов-организаторов. Перед партийными организациями был выдвинут лозунг: *«Обеспечим организующиеся колхозы крепким пролетарским руководством»*. В деревни предстояло направить 70 рабочих. Пропагандисты всех уровней называли их «посланцами партии в деревню».

В соответствии с указаниями партии корпус посланцев должен состоять из квалифицированных рабочих-ударников, имевших производственный стаж не менее 5 лет, показавших себя с самой лучшей стороны в общественной деятельности, пользующихся авторитетом среди товарищей по

Коневферма колхоза «Заря»

работе. Заявления с просьбой об отправке подали более 100 рабочих, комиссия отобрала 75 человек. Кандидатура каждого посланца партии подлежала широкому обсуждению на собраниях, на которых рабочие давали разнообразные наказания, в том числе предлагали напомнить жителям деревни: *«Лысьвенские крестьяне должны доказать, что они всегда шли и идут в ногу с рабочим классом»*. Рабочих посланцев просили передать, что в качестве финансовой поддержки будущим колхозам для проведения коллективизации на субботниках и сверхурочных работах получено 30 тыс. рублей. Едва ли городские коммунисты успели провести подготовительно-инструктивные курсы для рабочих-двадцатипятилетних, как это было в Перми, где перед слушателями выступил секретарь окружкома ВКП(б) Л. Мирзоян с докладом «О социалистической реконструкции народного хозяйства и задачах добровольцев, едущих на колхозную работу». В Лысьве акция по вербовке посланцев носила скоропалительный характер. Начавшись в начале месяца, уже 20 декабря она завершилась.

О том, как складывались дела посланцев в деревне, можно судить из письма бывшего мартеновского рабочего П. Санкина: *«С 25 января я приступил к работе в деревне. К сегодняшнему дню уже организовано 2 артели с молочным уклоном. Сейчас приступил к организации 3-й артели и коммуны. Мой путь тернист. Я окружен кулаками. Но все возложенные на меня задачи с вашей помощью я выполняю»*.

Отношение к коллективизации даже в рабочей среде было не однозначным. «За» колхозы стояли те рабочие, кто давно порвал всякие связи с деревенской жизнью. Для оказания помощи колхозам они предлагали отрабатывать «гулевые дни», проводить субботники для укрепления колхозов и т.п. Участвовать в оказании материальной и денежной поддержки коллективизации согласились работники типографии, горпрома, жестяночной и столярной мастерских, кузницы, сотрудники РИКа.

Активные сторонники коллективизации повсюду видели тлетворное влияние кулаков на рабоче-крестьянскую массу.

По их мнению, именно по этой причине рабочие *«скатывались в «правый оппортунизм»*. Они считали, что кулаки не только не давали проводить коллективизацию в деревне ускоренными темпами, но и занимались вредительством непосредственно в заводе. Любого рабочего, заподозренного в связи с кулаками или кулацком происхождении, предлагалось выгонять из цеха за заводские ворота. Активисты обращались в горисполком с предложением не предоставлять «кулакам» жильё в черте Лысьвы.

Настороженно и даже враждебно к колхозам относились крестьяне, которые продолжали жить в деревне, платили налоги и обложения за пользование землей. Решившие записаться в колхоз, тоже не сразу несли заявления в правление. В бывшем Кыновском заводе собрание о создании колхоза имени Сталина состоялось 18 марта 1930 года и только 5 мая 19 крестьян-единоличников приняли решение объединить свои земли в один клин. Неизвестно, насколько успешно шли дела у первых колхозников, но в 1931 году у них сгорел овин и скирды приготовленного к обмолоту хлеба, в 1932 году пожар повторился, в 1933 году недоброжелатели искалечили две лошади, в 1935 году случился массовый падеж свиней. Но колхозники выстояли и со временем превратили свою артель в одно из лучших хозяйств района.

Для связи с деревней рабочие жестепрокатного цеха-2 металлургического завода выбрали печного Пьянкова. Он имел в Соинском сельсовете свое хозяйство и часто бывал в деревне. Информации Пьянкова о преобразованиях в жизни

деревни носили весьма своеобразный характер и, по словам рабочих, излагались в *«специфически кулацком освещении»*.

Как бы то ни было, но Соинский сельсовет в числе первых в районе организовал колхоз, первоначально называвшийся «Имени Лысьвенских металлистов». Накануне посевной в колхозе обобществили лошадей, инвентарь, скомплектовали бригады пахарей, сеяльщиков, бороноволоков, заготовителей сена для общественных лошадей и т.д.

С разницей в несколько недель после кампании по вербовке посланцев партии в Лысьве прошла вторая кампания по набору 30 рабочих «на низовую советскую работу» в сельсоветы. Формальные требования к новым добровольцам были прежние: рабочий стаж не менее 5 лет, активное участие в общественной работе, авторитет среди товарищей.

Нет сомнения, что большинство посланцев лысьвенского пролетариата не имело ясного понимания того, как следовало организовывать колхозы. Максимум, на что были способны некоторые из них, это произносить зажигательные речи о светлой жизни при социализме, неизбежной смычке заводского пролетариата и сельской бедноты, пользе коллективного труда и т.п. В силу малограмотности они часто подпадали под влияние крепких хозяев. Нередко расположение городского начальника можно было приобрести за счет «подарка» в виде куска мяса или масла.

Предполагалось, что действенную помощь посланцам партии окажут культурно-просветительские работники села. 21 января 1933 года горсовет принял постановление «О состоянии политпросветработы в районе». Документ указывал на исключительно важную роль изб-читален, какую они должны играть в деле организации крестьянской массы вокруг колхозов и проведении всех хозяйственно-политических мероприятий партии.

Коммунисты города были уверены, что на начальном этапе организации колхозов процесс создания коллективных хозяйств полностью находился под контролем партии. Сомнение не вызывал даже тот факт, что в пересчете на крестьян-

скую массу членов ВКП(б) было очень мало. Если в 1933 году в сельских парторганизациях насчитывалось 120 членов, то в 1938 году – 76¹. Образ одного из первых организаторов колхозного дела – председателя Кыновского колхоза им. Сталина – нашел отражение в исследовательской работе ученицы Кыновской школы № 65 Д. Гринкевич, переданный в воспоминаниях И. Ю. Югова: *«Иван Бобылев «красный» был, большевик. Он первым колхоз в Кыну организовал. Бабушка рассказывала: «Вечно он на лошади, вечно злой, вечно пьяный. Его колхоз развалился, а самого в тюрьму свои же посадили...».*

Мечта партийных и советских руководителей об одномоментном создании больших коллективных хозяйств оказалась не состоятельной по определению. Опыта колхозного строительства не существовало, подготовленных управленческих кадров и сельских специалистов не было, материально-техническая база не создана и, самое главное, отсутствовало единодушное желание крестьян вступать в колхозы и рвать со своим личным хозяйством. Показательным примером явилось огульное, без какой-либо подготовки создание большого татарского колхоза Аитковского куста, в который вошли крестьяне окрестных населенных пунктов. Этот колхоз без имени и названия просуществовал меньше года.

На пути организации крупных коллективных хозяйств находилось большое количество маленьких деревень, выселков, хуторов с небольшим количеством проживающего в них населения. Например, в 1926 г. в Паинском сельсовете в д. Бабе-ныши имелось 13 домовладений и 48 человек населения (19 муж., 29 жен.), в д. Батуево – 5 домовладений и 27 жителей (14 муж., 13 жен.), в д. Бортниково – 7 домовладений и 38 жителей (20 муж., 18 жен.), в д. Баландино – 3 домовладения и 9 чел. (2 муж., 7 жен.), в д. Белая – 7 домовладений – 30 чел. (15 муж., 15 жен.) и т.д. На территории сельсовета имелось много хуторов с 1–2 домовладениями.

¹*Количество сельских коммунистов было невелико, но и при этом данные расходятся, например, за 1938 г. имеются три цифры: 76, 63 и 68 членов ВКП(б); в 1939 г. – 68, в 1940 г. – 58, а в 1946 г. – 38 коммунистов.*

Ситуация с организацией колхозов осложнилась после присоединения к Лысьвенскому району новых территорий, в своем большинстве состоявших из небольших бедняцких поселений. На их основе сформировали около 75% колхозов, по сравнению с 25%, созданными на территории района до момента районирования 1930 г.

Предоставить эффективную финансовую и техническую помощь колхозам власть была не в состоянии. Максимум, на что оказалась способной Пермь, так это выполнить распоряжение секретаря Пермского окружкома ВКП(б) Л. Мирзояна, потребовавшего передавать колхозам конфискованное имущество кулаков в счет государственной ссуды.

Мучительная, трудная жизнь выпала на долю колхозов. Маломощные, без сельхозтехники и специалистов, без инфраструктуры, они то объединялись из нескольких мелких хозяйств в одно крупное, то разъединялись в надежде улучшить артельное хозяйство. Именно по этой причине довольно сложно определить точное количество колхозов на лысьвенской земле в первые годы коллективизации, а также места дислокации их центральных усадеб.

В долгосрочной перспективе расчет на успешную колхозную жизнь делался на пресловутой смычке города с деревней. Город, в нашем случае Лысьва, должен был помогать становлению и укреплению колхозов. При этом никаких экономических расчетов никто не делал. Тащить колхозный воз лысьвенские заводы не могли по определению. В середине 1930-х годов снизилось государственное финансирование не только на социальные нужды, но и на развитие собственно заводского хозяйства. Одновременно госплан требовал расширять производство военных заказов, главным образом за счет внутренних ресурсов. Из небогатой заводской кассы

*Газетная агитка «Некоторые трудности, которые ежегодно переживают семьи колхозников». (Прессклише).
Конец 1930-х гг.*

Возвращение семьи единоличника после завершения вспашки

следовало выделять деньги на повышение зарплаты рабочим специальных цехов, приобретение нового оборудования, сырья, поиски дополнительных энергетических мощностей и т.п. Кроме того, лысьвенцы должны были своими силами осваивать и разрабатывать обманковское угольное месторождение.

Кому-то могло показаться, что после опубликования статьи Сталина «Головокружение от успехов» идея коллективизации споткнулась на непреодолимых трудностях крестьянского консерватизма. Однако умиротворительный тон статьи был не более чем политическим маневром. За правильными и красивыми словами вождя о перегибах, злоупотреблениях на местах, волюнтаризме отдельных руководителей стоял холодный расчет, направленный на бесповоротную коллективизацию крестьянства в масштабах всего СССР.

Ветеран труда и войны В. Д. Волков писал в своих воспоминаниях: *«Осенью 1929 года после больших переживаний и тяжелых раздумий отец вступил в колхоз. Наших коров колхозники увели в деревню Выломово в непригодный общий скотный двор. Однако в колхозе отец пробыл недолго. Весной 1930 года в марте или апреле после мартовской статьи Сталина «Головокружение от успехов» он из колхоза вышел. Коров обратно не отдали, лишили близлежащих полей, а в 1931 году отобрали последнюю корову... Остались*

от скота лошадь, овцы да куры. Часть сельскохозяйственной техники осталась в колхозе. Землю для обработки выдали в районе деревни Новиковки. Это в 4–5 км от усадьбы, покосы тоже отобрали. Налог, которым обложили разоренное хозяйство, платить было нечем... к концу 1935 года отец переехал в Лысьву».

Таким образом, время, обозначенное партийной пропагандой как «год великого перелома», лысьвенское крестьянство встретило в состоянии внутренней растерянности и надлома. Вступив в колхозы, сдав сельхозинвентарь и отведя на общественный двор свой скот, крестьяне не знали, как сложится их жизнь уже в ближайшее время...

Голодные 30-е годы

Начавшийся в 1932 году голод обострил продовольственную ситуацию в стране до предела. На колхозы наложили дополнительные планы по сдаче хлеба, молока, масла, мяса, яиц. Взаимоотношения между колхозами и государством строились по схеме: сдал хлеб – получи промышленный товар, не сдал хлеб – не получишь товар. При условии плановой сдачи сельхозпродукции товарные поставки часто заменялись бумажными справками и актами, которые обещали товар в будущем. Если все же товар поступал в колхоз, то распределялся он по разным нормам: у колхозников – выше, у единоличников – ниже и то при условии, что последние полностью выполнили контрактные госпоставки. «Живых» денег колхозники не получали, расчет за работу осуществлялся в виде натуральной платы зерном, сеном, соломой и т.п. Колхозное крестьянство оказалось в режиме самообеспечения, ничем не отличавшегося от единоличников.

С большим трудом выживала сельская интеллигенция: учителя, библиотекари, клубные работники, фельдшеры. В рамках карточной системы 1928–1935 годов они снабжались продовольствием ниже уровня рабочих, входящих во второй список, предполагавший ежедневное потребление хлеба на

уровне 400 граммов. При этом не удалось найти никаких данных, которые иллюстрировали бы факт существования в Лысьве какого-то механизма по обеспечению сельской интеллигенции продовольствием.

Учителя-супруги Красногоровы переехали из города в село Матвеево, где колхоз организовался значительно позднее, нежели в других деревнях и селах. Расчет был сделан на то, что на 60 рублей жалованья, которые получали супруги, у единоличных хозяев можно всегда покупать муку и молоко для детей. Своими руками учителя отремонтировали небольшой дом под жилье, разбили огород. Однако положение единоличников ухудшалось с каждым годом. Чем больше они трудились, тем выше становились налоги и разнообразные государственные поборы. Единоличные хозяйства разорялись, а их владельцы переезжали в город или вступали в колхозы – другого пути не было.

Став колхозниками, крестьяне автоматически превращались в собственников земли, переданной государством в безвозмездное и вечное пользование, и коллективно ответственных за все то, за что отвечал колхоз: за производство сельхозпродукции, ее своевременную поставку государству, выплату кредитов, отработки на лесозаготовках, ремонт дорог общего пользования и т.д. О том, что колхозник должен иметь для себя и своей семьи по результатам трудовой деятельности, полное понимание отсутствовало. Мерилом и оценкой трудового вклада каждого работника являлся трудодень – величина и денежно-материальная ценность которого зависела от того, насколько добросовестным был учет, каким был урожай, сколько денег и натуральных продуктов осталось в хозяйстве после всех расчетов с государством.

Вместе с тем, количество колхозов в районе увеличивалось. По имеющимся источникам структура колхозов в первой половине 1930-х годов выглядела следующим образом:

Название колхоза	Название сельсовета
Колос	Новорождественский с/с
Пламя	Новорождественский с/с
Ударник	Кыновской с/с (Усть-Серебряная)
Им. Сталина	Кыновской с/с
Им. Ворошилова	Лязгинский с/с
Победа	Власовский с/с (Паленый Лог)
Новина	Власовский с/с
Симоновский	Ломовской с/с
Им. 17-го партсъезда – быв. Бардинский промколхоз	Матвеевский с/с
1-е Мая	Крутоложский с/с
Большой Кумыш	Крутоложский с/с
Труд крестьянина	Залеснинский с/с
Заря	Больше-Лысьвенский с/с
Восход	Бизевский с/с
Новый путь	Соинский с/с
Путь Ленина	Саинский с/с
8-е марта	Паинцевский с/с
Красный Октябрь	Поселковый с/с
12 лет Октября	Паинский с/с

При передаче государственных земель колхозам разрабатывались землеустроительные проекты, которые обсуждались на общих собраниях колхозников и утверждались райсоветом. Форма документа была стандартной. Указывались дата, адрес колхоза и сельсовета, фамилия землеустроителя и т.п.: *«Колхоз «Восход» Бизевского сельсовета Лысьвенского района имеет дворов 48, едоков 143, трудоспособных 68, бригад 3, населенных пунктов 5. В колхозе имелось земли фактического пользования в трех участках 1570,41 га. Все (земли колхоза – Н.П.) граничат с Гослесфондом Чусовского лесного отдела, ЛМЗ и частично в участке (деревни – Н.П.) Песьянки с Пермской железной дорогой. Землепользование состоит из трех участков, посторонних землепользователей нет, кроме школьного в д. Мягкий Кын площадью 1,5 га и усадеб единоличников, рабочих и служащих... Земли в д. Лебянка оставить за единоличным сектором. Также передают-*

ся со стороны Лысьвенского райлесхоза в долгосрочное пользование сенокосы ЛМЗ 9 га и под выгон скота 165,6 га».

Анализ подобных документов заставил отметить одну особенность – все они создавались задним числом, т.е. через несколько лет после официального создания колхоза. Упомянутый колхоз «Восход» получил акт на бессрочное пользование земель 13 октября 1935 года.

Официальный процесс передачи актов на вечное пользование земель начался с лязгинского колхоза им. Ворошилова 1 ноября 1935 года. На торжество приехали все городские руководители: секретарь горкома ВКП(б) Козлов, председатель горсовета Шеин, главный редактор газеты «Искра» Степанов, председатель райотдела земледелия Вшивков и другие. Вероятно, по причине присутствия на церемонии такого широкого представительства властных структур города вручение акта считалось первым в районе. В документе значилось, что колхоз получает 4067 га угодий, из которых 1350 га занимала пашня и 1197 га – сенокосы. На каждый колхозный двор приходилось по 25 га.

В определенном смысле землеустройство затруднялось не только в связи с объединением земельных угодий единоличных хозяйств, но и с вхождением в состав одного колхоза нескольких небольших деревень, хуторов, выселков по 5–10 дворов часто расположенных на значительном расстоянии друг от друга. Например, колхоз «Красный Октябрь» Поселковского сельсовета объединил земли 19 хозяев, проживающих в Мыльниковке, и 5 проживающих в Карповке.

По всей вероятности, власть выжидала, как и в каком виде сельскохозяйственные новообразования будут существовать, на какие из них следует делать ставку. Землеустройство в районе шло очень медленно и являлось бесконечной темой для обсуждения на всех уровнях партийных и советских органов.

Поскольку коллективизация состоялась практически на пустом месте, в колхоз перетаскивали все, что можно было забрать у кулаков: жилые дома, хозпостройки, скот, сельскохозяйственный инвентарь, имущество и т.д., но в первую очередь обобществлялись пашни, луга и выпасы.

Толком никто не знал, как поступать при обобществлении: весь скот, включая птицу, переводить на колхозный двор или какую часть можно оставлять у прежнего хозяина. Практически на момент организации колхозы не имели ни общественных скотных дворов, ни ферм, ни пахотной земли, ни покосов, ни выгонов. Передав в колхозы все свое хозяйство, сами колхозники, даже если у них оставалась корова, не имели в личном пользовании индивидуальные покосы и выпасы. На вольный выпас коров и овец выпускать стало нельзя, т.к. поправа колхозных посевов могла обойтись хозяину дороже стоимости скота. Коров привязывали веревками и таким образом водили пастись вдоль дорожных обочин. В первые колхозные годы не лучше дело обстояло с покосами. Сено заготавливали на дальних делянках в лесу, благо по существующим в те годы нормам после заготовки древесины все порубочные остатки собирали в кучи и сжигали на кострах, так что бывшие делянки не замусоривались. Лошадей для вывозки сена не давали — они использовались для трелевки леса на государственных лесозаготовках. Крестьянам приходи-

СВОДКА		
о ходе планового сенокоса в колхозах и совхозах района на 1 августа 1940 года в процентах.		
	Естеств. травы	Клевера.
„Восход“	140	89,1
Рябининский	125	100
„Ударник“	117,5	103**)
Им. Сталина		
(Н-Рожд.)	115	100
„Колос“	102	100
„Новая деревня“	101,8	66
Зависский совхоз	101	70
„Авангард“	100	100
„Новый путь“	100	75**)
Им. Сталина (Кыш)	100	100***)
Им. Кирова	100	100*)
Им. Калинин	100	100*)
Им. 17 партс'езда	100	100
Им. Чапаева	100	100**)
„Новая жизнь“	100	100
„Победа“	100	80
„Путь Ленина“	100	100
Им. Молотова	100	90
„Заря“	100	100
Линовский совхоз	100	100
„12 лет Октября“	93,2	74
„Труд крестьян.“	92,2	76**)
„1-е мая“	91,3	18,7*)
Им. Пушкина	89,2	100
„Красный Октяб.“	88,8	53,3*)
„Большевик“	86	100**)
„8 марта“	84,6	100
Им. Ворошилова	82,5	70,3
„19 год. Октября“	81,2	80
„Уралец“	80,2	100
„Нонина“	76,6	80*)
Им. Орджоникидзе	75,2	58,2***)
Им. Буденного	70	86,1
Им. Сталина (Лом)	52,5	100***)
Им. Горького	52	51,7***)
Им. Кагановича	43	66,6***)
Итого по району	90	82

Образец сводки,
традиционно публикуемой
в городской газете «Искра»

лось изготавливать небольшие сани наподобие лошадиных и на себе вывозить сено. Порой маршруты состояли из многих километров.

Обустройство лысьвенских колхозов совпало с голодом 1932–1933 годов. Организационные выводы, сделанные ЦК ВКП(б) и СНК СССР из неурожайного 1932 года, регламентировали и расписали деятельность колхозов на 1933 год едва ли не по минутам. Основопологающим нормативным документом стало постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) «О сроках определения урожайности зерновых» от 14 июля 1933 года. Среди прочих зернопроизводящих территорий страны документ указал, что на Урале зерновые должны поспевать к 1 сентября. Вскоре после принятия постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР состоялся 5-й объединенный пленум Свердловского обкома и облКК ВКП(б). Пленум отметил: *«В отличие от прошлых лет поставка зерна государству в этом году будет производиться не по имеющимся планам, а по твердым и неизменным нормам, установленным законом, что должно укрепить положение колхозов, должно создать устойчивость в хозяйстве и обеспечить колхозу и единоличнику возможность твердо рассчитывать свои доходы»*.

Не известна реакция колхозников на замену плановых поставок в виде твердых норм, как не известны объемы самих твердых норм. Чтобы избежать потерь и засыпать в госфонд максимум зерна, постановление обкома партии обязало колхозы вывозить хлеб сразу после обмолота в пункты приема зерна без заезда в деревню. Для колхозов это решение обернулось подвозом на сыпные пункты не просушенного и неотсортированного зерна. В результате такой поспешности 12,5 ц зерна из колхоза «Новина» сыппункт попросту завернул обратно, а из колхоза «8-е Марта» из 39,4 ц принял только 15,1 ц. Инциденты подобного рода имели место с большинством зернодатчиков района.

Сдавать неподготовленное зерно торопили председателей колхозов уполномоченные от райкома партии коммунисты и комсомольцы. Для них было крайне важным сдать отчет о досрочном выполнении поставок зерна.

Посадка картофеля в колхозе «Заря»

Среди уполномоченных были люди, по-разному понимающие свое место в деревенской жизни. Одни, как уполномоченный в Соинском сельсовете, предоставил колхозникам самим решать вопросы сдачи зерна и предавался охоте, другие, как уполномоченный в Залеснинском сельсовете, выгребал из закромов все до последнего зернышка и таким образом превратил сельсовет в районного передовика по зерносдаче, третьи, как уполномоченный по Матвеевскому сельсовету, в нарушение постановления обкома, разрешающего выдавать в виде аванса колхозникам 10% от объема собранного зерна, не возражал выдавать зерновые авансы колхозникам в размере 77% от собранного зерна и т.д.

Каждый обоз, отправляемый на ссыпной пункт, обязательно имел накладную, в которой указывался вес груза и культура зерна. На весь район прогремел случай, когда из обоза колхоза «1-е Мая» при взвешивании в Кормовище недосчитали 16 кг зерна. Объяснения сопровождающего, что мешки были дырявыми, никто в расчет не брал. Сопровождающий был жестоко наказан в соответствии с требованием постановления обкома партии за потерю и кражу колхозного хлеба.

Всякое отступление от правил и регламентаций партийных организаций считалось «преступлением». Часто к ярлыку «преступление» добавлялся эпитет «политическое», что уже

Боронование поля в колхозе «Заря»

звучало и значило по-иному. В зависимости от ситуации нарушитель указаний партии объявлялся «правым уклонистом», «кулаком», «вредителем». Нередко вчерашнего передовика уже на следующий день шельмовали как волокитчика и саботажника, обвиняли в «политической близорукости».

Партийные руководители, далекие от реальной сельской жизни, сидящие далеко в городских кабинетах, направляли в деревни инструкции по срокам прополки, подъему паров, сенокосению и силосованию, ремонту уборочных машин и тракторов, подготовке рабочего скота к уборке, подготовке кадров к уборке, организации уборки хлеба, уборке урожая в едином секторе, подготовке к осеннему севу. На каждое указание требовалось дать развернутый письменный ответ об исполнении.

Райком ВКП(б) неустанно наставлял партийных и советских работников всех уровней бороться с «классовыми врагами социалистического строительства», якобы активизировавшими свою подрывную деятельность по мере того, как крепили колхозы и совхозы. По инструкции райкома «врагов» представляли остатки кулачества, оппортунисты всех мастей, лодыри, саботажники. Именно они мешали успешно развиваться общественному сельскому хозяйству.

Оценивая неполадки в организации уборки зерновых в одном из крупнейших колхозов «Новый путь» Саинского сель-

совета, 6 сентября 1933 года газета «Искра» писала: *«Завхоз, он же заместитель председателя правления Н. И. Кузнецов – активный участник белобандитского разгрома коммуны в дер. Красоты. Это враг, пролезший в партию по рекомендации другого врага – участника расстрела отряда красных моряков, ныне коммуниста и колхозника Семенова, ныне неутомимый саботажник»*. Такие же уничижительные характеристики газета давала полеводу, помощнику счетовода, бригадиру, старшему конюху, кладовщику, старшему пастуху. Колхозника Брагина газета обвиняла в организации массового выхода крестьян из колхоза в 1932 году, потому что на собрании он выложил на стол стопку бумаги, на которой деревенские жители писали заявления с желанием вернуться к привычной единоличной жизни.

17 сентября, как положительный результат своих критических выступлений, газета опубликовала материал о крупнейшей победе Саинского колхоза «Новый путь», который под руководством бывших рабочих и нынешних председателя колхоза Кадырова и председателя сельсовета Игнатьева *«В текущем году зернопоставки завершил на месяц раньше, чем в прошлом году, несмотря на то, что план поставки зерна был в три раза больше, чем в 1932 году»*.

Два вывода можно сделать из газетных публикаций: насколько напряженно должны работать колхозники, чтобы в 3 раз превысить зерновые поставки предыдущего года и как предвзято, ориентируясь на политическую конъюнктуру, оценивала газета труд колхозников, не замечая при этом явных промахов в работе рабочих выдвиженцев – председателей колхоза и сельсовета.

С приближением уборочной страды райком требовал от сельсоветов усилить борьбу с расхитителями социалистической собственности по всем направлениям, начиная с уборки урожая с полей и кончая складами. Для этого рекомендовалось подбирать особо доверенных объездчиков с целью охраны колхозных полей, весовщиков при приемке урожая и кладовщиков из числа наиболее активных колхозников. Городская газета «Искра» призывала: *«Ни одного зерна не должно пропасть с колхозного поля, ни одной охапки скошенной тра-*

Бабушка и внучка

вы... логика простая: чем лучше будет охраняться урожай, тем лучше будут жить колхозники».

Результаты тотальной охраны социалистической собственности не замедлили сказаться. Объездчики задержали группу рабочих совхоза, которые пытались унести с поля от 3-х до 10 кг казенного картофеля. У Горюнов неизвестные выкопали 15 центнеров картофеля. Получалось так: чем надежней становилась охрана колхозных полей, тем больше хищений совершалось.

О том, что враг не дремлет, партийные и советские пропагандисты без устали рассказывали всевозможные истории на собраниях и встречах с колхозниками. Часто упоминался случай, имевший место в колхозе им. Ворошилова, где неизвестные зарезали в конюшне две лошади и вколотили в землю металлические колья, в результате чего во время косябы сломалась колхозная сенокосилка.

Там, где уборка зерновых велась с помощью техники, на полях оставалось много непрокосов, смятых колосьев, оброшенных на землю колосков. В первых числах сентября Больше-Лысьвенский сельсовет организовал школьников на сбор колосков между деревнями Поповка и Горюны. За 3 дня работы дети собрали с поля площадью 3 га 6,5 пуда зерна. Приблизительные подсчеты показали, что с 70 га всех яровых можно было собрать около 90-100 пудов зерна.

Еще не началась репрессивная вакханалия вокруг «трех колосков» в лысьвенских колхозах, но крестьяне начали понимать, что колхозная жизнь далека от того «светлого будущего», какое им обещали 2-3 года назад. Окончательно точки над *i* расставило постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 18 августа 1933 года «О порядке засыпки фондов для нужд колхозов и распределение зерна между колхозниками по трудностям». В соответствии с постановлением, колхозы должны:

*Теплицы подсобного хозяйства
лысьвенского металлургического завода. Заимка*

выполнить в полном объеме госпоставки зерна, сформировать обязательные семенные, страховые и фуражные зерновые фонды. Только после этого разрешалось создавать фонды, направленные на увеличение неделимых капиталов колхоза, создавать фонды помощи колхозным инвалидам и семьям красноармейцев, для содержания детских яслей и т.п. Поскольку колхозы создавались практически на пустом месте, хозяйствам приходилось заботиться о развитии материально-технической базы. После всех выплат по государственным обязательствам на собственные нужды доставались крохи, а ведь еще нужно было думать о выплате трудодней колхозникам. Оплата, как правило, осуществлялась в виде зерна, муки, сена, соломы.

На трудодни оставалось очень мало. Вопрос: «Почему мало?» задавали колхозники, ранее называвшиеся середняками и имевшие определенный достаток. Не задавали вопросов бывшие бедняки и батраки, в том числе приехавшие в деревни района из других мест. Им был привычен рабочий день с 6 часов утра до 20 часов вечера, и плата по 2–3 кг зерна за 1 трудодень их до поры до времени устраивала. У таких колхозников подчас не было даже своих домов. В отличие от них у местных жителей после вступления в колхоз оставался кое-какой скот, в том числе коровы. «Пришлых», как могли, обеспечивали скотом сельсоветы. Например, бывшая батрачка

*М. А. Вазесов
председатель
колхоза «Колос»*

Е. Климова получила от колхоза «Заря» 3 кулацкие овцы и 2 курицы. Определенные подвижки имелись, например, в колхозе им. Ворошилова, в котором в 1931 году коров не имели 101, а в 1932 только 46 человек.

Сталин очень чутко уловил морально-психологическую ситуацию перед уборочной страдой 1933 года. В августе этого года вышло постановление об обеспечении колхозников коровами. Расхожими стали слова вождя: *«Уж мы, большевики, постараемся, чтобы все колхозники имели у нас по корове»*. Естественно, телят из колхозных ферм в хозяйства колхозников и единоличников никто не собирался отдавать бесплатно. За телочку можно было рассчитаться по конвенционным ценам наличными или в рассрочку до 1 года в счет выработанных трудодней, или взять 50% государственный кредит. В определенном смысле постановление активизировало работу «бескоровных» колхозников. Партийные и комсомольские пропагандисты широко использовали очередную «заботу» партии о повышении благосостояния колхозников в лекциях и беседах.

Спустя 4–5 лет во многих дворах колхозников имелись коровы. Появилась другая проблема. Заготовливать сено колхозники могли только после того, как заготовку кормов на зиму для общественного скота заканчивал весь колхоз. А эта кампания, как правило, продолжалась до сентября, иногда до октября месяца. Чтобы не остаться без сена, колхозникам приходилось не выходить на работу и прогуливать или косить траву по ночам.

Стремление властей поставить на каждый крестьянский двор корову и свинью имели не столько заботу о благополучии колхозных семейств, сколько расчет на повышение налогов, на сдачу государству дополнительного молока, мяса, шкур и т.д.

Вольеры для разведения карпа в подсобном хозяйстве ЛМЗ. Заимка

Жесткие требования райкома, ежедневный надзор за деятельностью колхозов со стороны всевозможных уполномоченных, беспримерная по накалу агитационно-пропагандистская работа с сельским населением сделали свое дело. К 20 числам сентября 1933 года практически все колхозы отработали РК ВКП(б) о досрочной сдаче зерна государству. Саинский колхоз «Новый путь» сдал 2484 ц, Кыновские колхозы «Ударник» и им. Сталина сдали 390 ц, Лязгинский им. Ворошилова – 1032,2 ц, Крутоложский им. «1-го Мая» – 2652 ц, Паинские колхозы «12 лет Октября» и «8-е Марта» – 903 ц и т. д. По статистическим данным колхозы района сдали государству 12708,9 ц ржи и овса, что составляло 98,3 % к плану.

Достигнутые колхозами результаты позволили 12-й районной отчетно-выборной конференции, состоявшейся в январе 1934 года, заявить, что *«политическая линия горкома правильная... парторганизация добилась успехов в организационно-хозяйственном укреплении колхозов... колхозами охвачено 89,9% всех крестьянских хозяйств»*.

Если колхозы поставили в госфонд требуемые объемы зерна, то «кулацкие» хозяйства сдали 35,5%, а единоличные 59,9%. По статданным на 20 сентября, саинские единоличники сдали всего 37% зерна, ломовские – 42%, паинские – 72% и т.д. Еще хуже со сдачей зерна было в «кулацких» хозяйствах. Кыновские сдали 27% от нормы, а паинские «кулаки» – всего 9%.

Несмотря на то, что единоличные и «кулацкие» хозяйства были перегружены непомерно высокими обложениями и налогами, спрос по сдаче зерна с них был очень высоким. Например, президиум Лязгинского сельсовета принял решение оштрафовать единоличника Л. Кондакова на огромную сумму в 1800 рублей, потому что *«Не либеральничать и беспощадно бороться с саботажниками»* неустанно требовал райком партии.

Коммунисты и комсомольцы находили противников артельной жизни как среди единоличников, так и среди колхозников. Большелысьвенского крестьянина А. В. Котельникова выслали из деревни на нижнетагильские прииски вместе с семьей за отказ вступить в колхоз и купленную не ко времени сенокосилку. 11 татарских семей из деревень Аитково, Вакса, Сова, Арзя раскулачили и выслали в неизвестном направлении. Никто из «кулаков» в родные края не вернулся. На основе единоличного хозяйства Н. И. Власова из деревни Власово создали колхоз. Самого хозяина выслали в Сибирь. Некто Б. Бойко писал: *«Вредительские действия сообщников кулачества Еремеева Якова и Чигвинцева Михаила, (колхоз «Колос» – Н.П.) которые всячески стремились навредить колхозу, снизить его доход и доход колхозников, были разоблачены и кулаки были высланы из колхоза»*. «Вредителей» обвинили в том, что *«Они спелый колос ржи с зерном закладывали в силос, говоря, что силос будет питательнее»*.

Вторым по значению после хлеба в пищевом обороте значился картофель. Его так и называли «вторым хлебом». Выращивание и сбор картофеля находились под таким же жестким контролем райкома партии, как производство зерна. Плановый сбор этого овоща в 1933 году по району составлял 13977 ц, в т.ч. по колхозам – 8983,7 ц, по единоличным хозяйствам – 1859,5 ц, по «кулацким» хозяйствам 324,55 ц. Кроме того, из личных хозяйств колхозников подлежало сдаче 19909,74 ц. Значительная часть картофеля шла на внутреннее потребление, главным образом в рабочие столовые Лысьвы, поэтому в город вывозку овощей осуществляли ОРС и горпищекомбинат.

*Парник подсобного хозяйства ЛМЗ.
Заимка*

Денежные и натуральные расчеты с колхозниками обычно осуществлялись в конце года. Однако и тут оказывалось не все так просто. В соответствии с Уставом сельхозартели¹ до конца календарного года каждый колхозник мог в течение месяца получить аванс в размере 50% от

предполагаемого заработка. К концу года складывалась большая дебиторская задолженность, т.к. в совокупности колхозники выбирали денег больше того, что имелось в колхозной кассе. Так, в колхозе им. Сталина (д. Валюшино) дебиторская задолженность составляла 13320 руб., «Новый путь» (д. Сая) – 9110 руб., им. «17-го партсъезда» (с. Матвеево) – 9268 руб., им. «19-й годовщины Октября» (д. Каменка) – 8803 руб., им. «12 лет Октября» (д. Паинцы) – 9115 руб. и т.д. В результате получить заработанное за год колхозник мог только «натурой», т.е. теми же зерном, мукой, сеном, соломой, дровами из колхозного леса.

Наступала пора окончательного расчета с государством по так называемому «облагаемому доходу». В перечень объектов облагаемого налога входили постройки, корова, лошадь, овцы, сенокосы, картофель, овощи. Например, в 1939 году колхозники д. 1-я Липовская М. А. Никитин выплатил налог в сумме 5 руб., 92 коп, Ф. П. Оборин 2 руб. 70 коп, а ушедший на службу в РККА М. Х. Иванов остался должным 95 коп. При этом существовала система добровольно-принудительных платежей и отчислений определенного процента от размера сельхозналога в виде самообложения, единовременного налога, налога на культуру и др., определяемых решениями сельсоветов на местные нужды, например, на строительство школ,

¹ *Пронский, В. Устав сельскохозяйственной артели»: вопросы и ответы. Пермь, 1930.*

медпунктов, клубов и т.п. Для смягчения налогового бремени существовали незначительные скидки и льготы.

Не в пример больше колхозных были налоги на облагаемый доход с единоличников. Им на скидки и льготы особо рассчитывать не приходилось, хотя самым бедным таковые полагались. За отчетный период 1939 года куропашкинский крестьянин-единоличник А. С. Мишарин выплатил по облагаемому сельхозналогу 24 руб. 63 коп, А. Т. Павлов из 2-й Липовой – 26 руб.40 коп. и т.д. Существенно больше, чем колхозники.

Количество единоличников неуклонно сокращалось. Например, в деревне Мыльниковка Поселковско-Лысьвенского сельсовета из 29 домохозяев осталось всего 12 хозяйств единоличников. 8 бывших единоличников перебрались в Лысьву, на железнодорожные станции Лысьвы, Кына и Кормовище или выбыли в неизвестном направлении. Оставшиеся связали свою судьбу с колхозом «Красный Октябрь».

Налоги платили все домовладельцы, проживающие на территории сельсоветов. В том числе к ним относились железнодорожные рабочие, жившие в «казармах» вдоль Западно-Уральской железной дороги. Многие из них не имели хозяйства, и постепенно их налоговая задолженность превращалась в так называемые недоимки. Так, у рабочего Кузьмы Еремеева она выразилась в 5 руб. 10 коп, а у Александра Южакова и Алексея Шестакова по 10 руб.20 коп.

Таким образом, колхозы и колхозники являлись неиссякаемым государственным источником денег, сельскохозяйственной продукции, людских ресурсов.

Корову в каждый колхозный двор

В официальной историографии страшный голод в СССР хронологически укладывается в 1932 и 1933 годы. В ликвидации этого бедствия принял участие и Лысьвенский район, всегда считавшийся не самым благополучным для занятия сельскохозяйственным производством. Борьба с голодом помогла городской партийной организации уверовать в непогрешимость

командно-административной системы, благодаря чему вокруг горкома ВКП(б) сложился большой отряд апологетов, готовых насмерть биться за «единственно верную политическую платформу ВКП(б)». Под давлением командно-административной системы крепили колхозы.

В некоторых хозяйствах колхозники самостоятельно, сверх установленной нормы, расширяли посевные угодья, поскольку весь полученный с дополнительных площадей урожай оставался в колхозе. Эту инициативу поддержало постановление Свердловского облисполкома от 15 марта 1935 года. Так, в колхозе «Симоново» Ломовского сельсовета в 1932 году зерновыми засевали 48 га, а в 1934 году – 147 га. В колхозе «Большой Кумыш» за счет дополнительных посевных площадей колхозники стали получать по 7 кг зерна за трудодень, что в определенной степени сняло проблему питания колхозников. Появлялись некоторые продуктовые излишки, которые можно было продать на рынке.

Кое-где начались осторожные опыты по выращиванию колхозной пшеницы. В 1936 году этой культурой удалось засеять более 100 га.

Учитывая высокий потребительский спрос, в 1933 году совхоз «Заимский» разбил сад, в котором высадили 1500 яблонь сортов «сибирка» и «китайка». Через 3–4 года удалось собрать до 100 ц яблок, с 8 га смородины – до 2 т ягод, с 4 га малины – 1 т ягод, имелись 2,6 га земляники и т.д. «Садики», так назывался плодово-ягодный участок, давал хороший доход. Участок обслуживали четыре работницы. В течение 1933–1934 годов в коллективных хозяйствах района появились 10 молочно-товарных ферм (в некоторых из них имелись элитные породы коров), 10 свиноферм, 12 овцеводческих ферм, 11 кролиководческих ферм, 10 птицеферм. За происходящим на фермах, часто организованных в наспех подобранных помещениях, принадлежавших ранее кулакам, внимательно следили оставшиеся в деревнях уполномоченные райкома. Так, в марте 1935 года на бюро ГК ВКП(б) был вынесен вопрос о положении дел на свиноферме Матвеевского колхоза им. «17-го партсъезда». Выяснилось, что за два месяца по причине непригодности помещений и антиса-

нитарии на ферме погибло 148 поросят, или 78% весеннего приплода, причем, 95 голов получены от высокопородных элитных маток.

Существенные нарушения имелись в содержании молочного стада. За большой падеж приплода бюро объявило выговор председателю колхоза и строгий выговор заведующей МТФ. Дело о халатной преступности ветеринара, животновода, бригадира и доярки передали в прокуратуру. Прокурор города М. Кукарских обещал провести открытый показательный суд прямо в деревне.

Мерилем животноводческой политики колхозов являлся государственный план. В соответствии с ним Горзо периодически транслировал контрольные и фактические цифры о состоянии животноводства в целом по району. Например, на 1 октября 1935 года сводка выглядела следующим образом:

Количество животноводческих ферм в колхозах района

	ПЛАН	ФАКТ
МТФ	20	20
Свиноводческих	20	19
Птицеводческих	34	11
Овцеводческих	18	15
Кролиководческих	15	12
Пасек	20	19

Количество скота на фермах

КРС	4030	3434
Лошадей	1725	1758
Свиней	1320	1266
Овец	848	651
Кроликов	3000	2461
Птиц	2520	503
Пчелосемей	2462	1393

Выращенный молодняк на фермах

Жеребят	234	148
Телят	1420	754
Поросят	1098	794
Ягнят	384	310

Почти все колхозные фермы снабжали молодняком КРС «бескоровных» членов артелей. Идея Сталина о корове во дворе каждого колхозника получила широкую поддержку депутатов 2-го Всесоюзного съезда колхозников – ударников, заявивших: *«В каждом колхозном дворе необходимо развивать подсобное добавочное личное животноводство. Оно должно удовлетворять личный интерес колхозников».*

Для пропаганды культурного ведения животноводства и разведения высокопродуктивных пород скота проводились специализированные выставки. 7 июля 1935 года в Лязгино на базе колхоза им. Ворошилова состоялась районная выставка, которая показала, что в ряде хозяйств действительно появились элитные породы КРС, свиней, овец. Этот факт подтверждала запись 55 животных, занесенных в районную и областную государственную племенную книгу.

По примеру районной колхозы проводили межколхозные выставки. Осенью после уборочной страды выставку молодняка КРС и лошадей провел Саинский колхоз «Новый путь». Гости из соседнего колхоза им. «17-го партсъезда» высоко оценили телят тагильской породы и жеребят русской рысистой породы. В завершение программы доярка Нюра Кирякова показала лосенка, которого воспитывала вместе с телятами. Позднее лосенка продали в Московский зоопарк за 1500 руб. Сама Кирякова стала знаменитой дояркой. Во время грандиозного пожара летом 1936 года она отличилась спасением колхозной фермы и скота в то время как дом самой доярки сгорел дотла.

Животноводческие выставки выполнили свою агитационно-пропагандистскую роль. Сельская молодежь охотно шла на учебу в районную школу колхозников и постигала азы животноводства, счетоводства, бухгалтерского учета и др.

За зиму 1935–1936 годов школу закончили 81 человек. Выпускники школы участвовали в разведении высокопородистого скота, например, свиней белоанглийской породы в специально отстроенных фермах в колхозах «Колос» и «Новина». Как правило, подготовленные животноводы имели более высокие ежесуточные привесы молодняка, минимальный отход приплода, более высокие надои молока.

Партийные организации стремились выстраивать внутриколхозную деятельность по образцу и подобию рабочих коллективов. Любое событие, достойное подражания, немедленно тиражировалось, ставилось в пример. Так, поселковому сельсовету удалось досрочно собрать 1176 руб. сельхозналога, что случалось крайне редко, к 15 сентября. Немедленно председателя сельсовета заставили обратиться через городскую газету с призывом ко всем сельсоветам района последовать примеру и досрочно сдавать сельхозналог.

С первых лет колхозного движения предпринимались попытки организовать между бригадами и отдельными колхозами социалистическое соревнование. Зачинателями колхозного социалистического соревнования стали колхозы Крутоложского сельсовета «Новина» и им. «1-го Мая». Их инициативу подхватили «Новый путь» Саинского, им. Ворошилова Лязгинского; «Труд крестьянина» Залеснинского и «Победа» Воскресенского сельских Советов.

Председатель колхоза «Новина» Коротаев решил вызвать на личное соцсоревнование председателей колхозов «Колос» из Ново-Рождественска и «Заря» из Большой Лысьвы, поставив условием, что колхоз – победитель должен первым сдать хлеб государству. Трудно сказать, на что рассчитывал Коротаев, если в его хозяйстве имелась одна жатка-самосборка и одна сенокосилка, не считая нескольких молотилок и телег, а также почти три десятка километров разбитой дороги до ссыпного пункта в Кормовище. Победил председатель «Зари» Кондаков. Он первым в районе выполнил план хлебосдачи ко 2 сентября. Ново-Рождественский председатель Филиппов завершил сдачу зерна 12 сентября.

Весной 1933 года в Лысьвенском районе появилась машино-тракторная станция (МТС) с ремонтными мастерскими.

Станция располагалась в деревне Бабёныши Паинского сельсовета. При МТС функционировал политотдел для политической и воспитательной работы среди сельского населения. Он состоял из начальника и трех заместителей, ответственных за организацию партийной и комсомольской работы в деревнях района¹.

*Член артели
им. Ленина
И. Ф. Крапивин*

Трактора распределили по 6 колхозам, расположенным на окраинах района². Назвать счастливым событием получение техники председатели колхозов «Большой Кумыш», «Ударник», «Восход», им. Сталина (Кын), «Симоново», «Красный Октябрь» не могли, так как 80% времени трактора простаивали по причине поломок, отсутствия запчастей, ГСМ. При этом работники МТС сполна получали причитающуюся им долю сельхозпродукции в виде заработной платы. Если председатели колхозов по какой-либо причине задерживали выплату, из райкома партии или горисполкома следовал строгий окрик: «Немедленно платить!» Крестьяне называли работников МТС «захребетниками».

Со временем несколько тракторов сводили в бригады, дислоцирующиеся на базе центральных усадеб сельсоветов. Такая организация давала возможность во время посевной и уборки урожая не делать большие перегоны техники с поля на поле и позволяла оказывать помощь в ремонте сломавшейся техники в относительно приспособленном для этой цели месте.

¹ В 1934 году Бабёнышевский политотдел вошел в состав Лысьвенского РК ВКП(б), в 1941 году – восстановлен, в 1943 году – ликвидирован.

² Точное количество тракторов, имеющих в распоряжении МТС на 1933 год, установить не удалось. В 1936 году в МТС должны были поступить 30 тракторов «Сталинец» ЧТЗ и 5 прицепных комбайнов.

Сезонный характер сельскохозяйственных работ и объединение деревенских жителей вокруг колхозов позволили власти использовать организованную рабочую силу на лесозаготовках. В первой половине 1930-х годов колхозники работали на лесоучастках, расположенных в районе города, поскольку ни гужевых, ни автотранспортных средств не хватало, и доставка леса осуществлялась с помощью молевого сплава по рекам, впадающим в заводской пруд. Вероятно, поначалу лесозаготовки не рассматривались как тягостная обязанность, поскольку молодые колхозники работали с энтузиазмом, проявляя смекалку и выдумку. Например, на Запорненском лесоучастке молодые колхозники предложили использовать прицеп на вывозке хлыстов. За день работы на расстоянии 1,5 км они делали по 12 оборотов и вывозили по 18–19 кубометров древесины на каждые сани. В результате за день вывозили к реке Большая Запорная не 70, а 150 кубометров леса.

Заработки на лесозаготовках были не велики, поэтому у колхозной молодежи довольно быстро поубавилось желание работать в зимнюю пору в лесу. Но огромное по масштабам промышленное строительство в стране требовало колоссальное количество древесины, а для ее заготовки нужны были рабочие руки. Их могли предоставить только колхозы. В этой связи государство пошло на предоставление льгот колхозникам, заключившим договор на работу на лесозаготовках сроком на год. В этом случае личное хозяйство колхозника на 1 год освобождалось от сельхозналога и обязательной поставки молока государству. Как показало время, заработки на лесозаготовках и льготы не компенсировали отсутствие хозяина в колхозе. Государство ввело жесткие нормы для колхозов по направлению работников на лесозаготовки.

В середине 1930-х годов почти исчезли упоминания о кулацких хозяйствах, на грань полного исчезновения и экономической нецелесообразности сошли единоличные хозяйства. Единоличников в районе оставалось не так и много – по 10–15 хозяйств на сельсовет. Первопричиной исчезновения частных хозяйств являлась налоговая политика государства. Вот как распределялись налоги между колхозами и единоличниками на основе решения Лысьвенского горсовета:

Предмет налогового об- ложения	Для колхозов с 1 га	Для единоличн. с 1 га
Зерновые, корнеплоды, сеяные травы	2 руб.20 коп.	72 руб.
Картофель в поле и на усадеб	4 руб.	100 руб.
Овощи	16 руб.	650 руб.
Сенокосы	1 руб.	43 руб.50 коп.
Скот: КРС	-	110 руб.
Овцы, козы	-	4 руб.
От кустарного производства	50% от дохода	80% от дохода
От отходничества	30%	60%

Для колхозов и единоличников устанавливались разные сроки сдачи зерна государству: единоличникам не позднее 15 октября, колхозникам – не позднее 15 ноября. Разными были нормы обложения при выращивании картофеля. Колхоз должен производить не меньше 13 ц с 1 га, колхозник на своем подворье – не меньше 15 ц, единоличник – не меньше 23 ц. Уничажительное отношение государства к единоличникам транслировалось к представителям деревенской власти. Вопреки всем правилам и нормам председатель Паинского сельсовета Тощевиков в приказном порядке потребовал двадцати семи единоличникам *«немедленно выехать в колхоз «12 лет Октября» на вспашку паров. Последним предлагается взять с собой лошадей и верхами со сбруей явиться в распоряжение предколхоза»*. На распоряжении председателя сельсовета поставил визу председатель районного земотдела Вшивков. Фактически своими действиями чиновники срывали план хлебосдачи единоличниками, поскольку им нужно было до 20 августа убрать хлеб с площади 116 га.

Окончательно единоличников подкосил закон о лошадях, который утверждал, что лошадей единоличники держат *«не для сельхозработ, а для спекулятивной наживы»*. В результате за одну лошадь хозяин должен платить налог от 400 до 500 руб., за каждую последующую – от 700 до 800 руб. в год.

Комплексная бригада доярок колхоза «Новый путь»

Т. С. Субботина, М. А. Маракулина, Л. А. Брагина, А. И. Баранова

Принцип финансово-экономического и морального давления на единоличника имел одну цель – полностью искоренить единоличные хозяйства. Единоличник А. Полежаев из д. Симоново Ломовского сельсовета признавался: *«Пять лет я думал о вступлении в колхоз. Думал до головной боли, а боялся вступить. У меня семья 9 человек, а работников двое, думал без колхоза прожить. Теперь убедился, что напрасно время потерял. Без колхоза жить нельзя»*. Таких, как А. Полежаев, было много. В 1931 году колхоз «Симоново» состоял из 22 колхозников. 1 января 1935 года он насчитывал 35 колхозников, 5 апреля 1935 года – 58,1 мая 1935 года – 84 колхозника. Всего по Ломовскому сельсовету колхозами было охвачено около 80% домовладений.

В течение 1935-1936 годов появились новые колхозы:

Название колхоза	Название сельсовета
Им. Кабакова	Матвеевский с/с
Новая жизнь	Залесненский с/с
Им. Молотова	Саинский с/с
Им. Кирова	Саинский с/с
Им. Калинина	Саинский с/с
Им. Сталина	Ломовский с/с
Им. Буденного	2-й Ломовской с/с

Таким образом, за два года в районе удалось организовать 9 новых колхозов. Названия и место расположения двух из них установить не удалось. В Лысьвенском районе стало 27 колхозов¹. Некоторые из них, такие как саинский колхоз «Новый путь», где сложилось крепкое управленческое звено, уверенно выходили в число передовых хозяйств. В «Новом пути» имелась мельница, которая обслуживала крестьян 6 окрестных деревень, две электростанции – в Сае и Красотах, подающие электричество не только на фермы, но и в дома колхозников, лесопилка, кирпичный завод, приносящий до 16 тыс. руб. годовой прибыли.

Укрепление колхозов и поднятие авторитета колхозной жизни среди селян осуществлялось за счет налаживания торговых связей между городом и деревней. В немалой степени этому способствовало установление единых государственных цен на мясо, рыбу, сахар, картофель, масло. С 1 октября 1935 года состоялось снижение розничных цен на хлеб, муку, макароны, крупы.

Эпохальным событием стал ноябрьский (1934 г.) пленум ЦК ВКП(б), отменивший карточную систему на хлеб и некоторые другие продукты, а также упразднивший политотделы в МТС. К колхозам постановление имело весьма опосредованное отношение, а вот для горожан значило многое.

1 января 1935 года в Лысьве началась свободная продажа хлеба, а 5 января – продажа муки. Многочисленные объявления сообщали о продаже хлеба 20 магазинами отдела рабочего снабжения завода, 14 магазинами и ларьками Свердловского пищеторга. Хлеб продавали в кролиководческой ферме № 10, свиноводческой ферме № 19, овощной ферме № 20, молочной ферме № 22, в магазине Каменного Лога. Свободная продажа хлеба была так непривычна, что в течение дня люди приходили в один и тот же магазин и покупали хлебопродукты «прозапас».

¹ На 10 декабря 1935 года Акты о вечном пользовании землей получили 17 хозяйств района. Аналогичные документы земельный отдел готовил колхозам «Ударник», «12 лет Октября» и им. Кирова.

Сенокосная бригада колхоза имени Ленина

Свободная продажа хлеба прошла мимо колхозов, как не коснулось широких колхозных масс введение паспортов в СССР. В сущности, паспортизация окончательно превратила колхозников в советских крепостных, прикрепленных к одному месту проживания, покинуть которое они могли только с разрешительным документом на руках, выданным сельсоветом.

Достаточно популярными во второй половине 1930-х годов были межрайонные ярмарки, проводимые весной перед посевной и осенью после уборочной кампании или зимой перед Новым годом. Колхозники постоянно жаловались на неудовлетворительную работу сельпо, поэтому охотно везли на продажу в город мясо, молоко, овощи, иногда зерно. Колхозники Усть-Серебрянского колхоза «Ударник», наловив в реке Чусовой 80 пудов рыбы, значительную часть улова продали в Лысьве. О популярности ярмарок свидетельствовал факт, когда в декабре 1935 года жители Большого Кумыша выехали на ярмарку на 10 подводах.

Городская торговля выставляла на продажу мануфактуру, готовые платья и костюмы, трикотаж, кожаную обувь, хозяйственные товары. Мануфактура (хлопчатка) шла по цене от 1 руб. 90 коп. до

2 руб. за метр, сукно по 25 руб., обувь от 10 до 40 руб., готовое платье от 20 до 50 руб. Для проведения ярмарок на колхозном рынке, находящемся между ул. Смышляева – Металлистов – Коммунаров, специально выстроили большой деревянный павильон, который лысьвенцы называли «пассаж».

Свою лепту в становление и развитие колхозов вносила социальная сфера и, в первую очередь, отделы здравоохранения и народного образования. В партийных верхах заговорили о привнесении культуры в сельскую жизнь, ликвидации неграмотности и малограмотности.

Грамотность и медицинское обслуживание сельского населения первыми несли энтузиасты. В любое время дня и ночи, в любую погоду выезжали в деревни района врачи Арбузов, Мартынов, Зязин, Федоров.

Постепенно складывалась сельская система образования. В 1931 году в деревнях имелось 12 школ, в 1934 году их стало 32. Для сельской молодежи открылись школы крестьянской молодежи (ШКМ), в которых обучалось 607 человек. Относительно неплохо обустроили школы Лязгинского, Ломовского и Кыновского сельсоветов, но в массе своей кадровое и материально-техническое обеспечение школ не выдерживало никакой критики. Мало того, что в школах было темно и тесно, повсеместно школы не обеспечивались дровами. Например, учительница Уткинской школы Матвеевского сельсовета каждый день ходила в лес за хворостом. Для нормального учебного процесса не хватало самого необходимого: тетрадей, ручек и карандашей, учебников; учителями часто работали случайные люди.

Финансировалось образование по мизерным нормам и увеличивалось крайне медленно. Если в 1934 году на одного ученика выделялось 122 руб. в год, то в 1939 году – 231 руб., что считалось весьма существенным ростом бюджетных расходов на образование.

В обиходе сельской молодежи стало появляться такое понятие, как спорт, спортивные игры, спортивные соревнования. С 11 по 13 января 12 колхозников (9 юношей и 3 девушки) из Кыновского колхоза им. Сталина принимали участие в 1-й областной спартакиаде колхозников в Свердловске. Кыновля-

не заняли общекомандное 7-е место, показав хорошие результаты в беге, прыжках в высоту, метании гранаты.

Развитие социальной сферы колхозной деревни не могло состояться по причине отсутствия специалистов и скудного финансирования. Например, 4-я сессия городского Совета депутатов трудящихся, состоявшаяся 1 июня 1940 года, утвердила бездефицитный бюджет сельских советов в следующих объемах по сельсоветам:

Название сельсовета	Доходы/ расходы на 1940 г.	Кол-во насел. пунктов на 1947 год	В них дом. влад.
Больше-Лысвенский	31,6 тыс. руб.	16	560
Бизевский	41,0 тыс. руб.	15	447
Власовский	11,6 тыс. руб.	5	73
Залеснинский	27,8 тыс. руб.	8	109
Крутоложский	45 3 тыс.руб.	16	297
Кыновской	43,7 тыс. руб.	10	489
1-й Ломовский	24,4 тыс. руб.	9	144
2-й Ломовский	22,0 тыс. руб.	5	111
Лязгинский	37,0 тыс. руб.	9	186
Матвеевский	42,1 тыс. руб.	11	447
Ново-Рождественский	26,0 тыс. руб.	12	299
Паинский	35,8 тыс. руб.	13	142
Саинский	37,8 тыс. руб.	11	316
Соинский	19,8 тыс. руб.	5	111
Поселковый		41	438

На запланированные средства нужно было содержать школы, избы-читальни, ветпункты, аппарат сельсовета и т.п.

Такая разная жизнь колхозная

Середина 1930-х годов была относительно стабильной для молодого колхозного движения. Вольный крестьянский труд, превратившийся в нормированную законами жизнь, стал привычным. Обычными стали трудодни, которые то отмечались, то не отмечались бригадиром в книжке колхозника. Привычной неизбежностью стали такие понятия, как государст-

венный налог, самообложение, обязательное страхование движимого и недвижимого имущества, подписка на государственные займы и т.д. Спокойно воспринималось появление ранее неведомых организаций «Заготскот», «Заготзерно», всевозможных надзорных органов таких, как отделы народохозяйственного учета, госстрах, санинспекции, земотделы, уполномоченные райкомов, горсоветов и т.п.

Законом для колхозной жизни на многие годы вперед явился примерный Устав сельхозартели, принятый на втором Всесоюзном съезде колхозников и утвержденный 17 февраля 1935 года СНК СССР и ЦК ВКП(б). Документ узаконил существование колхозов и регламентировал их деятельность.

Более понятными стали взаимоотношения колхозов, колхозников и власти.

С покорностью воспринималось вмешательство во внутриколхозную жизнь партийных и комсомольских активистов, мало что понимавших в сельском хозяйстве. По требованию сельсоветов люди шли на лесозаготовки, ремонтировали межпоселенческие и районные дороги, выезжали на строительство городских социально-культурных объектов и жилья. Некоторое время в деревнях еще жил дух деревенской общности и коллективной «помочи» соседу, присущий русскому крестьянству; еще где-то в глубине души таилась вера в слова о «светлом социалистическом будущем».

1938 год оказался урожайным. В колхозах «Красный Октябрь», «1-е Мая», им. Сталина (Кын) и других удалось собрать по 17 ц зерна с 1 га. Рожь была настолько высока и густа, что старые изношенные жатки ломались и уборку приходилось осуществлять вручную. Это на 50-60% снижало производительность труда. В то же время трактора, распределенные руководством МТС по колхозам им. Горького, им. Сталина (Кын), «Ударник», «Восход», им. Орджоникидзе, «Большевик», «Вынырок», «Мишариха», «Рябиново» простаивали 80% рабочего времени по причине отсутствия ГСМ, поломок, элементарной нераспорядительности руководителей колхозов организовать приемку обмолоченного зерна. Случалось, что комбайны простаивали с полным бункером зерна несколько часов, а то и целую ночь, в ожидании разгрузки. Нередко из-за

отсутствия транспорта председатели колхозов вынуждены были прямо с поля раздавать зерно колхозникам в виде аванса по заработанным трудодням. И все же, несмотря на множество проблем, в целом по району удалось уложиться в плановые сроки уборки урожая.

Богатый урожай 1938 года позволил сделать трудодень достаточно весомым. Только в немногих слабосильных колхозах за 1 трудодень выдавали по 2 кг зерна. В основном колхозники получали по 5–7 кг. В «Заре» на работника вышло дополнительно по 2 кг мяса. Получали колхозники и мед с колхозной пасеки. В колхозах им. Кирова, «Новый путь», им. Ворошилова дополнительно к натуральной плате колхозники получили по 1 руб. денег на трудодень.

Особенно неплохо оплачивались трудодни кузнецов, слесарей, колхозных снабженцев и других категорий колхозников, от которых зависел успех или неуспех работы всей артели. Например, валюшинский кузнец В. Кобелев и его семья из четырех человек на 810 трудодней получили 13 ц зерна, саинец А. Маракулин получил более 18 ц зерна, большеельсвенец А. Чунжин заработал 1100 трудодней и получил более 70 ц зерна и т.д. В определенном смысле в некоторых хозяйствах стало складываться некое подобие «колхозной аристократии», что вызвало недовольство основной массы колхозников.

Росла прибыль колхозов. Если за весь 1937 год прибыль матвеевского колхоза им. «17-го партсъезда» составляла 98 тыс. руб., то только за три квартала 1938 года колхоз получил 96 тыс. руб. прибыли. На деньги от полученной прибыли колхозы «Новый путь», им. «17-го партсъезда», им. «8-го Марта» купили автомобили.

По словам начальника горземотдела Вшивкова, по итогам 1936 года у колхозов района имелась возможность реализовать 1330 голов КРС, 4530 свиней, 1100 овец. Лязгинский колхоз им. Ворошилова имел излишек товарного скота в виде 137 КРС, 313 свиней, 147 овец, 500 кроликов. Продать излишки скота готовились колхозы «12 лет Октября», «Новый путь», им. Кирова и другие. Излишки скота имели и колхозники. А. Маракулин из Саи продал бычка, свинью, 3 поросят и на

вырученные деньги купил фотоаппарат и велосипед, что по деревенским меркам считалось роскошью.

Явные и не очень явные успехи колхозов широко тиражировались партийными и комсомольскими агитаторами и пропагандистами. Городское партийное собрание обязалось выполнить призыв ЦК ВКП(б) *«Сделать все колхозы большевистскими, а колхозников – зажиточными»*.

Вместе с тем, в недрах трудовых будней сельских жителей копились проблемы, обострявшие взаимоотношения между колхозником и колхозом, колхозом и властью. Трудовой энтузиазм людей, объединенных обещаниями о светлом будущем, постепенно нивелировался профессиональной неподготовленностью колхозных руководителей, отсутствием специалистов и четкого учета выполненной работы, в распределении «на глазок» трудодней и т.д. В большинстве колхозов не предоставлялось авансирование в летне-осенний период. Регулярно задерживалась выплата по трудодням в Залеснинском, Паинцевском, Соинском, первом и втором Ломовском сельсоветах.

В Ново-Рождественском колхозе им. Сталина трудодни не начислялись месяцами, и колхозники не знали, на что им рассчитывать по итогам года, в каких объемах им следует требовать зерновой или денежный аванс. Известие о том, что бригаде колхозных строителей зернохранилища не начисляли трудодни три месяца, а заведующей МТФ полгода, дошло до руководства города. Занесение задним числом количества отработанных трудодней в «Книжку колхозника» нередко превращало стахановца в прогульщика, а прогульщика делало стахановцем. Бригадир животноводов в Заимке записал рабочему Алексееву вместо 36,6 руб. 117,5 руб., другому рабочему не доплатил 124 руб. Подобная небрежность давала поводы к ссорам, недовольству, нежеланию работать.

Отсутствие учета приводило к злоупотреблениям со стороны председателей колхозов, бригадиров, кладовщиков. В Паинцах состоялся показательный суд над председателем колхоза, который занимался «самоснабжением» за счет артели, растратил общественные деньги, за плату нарезал покосы

*Доярка колхоза им. Ленина
М. М. Борисова*

горожанам, что не имел право делать без согласия правления, и т.д. Суд приговорил растратчика к 5 годам заключения.

Имелись примеры другого рода. Председатель колхоза «12 лет Октября» Федосеев распорядился в первую очередь раздать хлеб колхозникам по 2-3 кг на трудодень, затем засыпать зерно в семенной фонд и только после этого рассчитаться нату-

рой с МТС. За это решение председателя обвинили в том, что он «проводит антигосударственную практику».

Все чаще колхозников раздражали бесконечные директивы и указы, работа под надзором разного рода партийных и советских уполномоченных и надсмотрщиков. Достаточно неоднозначно в деревнях восприняли закон «О распределении денежных фондов в колхозах». В соответствии с указанным документом выстраивалась жесткая схема последовательного распределения средств, полученных по итогам хозяйственного года, в виде сметы расходов. На первом месте стояли государственные налоги, страховые платежи, возврат ссуд. Затем следовали расходы на текущие нужды колхозов в виде ремонта сельскохозяйственной техники, лечения скота, борьбы с вредителями. Следующая статья предполагала покупку сельскохозяйственной техники, племенного скота, стройматериалов, отчисление на неделимые фонды (15–20% от доходов). Только 2% отводилось на культурные расходы селян, содержание детских яслей и садов, строительство клубов, содержание колхозной администрации и т.д. Все, что оставалось, шло на оплату трудодней. В законе имелась одна существенная оговорка, в которой отмечалось, что 30% годовой сметы следует рассматривать как резерв при видах на урожай следующего года.

На жатве. Деревня Каменка

Крайне болезненно колхозники отнеслись к арестам односельчан в конце 1937 – начале 1938 годов¹. Угнетала несправедливость, с какой власти арестовывали за не так сказанное слово, за частушку, пропетую на вечеринке, за возмущение по поводу госзаймов, за потрапу колхозным стадом полей, за задранную медведем телку и т.д. Раздражала бесцеремонность, с какой власти немедленно начинали пользоваться собственностью арестованных односельчан. В маленькой деревне Тайга колхоза «Новая деревня» в домах арестованных крестьян разместили школу и ферму. Бывшему крепкому хозяину, который миновал ареста, но был «раскулачен», доверяли только пастьбу коров. По словам односельчан, он «нищенствовал, так и умер в своем селе», других выслали в неизвестные края. Спустя годы деревенские жители уважительно вспоминали Василия Ивановича Каратаева и Алексея Федотовича Безматерных.

Поводы для арестов изыскивались самые невероятные. Член Союза журналистов СССР В. Ладейщиков, работавший в газете «Искра» в 1930-е годы, рассказывал: «Как-то райком партии предложил редакции послать бригаду печати на хлебозаготовки в Лязгинский сельсовет. Ситуация там

¹ Тема репрессий изучена лысьвенским краеведением очень слабо. В разных источниках разбросаны фрагментарные материалы о борьбе власти с «классовым врагом», «врагами народа», «антиколхозными элементами», кулаками.

создалась сложная. Сельсовет «завалил» план. Уполномоченный Рыбаков докладывал в район: «Да здесь на полях столько зерна не выросло, сколько сдать велено!» – «Поддаешься кулацкой агитации!» – отвечали ему. Как-то Рыбаков не выдержал. Хлебнув для храбрости, собрал сход, вытащил револьвер и закричал: «Саботаж? Всех перестреляю!» От греха подальше председатель сельсовета и секретарь партиячейки связали Рыбакова. Ночью он развязался и позвонил в райГПУ: «Мятеж!» В ночи поскакал в Лязгино конный наряд. Обо всем этом мы узнали уже позже на месте... Трудной была та неделя в Лязгино... Все же нам удалось добиться, чтобы сельсовету дали более реальный план хлебозаготовки. Но спасти многих от высылки и разорения мы уже не смогли. То были полные драматизма годы «сталинского раскрестьянивания» деревни»¹. Этот эпизод нашел продолжение в воспоминаниях ветерана Великой Отечественной войны В. Волкова. По его словам, первыми из родных деревень выслали в дальние края А. В. Котельникова с шестью членами семьи, А. П. Реутова из Большой Лысьвы, С. Мерзлякова из Еверзиков, М. С. Оборина из Дуброво, И. Н. Батуева из Заимки. После «мятежа» Лязгинский сельсовет долгие годы оставался под пристальным вниманием райГПУ. Арестовали М. Г. Мехрякова, К. С. Мехрякова, И. Ф. Мехрякова, И. А. Лязгина и К. Я. Лязгина с сыном Григорием, конфисковали хозяйство Д. И. Калинина.

В 1935 году аресту и обвинению в антисоветской пропаганде подвергся уроженец деревни Волково студент Свердловского индустриального института А. Д. Волков.

В полной мере каток репрессий прошелся по Лязгинскому сельсовету в 1937 году. Одновременно были арестованы члены колхоза имени Ворошилова: А. Т. Антониевский, А. Ф. Мехряков, Я. И. Мехряков, А. Ф. Мехряков, Н. М. Мехряков, А. К. Сергеев, И. П. Черепанов, Я. М. Зыков. Всех их осудили на 10 лет тюремного заключения.

¹Ладейщиков, В. Хлебнули и холодного, и горячего // Искра. 1990. 9 июня. С. 2.

Небольшая деревенька Веснино потеряла в этом году П. А. Малькова, Т. И. Мехрякова, А. К. Сергеева, в 1939 году – Ф. С. Мехрякова, в 1944 году – П. Н. Кондакова и К. К. Лязгина, в 1948 году – Д. С. Латышева.

Массовые аресты крестьян прошли в колхозе «Колос» Новорождественского сельсовета. В тюрьмах и лагерях НКВД оказались М. С. Скачков, В. П. Шаравин, П. И. Гладких, И. М. Запечалов, Г. С. Гладких, А. В. Гладких, П. А. Гладких, В. С. Русинов, П. Е. Колодин, В. Д. Борисов, И. Е. Останин, В. К. Ковин, А. К. Ковин и др.

Высылке и аресту подвергались самые трудолюбивые крестьяне, до конца не осознавшие, в чем же они провинились перед советской властью. Так началось экономическое угасание некогда процветающей части Лысьвенского района – Лязгинского сельского Совета. Процесс деградации ускорился в годы войны, когда на фронт ушли более 150 мужчин, из которых свыше 100 человек погибли.

Особенно жестоко чекисты относились к жителям репрессированных поселков Вынырок, Мишариха, Рябиново, Поныш. Своеобразие таких поселений заключалось в том, что это были закрытые зоны, покидать и попадать в которые можно было только по специальным разрешениям. Летом жители были колхозниками, зимой – лесозаготовителями. Зимой 1937 года по поселкам разъезжали вооруженные люди и без каких-либо объяснений арестовывали сразу несколько человек. Например, в вынырковском колхозе за раз арестовали полтора десятка человек. Из них двоих приговорили к высшей мере наказания, один получил 10 лет лагерей за контрреволюционную деятельность, девять человек за недоказанность состава преступления после годичного пребывания в СИЗО возвратились в поселок. По приблизительным подсчетам, в Вынырке было репрессировано более 40 человек. 31 декабря 1937 года арестовали 30 мужчин в рябиновском колхозе. Часть из них вернулась домой через год, остальные сгинули в лагерях и тюрьмах. Зимние аресты не миновали Поныш и Мишариху.

Бывший член колхоза «Уралец» (пос. Вынырок) В. Коротков писал: *«Что это было? С высоты прожитых лет можно сказать, что во времена культа в народе неустанно и очень*

искусно насаждался страх и недоверие друг к другу. Для осуществления репрессий находились и палачи, и поборники режима – выходцы из нашего же народа».

В конце 1938 года, благополучного с хозяйственно-экономической точки зрения, в колхозах района стала падать производственная дисциплина. Повсеместно десятки человек не выходили на работу в страдную пору. Городские проверяющие отмечали, что в разгар страды в колхозах «Колос», «Новая деревня», им. Ворошилова и других колхозники выходили в поле в 9–10 часов, а по домам расходились в 18–19 часов. Председатели и бригадиры пьянствовали по 2–3 дня. В колхозе им. «8-го Марта» 20 человек, посланных профсоюзом медработников в качестве шефской помощи на уборочную страду, никто не встретил, так что горожане самостоятельно искали себе сначала работу, а потом ночлег и пропитание. В колхозе «Путь Ленина» коровам по 4–5 дней не давали комбикорм. В колхозе «Победа» сено раздавали коровам без учета, так что значительная часть кормов просто затаптывалась животными. В колхозе «Колос» удои снизились на 80%. В заимковском совхозе скот заболел бруцеллезом.

В целом по району снизились темпы сдачи хлеба государству. Это был крайне тревожный сигнал. Для пресечения «антиколхозных настроений» власти нужны были какие-то новые и действенные рычаги управления.

3 октября 1938 года Свердловская область разделилась на Свердловскую и Пермскую области. Города горнозаводского Урала остались в Свердловской области. В Пермскую область отошли 4 города: Пермь, Лысьва, Кизел, Чусовой, 40 сельскохозяйственных районов и Коми-Пермяцкий автономный округ.

Под неусыпным контролем

Для ускорения сроков сдачи хлеба государству и подготовки к севу 1939 года горком партии, а потом и сельский райком, использовали привычные методы работы: совещания, партактивы, разборки на собраниях, проверки с выездами в

колхозы городских уполномоченных. На районном совещании, проходившем 4–5 февраля 1939 года, секретарь ГК ВКП(б) И. Чернышев отметил, что, несмотря на хороший урожай 1938 года, работу селян следовало признать неудовлетворительной. Докладчик указал, что план по зяби не выполнен, в течение года отсутствовала тесная связь колхозов с МТС, низкая трудовая дисциплина породила много прогулов и нерадивое отношение к работе. В колхозе им. Кирова 4 человека не выходили на работу в течение 3-х месяцев, в колхозе им. Чапаева 3 колхозницы за год заработали всего по 50 трудодней, а 3 колхозника не заработали ни одного трудодня и т.д. Что касалось подготовки к севу, то выяснилось, что из 644 конных плугов, имеющих в хозяйствах района, отремонтировано всего 208, из 406 борон – 144, из 136 сеялок – 11 и т.д.

Изменилась тональность итоговых решений совещаний. Они приобрели звучание приказов, директив, безоговорочных требований для исполнения.

Районное совещание 20 июня постановило: *«Категорически предложить колхозам немедленно организовать ремонт уборочного, молотильного, сортировального и транспортного инвентаря ...с расчетом готовности не позднее 1 июля»*. В протоколе записано: *«...совещание требует..., ...предупредить председателей колхозов..., совещание обязывает»* и т.д.

По замыслу партийных руководителей, мобилизовать колхозное крестьянство на высокопроизводительный труд могла испытанная агитационно-пропагандистская работа. Расчет делался на обращения и призывы достойно встретить 18-й съезд ВКП(б). Со всех концов района посыпались обещания увеличить сбор зерна, досрочно выполнить государственные поставки, школьники обещали не пропускать уроки и учиться только на «4» и «5». Рабочие совхоза «Заимский» *«обещали образцово подготовить коней к посевной, обеспечив их лучшими фуражными кормами»*.

Среди множества причин, по которым падала производственная дисциплина, а колхозники нерадиво относились к общественному труду, власть видела частнособственнические пережитки, с которыми активно боролась в пору созда-

ния колхозов. В деревнях складывалась ситуация, когда доходы колхозников, получаемые от личного подворья, были выше, чем доходы от трудодней, получаемых по результатам работы в колхозе в течение целого года. Не убеждали даже агитки в районной газете. В номере от 24 марта 1939 года газета рассказывала о Н. И. Лежанине, кыновском колхознике, который в 1938 году с семьей заработал 1342 трудодня и получил 65,7 ц хлеба, в т.ч. 20 ц пшеницы, 41,6 ц сена, 25,5 ц соломы и 1664 руб. денег. Годовой доход колхозника составил 10414 руб. Сколько было таких колхозников в районе, газета не уточняет.

Как ни старались партийные агитаторы, яркие примеры из жизни передовиков сельскохозяйственного труда не вдохновляли на ударный труд. Личные интересы превалировали над общественными. С этими «мелко-буржуазными перегибами» коммунистическая партия и советское правительство вели решительную борьбу, которая уже в первый год войны привела деревню к тотальному голоду.

С одобрения обкома партии и облсовета первым удар нанес Пермский областной земельный отдел. В апреле 1939 года он опубликовал рескрипт, упорядочивший организацию труда в колхозах области. Отныне основной производственной единицей в колхозе являлась бригада. Ее возглавлял бригадир, назначенный на должность правлением колхоза из числа опытных колхозников на срок не менее 2-х лет. В свою очередь, бригада делилась на звенья от 3–5 до 7–10 человек в каждом. Звено во главе с избранным звеньевым занималось конкретной деятельностью: выращиванием льна, картофеля, овощей, клевера, зерновых. За дисциплину (прогулы, опоздания, результаты работы) персональную ответственность несли бригадиры и звеньевые.

Облземотдел разработал поощрительную систему за сверхплановые показатели. Например, за 1 сверхплановый центнер зерна начислялись 10, ячменя и ржи – 12, пшеницы – 15, картофеля – 5, моркови – 8 трудодней и т.д.

Следующий шаг сделало майское (1939 г.) постановление ЦК ВКП(б) «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания». Речь шла о нарушении Устава сель-

хозартели, определившего норму приусадебного участка колхозников в пределах 0,25–0,35 га. Как правило, эта норма мало где выполнялась. По решению правлений колхозов она увеличивалась с ориентацией на количество едоков в семье. Нередко колхозники использовали приусадебные участки для выращивания льна или сенокосной травы, а овощи растили на колхозных землях.

Майское постановление ЦК требовало привести приусадебное землепользование в соответствие с Уставом колхозной артели. Для исполнения этого решения горком и горисполком создали 15 комиссий по обмеру приусадебных участков колхозников, единоличников и не колхозников, проживающих на территории колхозов или пользующихся колхозными землями. Каждая комиссия состояла из 3-х человек во главе с представителем города. В обязательном порядке членами комиссии являлись председатели колхозов.

Итоги обмеров показали, что из 2278 проверенных домо-владений нарушения имелись в 1074 хозяйствах колхозников. В 662 хозяйствах единоличников нарушения отмечены в 470 случаях. В суммарном выражении приусадебные участки колхозников «незаконно» занимали 104,54 га, единоличников – 90,07 га¹. После обмера излишки усадебных участков обрезались. Например, в колхозе им. Орджоникидзе из 62 хозяйств участки обрезали в 60 случаях, в колхозе «Большевик» из 55 хозяйств приусадебные участки сохранились у 50 владельцев, в колхозе «Восход» из 52 землю обрезали у 49 хозяев, в кыновском колхозе им. Сталина было отрезано и передано в колхозный фонд 5,35 га бывших приусадебных земель и т.д.

Городской земельный отдел распорядился остолбить оставшиеся в распоряжении колхозников приусадебные участки. Что касалось учителей, агрономов, железнодорожных рабочих и других категорий граждан, проживающих на территории колхозов, то на приусадебные участки им отводилось 0,15 га земли вместе с домами и хозяйственными постройками.

При всем желании власти привести приусадебные участки в соответствие с нормативными требованиями сельхозу-

¹ В 1939 году единоличниками числились 2% крестьян.

става колхозники продолжали пользоваться сверхнормативной землей в личных целях. Председатели колхозов «закрывали глаза» на подобные нарушения. Мало того, в нарушение Закона «О мерах охраны общественных земель...» председатели колхозов сдавали в аренду неиспользуемые земли сторонним организациям. Например, колхоз «Путь Ленина» разрешал засеивать около 20 га овсом городскому торгу и конному двору металлургического завода.

Майское постановление ЦК ВКП(б) нанесло сокрушительный удар по хуторам – *«этому наследию дореволюционной и единоличной жизни»*. Члены колхоза им «12-летия Октября» заявляли: *«Мы одобряем мероприятия партии и правительства о ликвидации хуторских приусадебных участков, находящихся среди колхозных полей. У нас в колхозе семь хуторов (1–3 дома в каждом) и занимают 12 га пахотной земли. Хутор Брагино пересекает колхозное поле и делает его плохо доступным для обработки сложными машинами»*.

За «горячим одобрением решения партии и правительства» на кон была поставлена судьба более 600 домовладений. Например, в Лязгинском сельсовете предстояло переселить 75 колхозников и единоличников, в Паинском сельсовете – 29 хозяйств и т.д. Если колхозникам, проживающим на хуторах, постановление предписывало получать помощь от колхоза при переезде на центральную усадьбу, то единоличникам, которых было большинство, такая помощь не полагалась.

Работа по переселению шла очень трудно. В том же колхозе им «12-летия Октября» правление собиралось 3 раза решать судьбу хуторов, но так ничего и не решило. Споры рождались от определения места переселения: в Лязгино или Захарово, или где взять для обустройства переезжающих лес, пиломатериалы, кирпич, стекло и прочее. В соответствии с постановлением, тягловая сила предоставлялась колхозникам полностью, а вот рабочая сила только *« в какой-то части... государство в этом оказывает колхозам денежную помощь в виде кредитов»*. В разгар летних работ нужно было снимать колхозников и лошадей для оказания помощи переезжающим.

По планам переселение хуторских жителей должно закончиться в декабре 1939 года, но продолжалось оно еще в течение нескольких лет. Ни в колхозах, ни у хуторян денег на переезд не было, а кредитование на переселение Сельхозбанк открыл только весной 1940 года. На месте разрушенных хуторов оставались кучи мусора, старые хозпостройки и остовы домов. Чтобы очистить площадь и пустить освободившиеся земли в хозяйственный оборот, снова требовались средства и рабочая сила.

*Животновод
липовского совхоза
Е. Шаравина*

Летом 1939 года окончательно решилась судьба единоличников. Те из них, кто еще держался за свое хозяйство, начали массово вступать в колхозы. Например, 12 единоличников одновременно вступили в колхоз «Новая деревня» Паинского сельсовета. К концу года менее 2% крестьян продолжали вести единоличное хозяйство.

За годы второй пятилетки окрепла животноводческая база колхозов и личных хозяйств колхозников. Требование Устава сельхозартели иметь в каждом колхозе не менее 2-3 животноводческих ферм в Лысьвенском районе выполнили далеко не все хозяйства. В основном колхозы имели одну, изредка две фермы и то, если хозяйство располагало достаточным количеством рабочих рук и возможность заготавливать нужное количество кормов.

Если развитие общественного животноводства власть поощряла, то с личными подворьями повторилась история, подобная обрезанию излишков приусадебных земель. Устав сельхозартели предписывал, что один колхозный двор может иметь одну корову и две головы молодняка, одну свиноматку и т.д. Как и с размерами приусадебных участков, колхозники в массовом порядке пренебрегали этим правилом. Например, в Крутоложском колхозе им. «1-го Мая» более 100 хозяйств имели по 2 и более коров, в небольшом Ломовском колхозе

им. Сталина на десятки дворов выпадало по две коровы, две свиноматки, по полтора-два десятка овец.

ЦК ВКП(б) и правительство потребовали привести размеры личного стада колхозников в соответствие с Уставом сельхозартели во имя того, чтобы колхозники больше сил отдавали общественному производству и жили за счет заработанных трудодней. Расставаться с нажитым скотом колхозникам было не просто. Одни хозяева с сожалением передавали «лишний» скот в колхоз, вероятно, в расчете на получение дополнительных трудодней: другие успевали отвести животных в город и продать. Такие, как колхозник колхоза им. Орджоникидзе С. Полежаев, разделил свое хозяйство на две части и вторую корову передал 70-летнему отцу. А колхозник Голышев из этого же колхоза не только продал корову, как говорили, по «спекулятивной» цене, но и без разрешения прогулял на свадьбе несколько дней, за что и был исключен из колхоза.

В логической схеме, окончательно встраивающей колхозы и колхозников в систему общественного труда, точку поставил новый Закон о сельскохозяйственном налоге, принятый ВС СССР 1 сентября 1939 года. По поводу его принятия нарком финансов А. Зверев говорил: *«Новый закон призван способствовать укреплению трудовой дисциплины в колхозах, еще больше повышать заинтересованность колхозников к лучшей работе своего коллектива».*

Новый Закон отказался от твердых налоговых ставок в размере от 10 до 15 рублей в пользу прогрессивных сборов, величина которых зависела от суммы доходов колхозников. Устанавливался обязательный минимум трудодней, который должен выработать каждый колхозник. Трудодни налогом не облагались.

1939 год для сельских жителей Лысьвенского района можно считать своеобразным рубежом, перевалив через который, все они оказались в рамках жесткой колхозной действительности на положении полусвободных, полу-крепостных граждан. Благодаря их труду в годы второй пятилетки окончательно оформилась система артельного сельского хозяйства на лысьвенской земле.

В формально-статистическом виде районное колхозное хозяйство выглядело следующим образом:

	1934 год	1939 год
Всего крестьян в колхозах	84%	98% в 34-х колхозах
Осваиваемая площадь	9400 га	13863 га
Вывозка минеральных удобрений	14 т	290 т
Средний урожай зерновых	9,6 ц с 1 га	Около 12 ц с 1 га
Количество животноводческих ферм (МТФ и СТФ)	57	144
Количество КРС	Данных нет	4467 голов
Количество свиней	Данных нет	1871 голов
Количество овец	Данных нет	1871 голов
Удои на 1 фуражную корову	864 л	1032 л (данные за 1938 г.)
Доходы от животноводства	344723 руб.	1250424 руб.

Значительным событием в колхозной жизни предвоенных лет явились Всесоюзные сельскохозяйственные выставки, имевшие целью *«популяризировать передовиков сельского хозяйства, распространять лучшие примеры их работы»*.

Главный выставочный комитет утвердил участников Лысьвенского района Пермской области на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке в 1939 году по результатам работы в 1938 году в следующем составе:

	ФИО участника	Должность/профессия	Наименование колхоза	Результаты труда
1.	Г. А. Деменов	Председ. правл.	«Ударник» Кыновской с/с	Получено 17,1 ц с 1 га озимой ржи
2.	Ф. Ф. Черепанов	Тракторист	Совхоз «Лысьвенский»	В 1938 г. обработал 400 га, сэкономил 1631 кг ГСМ
3.	А. Я. Быстрых	Работница теплицы	Совхоз «Лысьвенский»	С 448 кв.м получила 6042 кг огурцов
4.	В. А. Пермякова	Работница теплицы	Совхоз «Лысьвенский»	С 556 кв.м получила 4387 кг огурцов

	ФИО участника	Должность/профессия	Наименование колхоза	Результаты труда
5.	А. Ф. Южак	Работница теплицы	Совхоз «Лысьвенский»	С 648 кв. м получила 5822 кг огурцов
6.	М. В. Скачкова	Работница теплицы	Совхоз «Лысьвенский»	С 648 кв. м получила 5287 кг огурцов
7.	Н. К. Миронов	Агроном-овощевод	Совхоз «Лысьвенский»	С 5000 кв. м получил 46854 кг огурцов
8.	Е. И. Мухоморова	Работница теплицы	Совхоз «Лысьвенский»	С 648 кв. м получила 6481 кг огурцов
9.	С. Яковлева	Работница на парниках	Совхоз «Лысьвенский»	Получила по 20 кг огурцов с каждой рамы
10.	А. М. Вилисова	Свинарка	«Новый путь» Саинский с/с	От 9 свиноматок получила в среднем по 16, 2 поросят
11.	А. Е. Карасева	свинарка	Совхоз «Лысьвенский»	От 11 свиноматок получила в среднем по 19,1 поросят
12.	С. П. Мягкоступов	Председатель правления (свиноводческая товарная ферма)	Им. Сталина 2-й Ломовский с/с	Получали по 18, 35 поросят от свиноматки при сохранности молодняка 95, 15%
13.	О. Л. Мухоморова	телятница	совхоз «Лысьвенский»	Вырастила 97 телят со среднесуточным привесом 670 граммов
14.	И. П. Филиппова	Доярка	Совхоз «Лысьвенский»	Получила по 2200 кг молока от фуражной коровы
15.	А. А. Кирякова	Доярка	«Новый путь» Саинский с/с	Получила по 1862, 8 кг молока от фуражной коровы

	ФИО участника	Должность/профессия	Наименование колхоза	Результаты труда
16.	В. Н. Кузнецов	Конюх	Им. «12-го партсъезда» Матвеевский с/с	От 9 кобылиц получил и вырастил 9 жеребят
17.	Ф. Г. Секунцов	Конюх	Им. «12-го партсъезда» Матвеевский с/с	От 10 кобылиц получил и вырастил 9 жеребят
18.	М. Г. Тарабукин	Председатель правления	«Красный Октябрь» Поселковый с/с	Получен урожай зерновых в среднем 16,35 ц с 1 га
19.	С. А. Брагин	Председатель правления	Им. Кирова Саинский с/с	Получен урожай зерновых 15,7 ц с 1 га
20.	А. Г. Чудинов	Заведующий	Лысьвенский сортоучасток	Получил урожай 20, 4 ц с 1 га с площади 31, 42 га
21.	?	?	Им. Ворошилова Лязгинский с/с	Получен урожай зерновых в среднем 14,65 ц с площади 718,72 га.
22.	И. А. Агафонов	Председатель правления	Им. Чапаева Матвеевский с/с	Получен урожай зерновых в среднем 14, 15 ц с площади 376, 45 га.
23.	А. А. Бабныхов	Заведующий МТФ	Совхоз «Лысьвенский»	По высоким показателям работы фермы
24.	Е. А. Андреева	Доярка	Совхоз «Лысьвенский»	Получила по 1970 л молока от фуражной коровы
25.	Н. С. Пермякова	Доярка	Совхоз «Лысьвенский»	Получила по 1940 л молока от фуражной коровы
26.	А. С. Чашникова	Доярка	Совхоз «Лысьвенский»	Получила по 1977 л молока от фуражной коровы
27.	Ф. И. Черемискина	Доярка	Совхоз «Лысьвенский»	Получила по 1800 л молока от фуражной коровы

	ФИО участника	Должность/профессия	Наименование колхоза	Результаты труда
28.	М. П. Вахонина	Доярка	Совхоз «Лысьвенский»	Получила 1929 л молока от фуражной коровы
29.	Н. П. Катаева	Доярка	Совхоз «Лысьвенский»	Получила по 1811 л. молока от фуражной коровы
31.	Е. В. Пикулева	Доярка	Совхоз «Лысьвенский»	Получила по 1910 л молока от фуражной коровы
31.	С. Е. Смольников	Бригадир МТФ	Совхоз «Лысьвенский»	Ферма производила 1925 л молока от фуражной коровы
32.	П. М. Чепурко	Техник-животновод	Совхоз «Лысьвенский»	От 236 голов КРС добился 1930 л молока от фуражной коровы
33.	П. А. Мерзляков	Председатель правления	«Заря» Больше-Лысьвенский с/с	Получено в среднем по 18, 45 ц зерновых с площади 130, 5 га.
34.	А. И. Нечаев	Председатель правления	Им. Сталина (Кын) Кыновской с/с	Получен урожай яровой пшеницы в среднем 15, 8 ц, овса – 16, 2 ц с 1 га.
35.	?	?	«Победа» Власовский с/с	Получен урожай овса в среднем 16, 54 ц с посевной площади 115, 69 га

Не известно, насколько результативной для сельского хозяйства района явилась поездка делегатов на первую Всесоюзную сельхозвыставку. В следующем, 1940 году с 15 мая по 15 октября, в Москве состоялась вторая Всесоюзная выставка. На этот раз в Москву съездили 100 человек. Домой они привезли новый бренд: бороться «за сталинский стопудовый урожай».

Подбор делегатов, отправляемых на выставку, показал реальную картину положения дел в Лысьвенском районе. Из 35 человек, представлявших 34 лысьвенских колхоза и 2 совхоза, половину делегатов составляли рабочие и специалисты совхоза «Лысьвенский». Среди рабочих совхоза в основном были овощеводы, что говорило об относительно благополучном положении в этом направлении совхозной деятельности, чего нельзя было сказать о колхозах.

Далеко не все ладилось с колхозным растениеводством. В 1939 г. колхоз «Колос» (с. Ново-Рождественское) выполнил план по овощам на 46,1% и недополучил доход 60963 руб., колхоз им. Кирова (д. Нижние Исады) выполнил план на 55%, к-з «1 Мая» (д. Крутой Лог) на 10% и т.д. Овощеводы колхоза «Заря» (д. Большая Лысьва) предполагали получить от продажи овощей 64953 руб., а получили 32550 руб. Дальние от города колхозы, такие как «Труд крестьянина» (д. Залесная), им. Сталина (д. Лом), «Большевик» (д. Большой Бизь») и другие нередко не могли вывезти овощи в город из-за отсутствия транспорта и непроезжих дорог.

Не лучшим образом дела обстояли в животноводстве. Главная проблема заключалась в нехватке кормов и неподготовленности помещений для стойлового содержания скота. Справедливости ради, надо отметить, что правления колхозов (как отмечали проверяющие из города товарищи) *«выдавали корма колхозникам для личного скота бесконтрольно»*, т.е. хоть как-то пытались облегчить жизнь членов артели. Хотя и здесь многое зависело от председателя колхоза.

Известны случаи, когда для личного скота колхозники «Новины» косили траву вдоль дорог по ночам, а утром председатель заставлял отвезти заготовленный корм на колхозную ферму. Помещения для скота по разным причинам начинали ремонтироваться с наступлением первых холодов.

По результатам 1939 года колхоз «Колос» (Ново-Рождественск) недополучил от животноводства 17553 руб., колхоз им. Кирова (Нижние Исады) 10709 руб., колхоз им. Чапаева (д. Сергино) 8916 руб., «Заря» (д. Большая Лысьва) 14679 руб. и т.д. При этом надо было заплатить налоги, внести страховые платежи, расплатиться с госбанком за ссуду,

покрыть административно-хозяйственные расходы, расплатиться с МТС, заложить страховые фонды семян, фуража и т.д. На некоторые колхозы налагались различные штрафы, например, «Колос» выплатил 4290 руб. *«за невыполнение работ по дорожному строительству»*.

Итоги сельскохозяйственного года подвела 2-я сессия городского Совета депутатов трудящихся. В выступлениях депутатов и итоговых документах отмечалось, что *«большинство колхозов нашего района закончили 1939 год с неудовлетворительными результатами»*.

На пороге великих испытаний

Большую надежду на успешное развитие сельского хозяйства района партийные и советские органы возлагали на МТС. В соответствии с Уставом сельхозартели между колхозами и МТС заключались договоры, по которым МТС выполняли свои обязательства *«по мере возможности»*, тогда как колхозы должны были расплачиваться за проделанную работу по полной программе, независимо от величины урожая, погоды, качества работы МТС. Если колхозник за день работы получал 1, то тракторист от 3-х и больше трудодней. Например, в колхозе им. Горького (д. Большой Кумыш) за год все колхозники заработали 18660 трудодней, а два тракториста 173 только за 30 дней, в колхозе «Путь Ленина» (д. Соя) соотношение было 33419 к 2499, в колхозе «Колос» – 125683 к 1843 и т.д. При этом сплошь и рядом отмечались случаи, когда комбайн скашивал за день столько же, сколько жатка-самосброска.

Не забыли и дедовские способы земледелия. Из-за отсутствия не то что тракторов, а сеялок и лошадей колхозники «Ударника» провели весеннюю посевную кампанию на 100% за счет ручного сева, т.е. с помощью лукошка, из которого зерно разбрасывали горстями.

Задача эффективно использовать технику, повысить ответственность трактористов за результаты работы приобретала первостепенный характер.

По этой причине руководители МТС под- держивали любую инициативу своих рабочих, обещавших ударными темпами провести посевную или уборочную. Широко популяризи- ровались социалистиче- ские обязательства ком- байнера колхоза им. Во- рошилова А. Латышева, обещавшего убирать ежедневно не менее 20 га зерновых, не те- рять ни одного кило- грамма зерна, не допус- кать аварий и простоев комбайна без уважи- тельных причин, не де- лать лишних ни одного километра помимо

*На утреннюю дойку.
Колхоз «Колос»*

маршрутного передвижения от поля к полю, экономить по 1 кг горючего на каждый обработанный гектар поля.

Инициативу Латышева подхватывали другие механизаторы, но в целом соревнование не оказывало существенного влияния на ход посевных, уборочных и других видов сельхозработ, производимых силами бригад МТС.

Работа МТС и механизаторов вызывала массу нареканий со стороны всех 17 колхозов, которые они обслуживали. Прежде всего, сказывалась низкая профессиональная подготовка трактористов. Часто колхозники возмущались тем, что механизаторы забывали залить в бак горючее или долить масло, увеличивали скорость при пахоте, от чего плавились подшипники; оставляли без присмотра трактора, и в результате посторонними лицами снимались тракторные детали или терялся инструмент, могли по часу откручивать прижавевшую пробку у бочки с горючим и т.д. Что касалось

руководства МТС, то оно слабо контролировало график работы механизаторов. Сплошь и рядом техника выезжала на поля в 4–5 часов, а зерно для сева подвозилось в 9–10 часов. Не случайно делегат С. Филимонов потребовал с трибуны 4-й сессии горсовета: *«Исполкому горсовета обратить особое внимание на улучшение качества полевых работ МТС и соблюдение агротехнических правил, установить строжайший контроль за выполнением договоров между МТС и колхозами».*

В ответ на неудовлетворительную работу МТС председатели колхозов затягивали денежные расчеты, которые нередко осуществлялись через решение суда. Как следствие, МТС не могла во время закупить горючее и запчасти, что тоже сказывалось на результатах работы станции.

По всей вероятности, не только в Лысьвенском районе работа МТС вызывала серьезные нарекания. Для наведения дисциплинарного порядка президиум ВС СССР издал Указ «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в МТС», который, впрочем, не внес принципиальных изменений в работу как отдельных механизаторов, так и всей МТС.

В номере от 2 апреля 1939 года газета «Комсомольская правда» призвала 100 тысяч девушек Советского Союза сесть за рычаги тракторов. В Лысьве призыв «Комсомолки» не получил широкого отклика. Среди руководителей бытовало мнение, высказанное председателем колхоза им. Ворошилова Лязгиным: *«Водить трактора не женское дело!»* И все же находились девушки, желавшие взяться за тракторные рычаги. Молодые колхозницы Русинова, Елсукова, Гиляшова, Гилева и Полина Оборина успешно обуздали «железного коня». Они показывали хорошие результаты при обработке земли и сборе урожая, ничуть не отставая от мужчин – трактористов. Имелись и другие примеры, когда прицепщицы Югова из колхоза «12 лет Октября» и Сазонова из колхоза им. «8-го Марта», освоив навыки «мужской» профессии, вынуждены были отказаться от работы на тракторах и перейти в полеводство из-за насмешек и злословий односельчан.

К сожалению, в 1930-е годы не накопился опыт использования труда женщин на тракторах и комбайнах. С большими сложностями он складывался в годы Великой Отечественной войны, когда мужчины-механизаторы ушли на фронт.

Приближение войны ощущалось все явственнее. Увеличивались и конкретизировались запросы государства на поставку сельскохозяйственного сырья для оборонной промышленности. 16 марта 1940 года Молотовский облисполком принял постановление о сдаче шерсти государству из расчета в 1940 году 35 граммов полугрубой шерсти с каждого га пашни, а в 1941 году – 50 граммов.

К концу 1940 года в колхозах Лысьвенского района насчитывалось 3090 овец.

Ужесточились требования к содержанию конского поголовья. Количество лошадей в каждом хозяйстве зависело от экономического состояния артели.

Например, большие колхозы им. Ворошилова, «Новый путь», «8-е Марта» имели, соответственно, 117, 112, 98 лошадей, колхозы поменьше, такие как им. Орджоникидзе и им. Чапаева – 51 и 66 лошадей и т.д. В общей сложности колхозы района имели 2500 лошадей.

В артельных хозяйствах лошади являлись основной тягловой силой. Их использовали на вспашке, уборке урожая, при перевозке грузов – всюду, где они могли заменить тяжелый крестьянский труд.

Среди поголовья рабочих лошадей в колхозах имелись так называемые «фондовые» лошади, предназначенные для обязательной поставки в армию. Первыми в районе лошадей для РККА начали готовить кыновляне из колхоза им. Сталина. В 1937 году они приобрели двух кобылиц русской рысистой породы, которые стали основой будущего высокопородистого табуна. Для рысаков построили просторную конюшню с удоб-

Газетная агитка на тему срыва заготовки кормов для скота

ными денниками, специально назначенные конюхи кормили и чистили лошадей, проводили регулярные тренировки.

Подготовка к войне требовала резко увеличить госпоставки продовольствия. В этой связи в апреле 1940 года вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР об изменении в политике заготовок и закупок сельскохозяйственных продуктов. Ранее установленные размеры госпоставок отменялись и переводились на погектарное исчисление с каждого гектара пашни, закрепленной за колхозом. В равной мере поставки относились к зерновым угодьям, сенокосам, садам, теплицам и т.д. Погектарные поставки распространялись и на плановые угодья, которые подлежали подготовке к эксплуатации в виде перспективной раскорчевки, осушения, обустройства.

Апрельское постановление поставило жесткие условия всем колхозам, но особенно тяжелым оно было для тех хозяйств, которые имели большие неразработанные земельные угодья и слабо развитое животноводство. Например, имея равные земельные площади, по данным за 1939 год, паинский колхоз им. «12-летия Октября» сдал государству 63 т молока, а крутоложский колхоз им. «1-го Мая» – 29 т. Это, однако, не значило, что паинские колхозники оказались в более выгодном положении. Размеры госпоставок сельхозпродукции выросли для всех колхозов без исключения и стали непосильной ношей, приведшей крестьянство к обнищанию и полуголодному существованию.

В общем контексте накапливания государством денежных и продовольственных ресурсов 15 апреля 1940 года вышло постановление Президиума ВС СССР и ЦК ВКП(б) «Об отмене гарнцевого сбора за переработку зерновых, бобовых, крупяных, риса и масляных культур». С 1 июля отменялось взимание с колхозников гранцевого сбора натурой в доход государства. На всех мельницах и установках за помол отныне нужно было расплачиваться деньгами. За неполученное от колхозников зерно сейчас должны были расплачиваться колхозы. Таким образом, за помол приходилось платить дважды: деньгами колхозникам и натурой колхозам.

С большим напряжением проходила в деревнях работа по распространению облигаций Займа 3-й пятилетки. Пример

подавали руководители – председатели колхозов, бригадиры и специалисты. Им приходилось подписываться на суммы в размере месячной зарплаты от 300 до 400 руб. В числе первых подписавшихся были председатели колхоза им. Сталина Нечаев (Кын), им. Сталина (Лом) Мягкоступов, ветфельдшер совхоза «Заимский» Швалев и др. Среди механизаторов первыми подписчиками на заем являлись инициаторы социалистического соревнования Черепанов и Трушников.

Значительное напряжение для колхозных бюджетов и колхозников в предвоенный период внес новый Закон об обязательном окладном страховании. Обязательному страхованию подлежали артельные строения, сельскохозяйственный инвентарь, весь скот, лошади и посевы. Страховым окладом облагались дома колхозников и личный скот. Отдавая последнее, колхозы все глубже погружались в долговую яму. 5-я сессия областного Совета отметила, что Лысьвенский район не сумел сделать отчисления в неделимый фонд колхозов.

Анализ итоговых статотчетов показал, что при кажущемся благополучии работы колхозов в последнем предвоенном году, ни одно из 34 артельных хозяйств не выполнило в полном объеме плановые задания, поскольку они превышали реальные технические, кадровые и финансовые возможности колхозов. Удручающе низкими были государственные закупочные цены на сельхозпродукцию, но в то же время крайне высокими оставались цены на минеральные удобрения и технику, кредитные ставки в госбанке. Несмотря на жесткие дисциплинарные меры, в колхозах совершалось много прогулов, поздних выходов и ранних уходов с работы. Эти факты отмечалось во всех официальных отчетах. Показателен пример Д. Рисковой из колхоза им. «12-летия Октября». В разгар уборочной страды она собирала ягоды и грибы, которые продавала на городском рынке. За две недели доход колхозницы составил 1200 руб. Часто вместо взрослого колхозника на работу являлись подростки. Стараясь восполнить дефицит рабочих рук, председатели колхозов шли на всевозможные ухищрения. Например, создавали уборочные бригады из 65–70-летних стариков и старух, работавших порой не хуже молодых членов артели.

Чтобы удержать колхозников в поле и на ферме, председатели колхозов заведомо шли на должностное нарушение. Одним из самых серьезных являлась выдача авансов до процедуры сдачи хлеба государству. 16 августа 1940 года райуполнаркомзем Амосов установил, что председатель колхоза «Новая деревня» С. Порубов авансировал одной тонной зерна колхозников, не приступив при этом к госпоставкам. Немедленно собралось бюро ГК ВКП(б), которое квалифицировало решение председателя как «разбазаривание» и обратилось к городскому прокурору с просьбой привлечь С. Порубова к ответственности. Председателю колхоза «Новина» Старцеву бюро горкома партии объявило строгий выговор за выдачу колхозникам в виде аванса 168 кг ржи.

Для повышения материальной заинтересованности председателей колхозов и их руководящего статуса 8 сентября 1940 года Молотовский обком ВКП(б) и облисполком приняли постановление о гарантированной ежемесячной заработной плате председателей колхозов. При наличии в хозяйстве посевной площади (включая сады, огороды, ягодники) до 100 га председатель мог рассчитывать на зарплату в размере 45 трудодней, от 101 до 300 га – до 50 трудодней, от 301 до 500 га – до 55 трудодней в месяц и т.д.

Вопреки желанию власти увеличить объемы сельхозпродукции за счет увеличения угодий и, соответственно, гектарного исчисления поставок в колхозах «Победа» (д. Северная), «Красный Октябрь» (д. Мыльниковка), им. Орджоникидзе (д. Нижний Бизь) и других крестьяне под разными предлогами отказывались расширять посевные площади, осваивать пустоши, увеличивать запашку. Из этого ряда выделился колхоз им. Горького (Большой Кумыш), который за 1939–1940 годы раскорчевал 100 га дополнительных площадей. В то же время в колхозе им. Кагановича (д. Петровичи) под снег ушло 5 га картофеля, в «Новине» (д. Воскресенцы) неубранными остались 19 га овса и т.д. В планах 1940 года предусматривалось вспахать 3100 га паров, а вспахали 2363 га.

Не выполнялись обязательства колхозов по поставкам молока. Вместо 80% по плану в сентябре 1940 года колхоз «12 лет Октября» сдал 35%, «Путь Ленина» – 22%, им. Ворошилова

– 49,9% и т.д. Фактические надои от одной фуражной коровы в колхозе им. Кагановича составили 386 л в год, им. Молотова – 486 л., им. «1-го Мая» – 486 л.

Только четыре колхоза «Восход», «Рябиново», им. Чапаева и «Уралец» выполнили планы по молочным поставкам.

Стараясь всемерно поощрять развитие животноводства (в том числе минимизировать отходы молодняка телят и свиней), в качестве примера три колхоза освободились от государственного планирования по животноводству на 1941 год, т.к. перевыполнили погектарный план поголовья скота согласно имеющейся земельной площади. Это решение озвучил председатель горсовета А. Макшаков на районном совещании сельскохозяйственных работников 15 марта 1941 года. Среди отмеченных таким необычным образом были колхозы им. Сталина (д. Валушино), перевыполнивший план по разведению свиней на 50% и овец на 4%, им. Кирова (д. Нижние Исады) перевыполнивший план по коровам на 47% , по количеству свиноматок на 45%, по овцам на 100%; колхоз «Колос» (д. Ново-Рождественск), перевыполнивший план по коровам на 14%, по свиноматкам на 11%, по овцам на 100%.

Массово не выполнялись планы по вывозке на поля органических удобрений. Минеральные удобрения были очень дороги. Этот факт отмечали заводские рабочие в своих выступлениях на районных съездах Советов, когда сравнивали полутонную, а то и двойную разницу в цене на удобрения, поступавшие в колхозы и совхозы. Мизер удобрений, что колхозы получали по разнарядке, невозможно было вывезти из-за плохих дорог и отсутствия транспорта.

Как следствие, падала урожайность в первую очередь зерновых культур. В колхозе «Ударник» (д. Усть-Серебряная)

*Сбор огурцов на участке
закрытого грунта
А. И. Комарова (слева) и
Ф. Н. Богомолова. Заимка*

в 1937 г. урожай составлял 17,7 ц с 1 га, в 1938 г. 14,4 ц, в 1939 г – 5,6 ц.; в колхозе им. «8-го Марта» (д. Кутамыш) – 6,75 ц и т.д. «Сталинский стопудовый урожай» в 1940 году собрали только шесть колхозов: «Заря», им. Молотова, «Красный Октябрь», «Ударник», им. Сталина (Кын) и «Авангард» при средней урожайности 13,3 ц с 1 га.

Львиную долю заработанного за год колхозы и колхозники отдавали государству.

В июле 1940 года правление Ново-Рождественского колхоза «Колос» обратилось с призывом к девяти колхозам, расположенным вдоль Кунгурского тракта *«силами общественности построить дорогу Лысьва – Кунгур»*. 7 июля инициативу новорождественцев одобрило бюро ГК ВКП(б). Срочно созданный штаб разработал план мероприятий, определил технических руководителей, разработал график выезда на дорогу рабочих и колхозников, озаботился культурным обслуживанием строителей, поскольку *«как никогда должна быть развернута на трассе массовая и политическая работа»*.

По расчетам техника дорожного отдела горисполкома П. Стерлягова, на дороге протяженностью 47 км, проходящих по территории Лысьвенского района, нужно было устроить 3 моста, 17 водоотводных труб, переместить около 20 тыс. кубометров земли, обустроить кюветы, провести планировку полотна дороги, сделать подсыпку и трамбовку гравием и т.д. Предстояло немедленно найти гравийные карьеры, определиться с автомобильным и гужевым транспортом. По прикидкам штаба, на все работы отпускалось не более 10 дней, т.к. приближалась уборочная страда. На помощь колхозникам вышли тысячи рабочих и служащих всех предприятий и учреждений города за исключением металлургов. В эти дни на заводе началась внутренняя организационная перестройка в связи с выходом 27 июля Указа ВС СССР «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Спонтанное решение о ремонте дороги без соответствующей подготовки не могло и не дало положительного результата. Уже осенью и весной дорога снова стала мало при-

годной для эксплуатации. Райисполком решил повторить опыт предыдущего года и провести с 28 июня по 3 июля 1941 года массовый выход колхозников на ремонт дороги, но этим планам помешала война.

Энтузиазм строителей дороги был так велик, что председатель колхоза им. Ворошилова И. Лязгин решил воспользоваться им для решения давно насущной проблемы, а именно, построить пруд, в котором нуждалось его хозяйство. Под благовидным предлогом последовать примеру строителей Ферганского канала он обратился ко всем колхозам района приступить к возведению простейших земляных плотин для запруживания мелких рек. И эту инициативу поддержали горком партии и горисполком. Буквально в течение недели пруды появились в деревнях Грива, Выломово, Захарово, Кутамыш, Олени и др. Впоследствии из них брали воду для ферм и полива парников, они использовались как противопожарные водоемы, кое-где разводили рыбу. В ряде деревень устраивались небольшие электростанции. Например, в Валюшино предполагалось получать 45 киловатт электроэнергии, которых вполне хватало на освещение домов колхозников и фермы в колхозах им. Сталина и «Авангард».

В довоенные годы среди колхозников было распространено так называемое отходничество. По плановым разнарядкам сельсоветов люди отправлялись на лесозаготовки, сплавы леса, строительство и т.п. В отчетах указывалось, сколько среди них было каменщиков, плотников, возчиков. Например, в 1937 г. из матвеевского колхоза им. «17-го партсъезда» при количестве взрослого населения 304 чел. в «отход» ушли 32 чел., из кыновского им. Сталина при 124 взрослых колхозниках в отход ушли 24 человека и т.д. Существующие правила позволяли «отходникам» получать на руки наличные деньги при условии, что 10% из них шли в колхозную казну. Если «отходник» работал с колхозной лошадью, в казну отчислялось 65% заработка. За пределами колхозов «отходники» старались работать в полную силу. В 1939 г. «отходники» из колхоза «Авангард» (д. Сосновое Болото) заработали 8048 руб., «Новый путь» (д. Сая) – 2904 руб. и т.д. Заработанные деньги шли на покупку товаров, которых в деревенских магазинах купить бы-

ло невозможно: одежду, обувь, посуду и т.п. Те, кто не мог по какой-либо причине покинуть деревню, зарабатывали на том, что собирали кости животных, рога, копыта, тряпье, которые сдавали приезжавшим в деревни спецзаготовителям и получали взамен булавки, иголки, пуговицы, гребни и прочую бытовую мелочь.

«Отходничество» давало колхозникам возможность выйти за пределы деревни на «законных» основаниях, поскольку появиться в городе и передвигаться, например, по железной дороге из Паленого Лога в Лысьву он мог только со справкой, выданной правлением колхоза. На основании постановлений СНК СССР № 57/1917 от 27 декабря 1932 г. и № 861 от 28 апреля 1933 года крестьянам, в отличие от горожан, имевших паспорта, такие документы в массовом порядке не выдавались.

Нет оснований утверждать, что лысьвенские колхозы во всеоружии встретили начало войны. Среди десятков коллективных хозяйств только единицы имели относительно крепкую экономическую базу, удовлетворявшую невзыскательные потребности колхозников. С трудом выполнялись государственные поставки сельхозпродукции. Подавляющее большинство сельхозартелей отдавало государству практически все, что удавалось вырастить и произвести на полях и фермах. Подчас в закрома государства свозились даже семенные запасы.

И пришла война...

Указ ВС СССР от 22 июня 1941 года «О мобилизации военнообязанных с 1905 по 1918 г. рождения» разлетелся по сельсоветам за один день. Мобилизация, как предписывал Указ, началась 23 июня и с каждым днем набирала обороты. Определить точное количество призванных в армию крестьян не представляется возможным. Имеющиеся статистические данные дают обобщенную информацию в целом по Лысьвенскому району и то в графе «выбывшие». Расшифровка «куда и когда» отсутствует.

По обобщенным данным по городу и сельсоветам, почерпнутым в материалах Лысьвенского городского архива, можно составить картину движения населения в годы войны:

Годы	Выбыло человек	Кол-во родившихся	Кол-во ¹ умерших	Примечания
1941	5695	1409	857	с июня по декабрь
1942	5274	1303	2170	
1943	3892	613	1720	
1944	4241	555	1792	
1945	1050	200	315	с января по май

Основной контингент мобилизованных состоял из сельских жителей, т.к. суматошная мобилизация заводских рабочих в первые месяцы войны привела к кадровым проблемам в цехах, занимавшихся выполнением военных заказов. Из годовых отчетов колхозов следует вывод, что в годы войны количество взрослого мужского населения по сравнению с женским населением деревень сократилось от 3 до 5 и более раз. Это подтверждают данные, взятые из материалов Аитковского сельсовета, в котором проживало около 1300 человек. В годы войны в армию были призваны 263 человека. Из них более 160 человек погибли.

Особенно больно война ударила по численности мужского населения малых и средних деревень. В деревне Челпан в 1938 году числились 2 единоличных хозяйства. 21 сентября 1941 г. в армию из нее мобилизовали А. А. Штейникова, а 22 апреля 1942 года И. А. Штейникова. В деревне Талая на 1 января 1941 года числились 23 домовладения. В 1941–1942 годах в армию были мобилизованы 8 мужчин, из которых Н. И. Пасынкову и Н. П. Литвину едва исполнилось по 18 лет. Из оставшихся семей в 10 не было мужчин, детей воспитывали женщины, в 3-х семьях мужчины были инвалидами. Из дома отдыха «Сокол» в армию призваны 2 человека. Из деревни

¹Особенно велика смертность была в весенне-летние месяцы 1942 года: март – 215, май – 200, июнь – 214, июль – 193, август – 200 чел.; и 1944 года: март – 257, апрель – 268, июнь – 286, июль – 158, август – 171 чел.

Нахратово из 16 мужчин только в 1941–1942 годах призвано в армию 7 человек. В книге, описывающей домовладения Нахратово за 1940–1942 годы, значится Иванов Евгений Нилович, призванные в РККА 8 октября 1941 года, будущий Герой Советского Союза. Из деревни Куропашка в РККА мобилизовано 6 человек. Из д. Колупаиха в 1941 г. мобилизовано 6 человек, из Среднего Бурсяка – 6 человек, Нижнего Бурсяка – 9 человек. Из деревни Первая Липовая только в 1941 году на фронт ушли 13 мужчин, из деревни Вторая Липовая в 1941–1942 годах мобилизованы 17 мужчин и т.д.

Призыв мужчин в армию, мобилизация подростков в ремесленные училища, остального взрослого населения на работу в промышленность и лесозаготовки, миграция эвакуированных жителей из западных районов страны затруднили прогнозирование потребностей фронта и промышленности как в кадровом обеспечении, так и в бесперебойном снабжении продовольствием. Потребовалось жестко перестраивать государственный учет каждого человека и каждого пуда зерна. В этой связи 21 ноября 1942 года ЦСУ госплана СССР издало приказ № 469, который устанавливал отчетность о возрастном и половом составе сельского населения по заданной форме не позднее 25 января 1943 года. В похозяйственные книги и отчеты вносились колхозники, рабочие, служащие, кустари коопераций, единоличники, воспитанники детских домов, интернатов и т.д. В числе временно проживающих на территории сельсоветов должно быть охвачено эвакуированное население, но без указания пола и возраста. Как подчеркивал приказ, сведения должны быть *«исчерпывающими»*.

3 июля 1941 года в Лысьву прибыл первый эшелон эвакуированных граждан из Литвы и Белоруссии в количестве 366 человек. Несколькими днями позднее в город стали прибывать санитарные поезда с ранеными солдатами. Большое количество эвакуированных, беженцев, заключенных негде было расселять, так как в городе и без того остро стояла жилищная проблема. На городских окраинах и в близлежащих от города деревнях Заимка, Дуброво, Еверзики, Садики, Липовая стали срочно строить жилье. Спешно собирали строительные бригады из невоеннообязанных, стариков и пенсионеров. Для эва-

куированных граждан, направленных на работу в заводе, возводили жилые бараки; для нужд колхозов строили нилища, зерносклады, для детей – детские сады и школы.

Изменения количественной, гендерной и возрастной структуры деревенского населения можно проследить на примере колхоза им. «1-го Мая» Крутоложского сельсовета.

Количество дворов и населения	В 1941 году	В 1944 году
Дворов	74	40
Население	334 чел	131
Взрослые, в т.ч.:	84 чел.	60 чел.
Мужчины	21 чел	10 чел.
Женщины	63 чел.	50 чел.
Подростки от 12 до 16 лет	Около 40 чел.	11 чел.

Таким образом, за годы войны в колхозе сократились все группы трудоспособного населения: 53% мужчин ушли в армию, 21% женщин мобилизованы в трудармию, 73% подростков направлены в ремесленное училище и школы ФЗО. Первыми на фронт уходили мужчины-механизаторы: трактористы, комбайнеры, рабочие МТС.

Просчитывая перспективу кадрового резерва для РККА и потребности для промышленных объектов, статисты вели отдельный учет женского населения призывного возраста. В соответствующей графе подомовых книг против женских фамилий призывного возраста ставилась запись «рядовая». В мыльниковском колхозе «Красный Октябрь» таких «рядовых» женщин 1907–1924 годов рождения в списки было занесено 30 человек. В 1941 и 1942 годах сельских учительниц, библиотекарей и других селянок, имеющих образование, мобилизовали на работу в госпитали. Часть из них сразу приступала к работе в должности санитарок, часть направилась на курсы в лысьвенскую школу медсестер. Получив профессию медсестер, девушки направлялись в тыловые госпитали или на фронт.

Особую роль в жизни деревни военных лет сыграли девушки-трактористки. По статистическим данным, в армию мобилизовали примерно 80% тракторов, находящихся на балансе

МТС. Все, что осталось, представляло собой рухлядь, за ненужностью брошенную еще до войны, но по разным причинам не списанную. С невероятными усилиями трактора восстанавливали. Специальные комсомольские звенья обходили лесоучастки, колхозы, где когда-то работали трактора, а также дома ушедших на фронт трактористов в поисках запасных частей.

В уборочную страду осени 1941 года на тракторах и комбайнах некому было работать. Призыв к женщинам и девушкам – колхозницам сесть на трактора и комбайны не возымел действия. На весь район только шесть девушек: А. Якушева, М. Ведерникова, А. Еремеева, Н. Корнилова, М. Важесова и Н. Дзякова – решили освоить профессию механизатора. Только трое из них закончили курсы трактористов при МТС.

Работа механизаторов и шоферов на довоенной технике была невероятно тяжелой. По этой причине она не пользовалась спросом среди женского населения деревень. Молодые колхозницы проигнорировали обучение на краткосрочных курсах шоферов, открытых в городе в первых числах июля месяца. Точно также они не откликнулись на призыв поступать на 3-х месячные курсы трактористов, открытых в деревне Паинцы. По плану 1 декабря на курсы должны записаться 47 человек для работы на колесных тракторах, 6 на газогенераторных тракторах, 10 на комбайнах. Отдельная подготовка предполагалась для 9 будущих бригадиров. Однако на 18 декабря на курсах числилось всего 24 человека. В основном это были жители Паинцев и окрестных деревень. Отчаявшись набрать штат курсантов, руководство МТС предложило школьникам старших классов начать осваивать профессию механизаторов как подготовку к будущей работе в колхозах.

Председателям сельсоветов и колхозов приходилось прилагать огромные усилия, чтобы уговорить девушек поступать на курсы механизаторов. Те из них, кто все же сел на трактор, воспринимали работу на них как наказание. Невыносимо трудно было 16–17-летним девчонкам ремонтировать технику на морозе. При заводке промерзшего двигателя требовалось прилагать силу и сноровку, потому что заводное устройство часто проворачивалось в обратную сторону и ломало руки. Н. М. Антипина вспоминала: *«В 1941 году началась война.*

Меня направили на курсы трактористов в Бабеныши за Лысьвой, потом в Зюкайку. Всю войну работала трактористкой. Очень тяжело на тракторе девушке. Запчасти возили из Лысьвы на санках, на себе. Лошадей было мало, забрали на войну. Ездили до Крутого Лога на поезде, иногда до Кормовища, а там, как придется. Сестра моя тоже работала на тракторе «Березка». Он так назывался потому, что у него была круглая печка, куда кидали заготовленные березовые чурочки. Они горели и от дыма трактор работал... Мучились, а не работали. У меня был колесный, ремонтировали зимой, мерзли. Трактор часто ломался. Сил не было. Решила уйти с трактора. За это судили. Присудили платить четверть зарплаты и снова посадили на трактор».

Полностью из женщин и девушек деревень Воскресенцы, Власово и Моховляне Е. Брезгиной, В. Брезгиной, С. Зерниной, А. Шаравиной, Н. Шаравиной, А. Крючевой, О. Крючевой состояла бригада механизаторов крутоложского куста. В татарских деревнях первыми трактористками стали Саня Хусаинова, Сахиба Нариманова, Нурзиян Нигматуллина и Назмухана Низаметдинова.

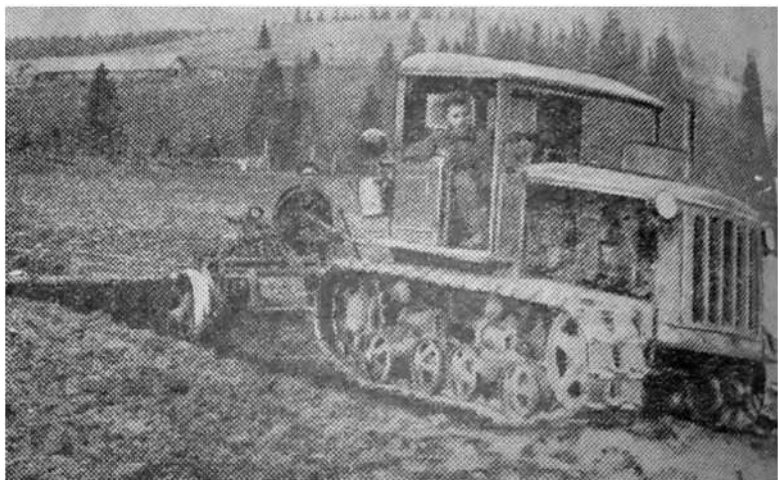
Несмотря на невероятно тяжелые условия работы, А. П. Ижикова с гордостью вспоминала: *«Все поля успевали обрабатывать. Железо ломалось, а бабы стояли».*

Лысьвенские краеведы по крохам собирают материал о девчонках-трактористках военных лет. Как оказалось, они обрабатывали не только родные поля. Л. Красильникова писала о юной трактористке И. Решетниковой из Паинцевского колхоза «12 лет Октября»: *«В 1944 году Ирину Андреевну отправили в Ленинградскую область. Там она пахала поля и во время работы наехала на фашистскую противотанковую мину. Взрывной волной ее выбросило на землю, а трактор раскидало по частям в разные стороны. Чудом женщина осталась жива».*

На фронт мобилизовались не только люди и техника, но и «фондовые лошади». На приемных пунктах перед отправкой в армию представители РККА строго спрашивали с колхозников за умение лошадей ходить в упряжи, под седлом, слушать команды и т.д. Естественно, требовалось, чтобы животные были сильными и здоровыми.

В крестьянских хозяйствах лошади всегда были в особой цене. Еще до начала войны из многотысячного конского поголовья формировались специальные группы животных, не подлежащих использованию для хозяйственных работ. В каждом колхозе было несколько «фондовых» лошадей. В любой момент их могли мобилизовать в армию. В деревне Елоха Крутоложского колхоза им. «1-го Мая» существовала специальная конеферма, на которой содержали верховых лошадей рысистой породы. Такие же фермы имели колхозы «Заря» Лязгинского сельсовета, «Колос» Новорождественского сельсовета, имени Сталина Кыновского сельсовета, «Новая жизнь» и другие. За лошадьми тщательно ухаживали, чистили, кормили специальные люди, а деревенские мальчишки с удовольствием гоняли на конях в ночное. В установленный срок лошадей перегоняли на станции в Кормовище, Лысьву, Тулумбасы, Кын и по железной дороге отправляли на фронт. Т. Ф. Санникова вспоминала: *«Собрали в колхозах коней на фронт – грузили их в вагоны на станции Тулумбасы. Один жеребец никак не хотел заходить в вагон. Отец храбрый был, взялся за узду и повел его по сходням, жеребец встал на дыбы, отец упал и оказался под копытами. Еле живого домой привели. Вскоре он и умер, оставив четверых детей»*. На освободившееся в денниках место привозили новых ослабленных и раненых животных, которых, по оценке военных ветеринаров, можно было подлечить, подкормить и снова отправить на фронт. За годы войны только колхоз «Заря» отправил на фронт более 50 верховых лошадей.

21 августа 1943 года в колхозе им. Орджоникидзе 1-го Ломовского сельсовета вышла из строя лошадь по кличке Находка. Беда заключалась в том, что она числилась в фонде РККА и должна быть готовой в любой момент отбыть в распоряжение военкомата. По известным причинам эксплуатировалось «фондовое» животное наравне с другими колхозными лошадьми. Как результат – «Находка» заболела. 28 августа по райземотделу вышел приказ, в котором говорилось: *«На бригадира Полежаева А. А. наложить штраф в размере 2-х трудодней за каждый день простоя лошади до ее полного выздоровления. На председателя колхоза Подобина*

Вспашка овощного поля в колхозе «Авангард»

наложить штраф 100 руб. в госбюджет за отсутствие контроля за использованием фондовых лошадей».

Председателя колхоза «Новая жизнь» П. Брезгина обвинили во вредительстве и осудили на пять лет лагерей за то, что по согласованию с правлением он использовал на общехозяйственных работах «фондовых» лошадей.

В результате мобилизации в армию рабочих лошадей в деревнях осталось мало. Оставшиеся использовались в работе с максимальной нагрузкой. Животные практически не знали отдыха, их недокармливали, они часто болели. В 1943 году широко распространилось такое заболевание лошадей, как чесотка. Для борьбы с болезнью райземотдел, контролировавший работу колхозов, вынужден был мобилизовать ветфельдшеров из городской ветстанции, завода № 700, сельских ветпунктов и направлять их по деревням района. На месте уполномоченные отслеживали степень зараженности животных и пытались организовать их лечение. Результаты такого контроля были весьма неэффективны, поскольку для медикаментозного лечения не было препаратов (кроме дуста), организовать качественный уход за жи-

вотными не хватало людей да и заменить поставленных на отдых животных было нечем.

Нередко лошади погибали прямо в упряжи во время работы. По поводу каждого павшего животного из города приезжал представитель, который исследовал причины происшествия, осматривал погибшее животное, составлял акт, который заканчивался списанием лошади и наказанием человека, ответственного за её содержание.

Покойный Новорождественский учитель и краевед А. И. Окунев записал воспоминания Ф. И. Тетюева, который рассказывал: *«Частенько приходилось выезжать в поле, чтобы привести обессилевшую лошадь, на которой бабы сено к ферме подвозили. Привезем ее, бедную, на ферму, подвесим на веревках, чтобы не падала, немного откормим и снова в работу... С 13 лет я стал хлеб в Кунгур возить. Обратно керосин везли для тракторов. Лошади падали, а иногда и умирали в дороге. Их тоже надо было домой везти для отчета».*

От непосильной работы и бескормицы лошади погибали. Использовать для еды мясо павших лошадей запрещалось. Животных закапывали в землю под присмотром городских контролеров, но по ночам туши извлекались из земли, и мясо уходило в пищу колхозников.

Мобилизация людей, техники, лошадей носила постоянный характер, но главной задачей колхозов и совхозов было снабжение армии и тыла продовольствием.

Всё для фронта

Административно-территориальные изменения, начатые в октябре 1938 года, продолжились и впоследствии. 13 октября 1940 года Лысьвенский район разделился на два административных образования: горсовет и райсовет. В юрисдикцию района отошла вся сельская зона с 15 сельсоветами, 34 колхозами, 2 совхозами, 1 МТС, 7 леспромхозами. Соответственно появились городской и районный комитеты партии, горисполком и райисполком, а также город-

ской и районный комитеты комсомола. Все районные органы управления оставались в городе.

Таким образом, сельскохозяйственная зона Лысьвенского района в годы войны выглядела следующим образом:

Наименование сельсовета	Наименование населенного пункта	Наименование колхоза	Примечание
Больше-Лысьвенский	1) Большая Лысьва	«Заря»	
Паинский	2) Паинцы	Им. «12 лет Октября»	
Паинский	3) Кутамыш	Им. «8-е Марта»	
Паинский	4) Белая	«Новая деревня»	
Соинский	5) Соя	«Путь Ленина»	
Соинский	6) Олени	Им. Молотова	
Поселковский	7) Мыльниковка	«Красный Октябрь»	
Ново-Рождественский	8) Ново-Рождественское	«Колос»	
Ново-Рождественский	9) Валюшино	Им. Сталина	
Матвеевский	10) Матвеево	Им. «17-го партсъезда»	
Матвеевский	11) Сергино	Им. Чапаева	
Матвеевский	12) Каменка	Им. «19-я годовщина Октября»	
Саинский	13) Сая	«Новый путь»	
Саинский	14) Нижние Исады	Им. Кирова	

Наименование сельсовета	15) Наименование населенного пункта	Наименование колхоза	Примечание
Саинский	16) Уткино	Им. Калинина	
Крутоложский	17) Крутой Лог	Им. «1-е Мая»	В 1930 г. Крутой Лог, Елоха, Утробино, Бобровка, Паленый Лог, Петрово
Крутоложский	18) Большой Кумыш	Им. Горького	
Власовский	19) Власово	«Новина»	В 1930 г. Воскресенцы, Катаево, Власово, Аняново. В 1952 г. объединение «1 мая» + «Новина» = «Новина»; в 1959 г. «Победа» + «Новина» = «Дружба»; в 1965 г. «Дружба» переименована в «Новину». В 1981 г. влились деревни Моховляны, Северная, Небучевка, Воскресенцы, Крутой Лог.
Власовский	20) Северная	«Победа»	В 1930 г. Северная, Гуляевка, Старково, Афимовка (Филиповка). В 1952 г. объединение «Победа» + «Новая жизнь» = «Победа»; д. Верхняя и Нижняя Залесная отошли в к/з «Победа»
Залеснинский	Моховляна	«Новая жизнь»	В 1930 г. Маракулино, Моховляны, Небучевка, Марковцы, Новоселы, Демидовцы, Паршаково.

Наименование сельсовета	Наименование населенного пункта	Наименование колхоза	Примечание
Залеснинский	21) Залесная	«Труд крестьянина»	В 1930. Верхняя Залесная, Нижняя Залесная, Сухоречье, Тимино. В 1952 г. «Труд крестьянина» + «Сталина» отошли в Березовский р-н. – ныне Шалинский р-н.
Кыновской	22) 3-д Кын	Им. Сталина	
Бизевский	23) Рябиново	«Рябиново»	
Бизевский	24) Мягкий Кын	«Восход»	
2-й Ломовской	25) Петровичи	Им. Кагановича	
2-й Ломовской	26) Большой Лом	Им. Сталина	
1-й Ломовской	27) Ломовка	Им. Орджоникидзе	
Кыновской	28) Усть-Серебряная	«Ударник»	
Кыновской	29) Мишариха	Им. Пушкина	
Лязгинский	30) Лязгино	Им. Ворошилова	
Поселковый	31) Заимка	с/х «Заря»	С 1942 г. в составе ОРСа ЛМЗ
Поселковый	32) Липовая	с/х «Липовая»	С 1942 г. в составе ОРСа ЛМЗ
Бизевский	33) Бизь	«Большевик»	
Саинский	34) Березовая Гора	«Восток»	
Лязгинский	35) Выломово	«Луч»	
Ново-Рождественский	36) Чебота	«Красная звезда»	

Районное совещание сельскохозяйственных работников, состоявшееся 3 декабря 1940 года, определило предстоящий хозяйственный год как год борьбы за высокий урожай зерновых. Слагающими успеха должны стать продуманная организация труда, широко развитое социалистическое соревнование и повсеместное стахановское движение. Совещание утвердило общерайонный план производства зерновых не менее 100 пудов с 1 га, овощей – 150 ц., картофеля – 100 ц., семян клевера – 2,5 ц., теплично-парниковой продукции – 12 кг, тепличной продукции – 30 кг с кв. м и т.д.

Свои коррективы в районный план внес областной Совет, определивший план урожайности по лысьвенским колхозам на 1941 год: по зерновым культурам – рожь озимая – 14,0 ц; пшеница озимая – 11,0 ц, яровая – 12,0 ц; ячмень – 13,0 ц; овес – 13,0 ц; бобовые зерновые – 8,0 ц с 1 га. Так же подробно областной Совет расписал урожайность по техническим и кормовым культурам, овощам. Определялось задание по продуктивности животноводства: удой на 1 фуражную корову – 1300 л., вырастить 130 ягнят на 100 овцематок, 12 поросят на свиноматку и т.д.

Посевная кампания 1941 года прошла своим порядком. К 1 июня сев закончили колхозы «Ударник», им. Сталина (Кын) и «Заря». Совхоз «Заимский» засеял 74,5%, колхоз «Рябиновский» – 71,5%. В целом по району 5 июня об окончании посевных работ отчитались 65% колхозов, к 10 июня 92,7%, а 15 июня сев зерновых в районе закончился.

В сутолоке первых военных недель 5 июля газета «Искра» опубликовала Указ ВС СССР от 3 июля 1941 года «Об установлении на военное время временной надбавки к сельхозналогу и подоходному налогу с населения». Указ касался не только колхозников, но и железнодорожных рабочих, проживавших на территории сельсоветов, учителей, фельдшеров и др. Новое обременение было вторым после мартовского (1941 г.) Закона о подоходном налоге с колхозов, который начислялся с доходов сельхозартелей за предшествующий хозяйственный год. В ноябре месяце вышел Указ ВС СССР «О налоге на холостяков, одиноких и бездетных граждан СССР». С одиноких колхозников сумма налога взималась в

*Бригада шефов из лудильного цеха ЛМЗ
на строительстве овощехранилища в колхозе «Заря»*

размере 100 руб. в год. В качестве источника финансовых ресурсов на разгром немецко-фашистских захватчиков 29 декабря 1941 года ВС СССР принял Указ «О военном налоге».

В зависимости от величины заработной платы граждане должны были платить от 10 до 225 руб. в год.

Свою долю финансовой мзды взыскивали с населения и местные органы власти. 30 декабря 1941 года райсовет принял решение «О проведении сбора на нужды жилищного и культурно-бытового строительства в Лысьвенском районе в 1942 году». В зависимости от величины доходов сбор составлял от 10 до 40 руб. с одного колхозника. Единоличники платили в два раза больше. Райисполком постановил провести кампанию в предельно сжатые сроки и рекомендовал организовывать коллективную плату группами, бригадами, объединениями домохозяек по 15–20 человек. Райисполкомовские агитаторы не скрывали, что собранные средства пойдут на оборону: «Каждый рубль – это снаряд по врагу».

С довоенных времен в деревнях существовало так называемое «самообложение», которое рассматривалось не как налог, а как добровольный платеж крестьян на развитие села. С каждого двора членов артели взымалось не более 20 руб., единоличники платили от 40 до 75 руб. в год.

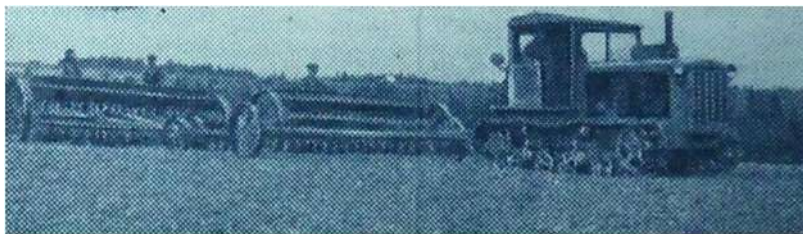
Требования к колхозам и колхозникам ужесточались с каждым днем. Последовало распоряжение приступить к досрочной поставке мяса и зерна. Уже к 6 июля годовые мясопоставки выполнили колхозы «Заря», «Новый путь», им. Кирова. Колхоз «Заря» отправил на ссыпной пункт «красный обоз» из 10 подвод и сдал из запасов 1940 года 7 т зерна в счет урожая 1941 года. 29 июля 12 колхозов выполнили плановые задания года по сдаче шерсти. 21 ноября колхоз «Заря» отправил сверх плановых заданий 60 кг мяса, 100 кг картофеля, 70 кг капусты, 100 кг гороха и масло в лысьвенские госпитали.

Осознавая трудности военного времени, сельчане добровольно делились собственными запасами продовольствия с наспех созданным фондом обороны. Колхозники из колхоза «12 лет Октября» сдали из личных запасов 15 ц пшеницы и 3 ц мяса, им. «17-го партсъезда» – 5 ц мяса, им. Ворошилова решили ежемесячно до конца войны перечислять по 2 труддня, «1-го Мая» – 25 кг меда и 10 овчин и т.д.

В течение всех военных лет шел сбор вещей для солдат на передовой.

Члены артели «Большевик» сдали в фонд обороны 11 пар валенок, «Труд крестьянина» – 10, а «Новая жизнь» – 8 овчин. К декабрю 1941 года удалось собрать 8090 теплых вещей, к Новому году отправлено 178 коллективных и 1325 индивидуальных поздравлений. В 1942 году Пермская область отправила воинам Северо-Западного фронта 45 вагонов товаров и продовольствия, в числе которых был немалый вклад жителей Лысьвы и Лысьвенского района. В октябре 1943 года собрано и отправлено на фронт 1171 теплых вещей и белья. В индивидуальные посылки женщины и девушки укладывали белую ткань для подворотничков, кисеты, сердечные письма и пожелания скорой победы.

В полную силу работали заготовительные организации. Итоги работы к концу 1941 года превзошли все ожидания. Удалось заготовить мяса 150% к плану, мехового сырья – 183%, шерсти – 223%, сушеной малины – 392% (784 кг), воска – 280%, шиповника – 280%, грибов – 22 т., кроличьего пуха вместо 1 кг – 13,3 кг и т.д.

Сев ржи в колхозе «Колос»

Под предлогом борьбы со спекулянтами и перекупщиками горисполком принял решение о продаже колхозниками сельхозпродукции со своих подворий только в специальных ларьках колхозного рынка. Продажа в других местах запрещалась под страхом привлечения к уголовной ответственности.

Для борьбы с антисанитарией и распространением различных болезней исполком принял постановление «О порядке забоя скота в городе Лысьве». Отныне забой скота разрешался только в забойном пункте мясокомбината. За разделку коровы бралась плата – 6 руб., свиньи – 1 руб., мелкого животного – 75 коп. Граждане, нарушившие постановление, подвергались штрафу 100 руб. или одномосячной принудительной отработке.

Требования о досрочной сдаче сельхозпродукции в счет будущих урожаев стали нормой. Горком, райком парии и райисполком обязали руководителей колхозов и совхозов закончить хлебопоставки 1941 года к 12–13 ноября и начать сдачу хлеба в счет поставок 1942 года. Досрочные поставки означали сокращение объемов натуральной платы колхозникам по трудодням, а также вынужденное изымание запасов страховых и семенных фондов колхозов. В сущности, эти мероприятия закладывали основу голода, терзавшего деревенских жителей на протяжении всех военных лет. 7 января 1942 года на 3-й сессии райсовета секретарь РК ВКП(б) Бобров, призывая к освоению в предстоящем году 600 га новых пахотных угодий, вынужден был признать, что *«некоторые колхозы не имеют семян (для посевной – Н.П.) даже для имеющейся площади, надеясь, что семена будут»*.

В результате мобилизации мужского населения деревень в армию, оттока значительной части женского и подросткового населения в город колхозы, и без того испытывающие дефицит рабочей силы, стали задыхаться от недостатка рабочих рук. На поля и фермы мобилизовались сельчане пенсионного возраста. Обязательная норма трудодней возлагалась на подростков.

Огромный вклад в оказание помощи колхозам внесли подростки. Ветеран колхоза «Мир» Н. Тяпугин вспоминал: подростки колхоза «Ударник» возили зерно из Киселей и Усть-Серебряной на полубарках по реке Чусовой до Кыновского завода. Там разгружались и возвращались обратно. К баркам подпрягали лошадей и берегом тащили их вверх против течения. Упершись в скалу, переплывали на противоположный берег и снова продолжали движение вверх.

В первые дни войны на поля колхоза «Заря» вышли 56 учащихся школы № 3, колхоза «17-й съезд ВКП(б)» – 33 учащихся школы № 1, колхоза им. Ворошилова – 20 человек из школы № 2, колхоза «Путь Ленина» – 40 учащихся школы № 16, в совхоз «Заимский» – 80 человек из школы № 15 и т. д. В общей сложности в течение первого военного полугодия на колхозных и совхозных полях отработали более 2 тыс. школьников. За труд на колхозных полях учащиеся Матвеевской школы заработали 2 тыс. трудодней. Дети занимались прополкой овощей, заготовкой сена и веточного корма.

Организованное участие подростков в трудовой деятельности было учтено, и в 1942 году Наркомпрос издал приказ по обучению учащихся 7-8-х классов основам сельскохозяйственного труда, в том числе работе на тракторах и комбайнах. Зимой 1941–1942 года во всех сельских школах района работали инструктивные курсы учащихся под руководством местных агрономов, зоотехников, ветфельдшеров, бригадиров тракторных бригад.

Подростки и комсомольская молодежь явились инициаторами сбора средств на строительства танка «Лысьвенский комсомолец». На 30 декабря 1941 года удалось собрать по городу – 2218838 руб., по району – 78435 руб. Из них на строительство танка «Лысьвенский комсомолец» по городу

243295 руб., по району – 8212 руб.; на самолет: по городу – 28740 руб., по району – 402 руб.

Под руководством комсомольских организаций молодые селяне собирали лом черных и цветных металлов, инструменты и запчасти к тракторам, аптечную посуду и лекарственные травы.

Значительными источниками денежных поступлений в фонд обороны были государственные займы. На первый военный заем 1941 года в колхозе «Заря» подписались 96 человек на сумму 3065 руб., наличными внесено 790 руб. Деньги «на оборону» сдавали кто сколько мог: от 3–5 до 300–400 и более рублей.

Жизнь колхозов все больше уподоблялась военному лагерю. 26 сентября 1941 года райисполком принял постановление «О введении трудовой повинности на территории Лысьвенского района для уборки всех сельскохозяйственных культур урожая 1941 года». Особо подчеркивалось, что повинность распространяется *«в том числе для учащихся обоего пола»*. За отказ от работы грозило наказание по статье 61 УК РСФСР¹.

Всякий отказ от работы жестко пресекался. За невыполнение порученной работы колхозниц Крутоложского сельсовета из колхоза «1-е Мая» Кузнецову и Мотову суд приговорил к тюремному заключению: первую – к 1,5, вторую – к 2 годам. За халатное отношение к уборке урожая бригадир Запольских приговорен к 1 году принудительных работ.

В добровольно-принудительном порядке колхозники сдавали сушеные овощи. Расчет был таков: по картошке 1 к 8,

¹ Аналогичное постановление принял Лысьвенский горисполком «О введении трудовой и гужевой повинности» от 22 сентября 1941 года. На основании этого постановления уже по распоряжению администрации металлургического завода все граждане, проживающие в городе и пригороде, обязывались отработать на строительстве заводских объектов. 8 октября горисполком принял решение разрешить начальнику милиции привлекать граждан, отказывающихся выполнять трудовую повинность, к наказанию штрафом в 100 руб., месяцем принудительных работ или привлечь к уголовной ответственности по статье 59 УК РСФСР.

по моркови 1 к 10, по капусте 1 к 12 и т.д. Обычно ночами, после работы, колхозницы занимались сушкой овощей в русских печах. Недосушенные овощи такие, как: свекла, морковь, капуста под названием «паренки» использовали на еду, а пересушенную морковь для заварки чая.

На таких же добровольно-принудительных условиях в личные хозяйства колхозников, железнодорожных рабочих, учителей передавались поросята и телята из артельных ферм для откорма с последующим возвращением молодняка в фонд обороны. Эта новация получила настолько большое распространение, что своим постановлением от 21 марта 1942 года Молотовский исполком обязал колхозников Лысьвенского района на своих подворьях вырастить к 1 января 1943 года 1100 телят и 1300 овец.

Самый трудный военный год

Первая военная зима показала, насколько ослабла и без того некрепкая экономика колхозов из-за катастрофической нехватки рабочих рук и все увеличивающихся объемов госзаказов на мясо, молоко, овощи, зерно.

Надежда на помощь со стороны МТС не оправдалась. Не хватало опытных механизаторов и запчастей к тракторам. Ремесленники и учащиеся школ ФЗО собрали на заводском шихтарнике 2067 инструментов и запчастей, но большинство из них нуждалось в капитальном ремонте или серьезном восстановлении, поэтому отправилось на переплавку в мартен.

Запчасти к тракторам намеревались изготавливать кустарным способом в Кын-заводе. При детском доме сельсовет организовал небольшую мастерскую под руководством литейщика Чебыкина. В качестве первого опыта ребята изготовили 150 шестерен для косилок и жнеек, головки к косилкам, втулки для телег и др.

Руководство машинотракторной станции в очередной раз попыталось организовывать курсы подготовки 50 машинистов уборочных машин и 60 трактористов, но председатели

колхозов посылали учиться в основном малограмотных женщин или юных девушек, которые с трудом постигали азы тракторождения, будучи не в состоянии провести даже самый элементарный ремонт техники.

15 марта 1942 года городская газета «Искра» писала о результатах проверки 12 тракторов саинской бригады Матвеевского сельсовета: *«При наружном осмотре с частичной разборкой трактора № 30 обнаружены следующие недостатки: внутри двигателя грязь и нагар, сердцевина радиатора дает течь... радиатор не проверен и детали в нем не очищены от грязи, клапаны не притерты, слабое крепление открылок, шпор, не отремонтирована динамо-машина; у тракторов № 17, 33, 43 имеется течь радиатора. Только 3 трактора после осмотра получили оценку «хорошо».*

Все виды сельскохозяйственных работ выполняли женщины и подростки. В колхозе им. Орджоникидзе из 36 человек, работающих на севе, трудилась 21 женщина. Даже севачем, должность, которую по традиции поручали опытным и самым уважаемым крестьянам, назначили юную О. Подобину. В колхозе «Большевик» на пахоте работал 15-летний А. Голышев и 17-летние А. Гусельников и К. Дудин, в колхозе «12 лет Октября» – 17-летний М. Шестаков. В колхозе им. Ворошилова трактористки Суханцева и А. Оборина выполняли дневную норму на вспашке по 230–270%. Колхозницы артели им. «1-го Мая» Анфиса Елохова и Агриппина Елохова вспахивали на лошадях по 54–56 соток. На уборке урожая 1942 года комбайнерка колхоза «Колос» Важесова вместо 120 га по плану обрабатывала до 200 га, а Мальцева из колхоза им. Ворошилова – до 400 га. В том же колхозе им. Ворошилова из-за неподготовленности 9 колхозных жаток хлеб убирали серпами 20 женщин.

Город как мог помогал колхозам. В соответствии с постановлением горсовета с 15 июня до конца уборки урожая на сельхозработы в колхозы и МТС были мобилизованы все трудоспособные жители района за исключением лиц, занятых на военном производстве. В колхозы выехали все учащиеся 6–10 классов общеобразовательных школ.

Птичница Г. Колодина

Для поддержания трудового энтузиазма колхозников 25 августа 1942 года вышел первый номер газеты «Колхозная правда» – печатный орган районного комитета ВКП(б) и райсовета депутатов трудящихся. Перед газетой стояла задача – освещать жизнь колхозов и колхозников Лысьвенского сельскохозяйственного района. Исполняющей обязанности главного редактора назначили бывшую сотрудницу сельхозотдела городской газеты «Искра» М. Чупину¹.

Летом 1942 года в деревнях начался голод. Запасы хлеба, полученные по итогам работы в 1941 году, закончились. Сказались результаты досрочных госпоставок, когда из закромов были вычищены не только колхозные, но и личные запасы продовольствия. Не подняли трудовой энтузиазм колхозников обязательные нормы сдачи государству мяса на 1942 год. В соответствии с ними, колхозы Лысьвенского района должны сдавать по 4,0 кг мяса с 1 га, колхозники по 40 кг, единоличники по 80 кг живого веса с каждого двора.

Доведенные до отчаяния, в ряде артелей колхозники начали требовать выдачу аванса в счет будущих расчетов по трудодням. В противном случае люди грозились не выходить на работу. Председатели, которые все, что могли, отправляли на госпоставки, вынуждены были прислушаться к требованиям своих работников. Председатель колхоза им. Кагановича первым в районе выдал аванс в размере 700 граммов муки на 1 трудодень. Его примеру последовали руководители других артелей.

Ответная реакция власти была незамедлительной и жесткой. Райисполком специальным постановлением запретил любое авансирование и пригрозил суровым наказанием всех ослушников. Разрешалось использовать продукты только

¹ К сожалению, не удалось найти ни одного экземпляра газеты ни в городском архиве, ни в муниципальном музее.

для организации общественного питания, в детских яслях, для эвакуированных, мобилизованных горожан на сельскохозяйственные работы, трактористов и колхозников, работающих в поле. Некоторые находчивые председатели подводили под это распоряжение колхозников и членов их семей, особо нуждающихся в продовольственной поддержке, и устраивали для них общественные полевые столовые.

За годы войны жители села забыли вкус мяса – все уходило в счет госпоставок. Если кто-то и имел корову, то на нее только что не молились. Она являлась единственной кормилицей семьи, особенно, если в доме были маленькие дети. Их судьба была особенно трагична. Много воспоминаний «детей войны» собрали краеведы Моховлянской школы. А. Я. Сапалева вспоминала: *«В школе я училась в Елохах два класса, а в 3 и 4 класс ходила в Крутой Лог за 5 км. Мерзли. Ходили пешком в любую погоду, в мороз, в дождь. Одни штаны на двоих с сестрой носили. Она идет минут 10, потом снимает и отдает мне. Я одеваю, чтобы совсем не замерзнуть. Валенки тоже не было, так и забросила учебу. Не замерзает же совсем».*

Сохранилось множество примеров, когда от голода дети падали в обморок прямо на уроках. Даже тогда, когда они работали на колхозных полях и фермах, нельзя было съесть ни морковки, ни кусочка жмыха. Классическим в этом смысле стал так называемый «закон о пяти колосках», когда в тюрьму бросали за горсть зерна. Родители исхитрялись во время посева ячменя или овса погуще засеивать горохом окраины полей в расчете, что на них подкормятся дети.

Каждый колхозник стремился зарабатывать как можно больше трудодней. К этому стремились не только взрослые, но дети и нетрудоспособные жители деревень.

На примере восьми произвольно взятых колхозов можно проследить трудовой вклад каждой возрастной группы колхозников в зарабатывание трудодней:

Наименование Колхозов	Зара- бот. тр. дни муж- чин	Зара- бот. тр. дни жен- щин	Зара- бот. тр. дни нетру- досп.	Зара- бот. тр. дни детей
Им. Горького (Крутолож- ский с/с, Б. Кумыш)	3851	9354	1174	1709
«Новина» (Власовский с/с, Власово)	1100	9382	3464	974
Им. Сталина (Кыновской с/с, 3-д Кын)	2769	14605	958	5511
Им. Кагановича (2-й Ло- мовский с/с, Петровичи)	258	4560	3583	980
«Уралец» (Крутоложский с/с, Вынырок)	3680	8035	4504	1132
«Победа» (Власовский с/с, Северная)	875	13719	4305	3458
«Новая жизнь» (Залес- нинский с/с, Моховляна)	9874	17739	4157	2321
«Труд крестьянина» (За- леснинский с/с, Залесная)	1038	21330	5256	2096

Обращает на себя внимание то, что количество зарабо-
танных трудодней не соответствовало количеству трудодней,
предназначенных к распределению в качестве оплаты труда в
конце года. Дело в том, что величина (количество) «распреде-
лительных» трудодней просчитывались с учетом всевозмож-
ных вычетов в виде колхозных ссуд, штрафов, госпоставок,
страховок и т.д.

Таким образом, количество натуральных продуктов, по-
лучаемых каждым отдельно взятым колхозником, зависело от
количества заработанных трудодней. Например, в 1944 году в
колхозе «1 Мая» количество заработанных трудодней отраже-
но в документах следующим образом:

Количество трудодней	Количество колхозников
До 50 т/д получили	15 чел.
Больше 50 т/д	7 чел.
Больше 100 т/д	5 чел.
Больше 200 т/д	15 чел.
Больше 300 т/д	21 чел.
Больше 400 т/д	13 чел.
Не выполнили норму	4 чел.

На один заработанный трудодень в 1943–1944 годах полагалось от 700 до 800 граммов зерна. Не трудно подсчитать, сколько зерна заработал каждый колхозник «1-го Мая» по итогам 1944 года.

Полученное зерно мололи в муку, и этим жили целый год. Из каждого килограмма предназначенного на помол зерна получалось около 700 граммов муки.

Никто и никогда не подсчитывал, сколько мяса, молока, хлеба сдали лысьвенские колхозы и совхозы государству в годы войны. Практически отдавали все, что производили. Рассчитывать на достойную «плату» за труд не приходилось. Немногие здоровые мужчины, оставшиеся в деревне, при самом добросовестном отношении к работе по 10–14 часов в день могли заработать 400 трудодней за год. За счет «распределительных» трудодней нередко выдавали всего по 300–400 граммов муки, что соответствовало 3 мешкам бесценной еды на целый год.

Несколько лет назад автор получил письмо от бывшего жителя колхоза им. «1-го Мая» И. И. Мазунина, в годы войны подростка. Он писал: *«Наша семья, как и каждая семья в селе, имела корову, овец, кур, иногда коз и поросенка. Но выращенная дома скотина, произведенное молоко, мясо, яйца, шерсть не являлись полностью собственностью крестьянина. Значительную часть всего этого нужно было почти бесплатно отдать государству. Два соседа, вырастившие летом по теленку, одного сдавали в Кормовище государству на мясо, а второго к зиме закалывали и делили пополам. Вместо молока удобнее было сдавать масло. Для этого молоко носили пропускать через сепаратор, чтобы получить сметану и сдать масло. Детям приходилось вместо*

молока пить обрат. На всю улицу был один сепаратор. Хозяину сепаратора надо было отдать каждый десятый удой за использование этого сепаратора. В этот день в семье не было ни молока, ни обрат.

Основным спасение людей от голода была картошка... Чтобы обеспечить картошкой большую семью на весь год, садили ее много: до 20 соток и накапывали до 500-600 ведер. Летом для деревенских детей большим подспорьем был «подножный корм». Как только на полях растаивал снег, и они подсыхали, появлялась растительность. Мы выходили на поиски сначала «пистиков», а затем «гонышей». В земле росли небольшие белые корни в виде маленькой луковички. Они нам казались вкусными. Трава этих растений немного походила на морковную ботву. Обтерев от земли выдернутые «гоныши», мы ели в большом количестве. Затем поспевала кисленка, ретюга, пиканы, «еловые ягоды», ягоды шиповника, болотный лук, который собирали буквально охапками. С начала июля начинала поспевать земляника, затем черемуха, малина, рябина, грибы сыроежки, головки красного и белого клевера, репа и калега со своего огорода, горох с колхозного поля. Зимой ходили на лыжах по снегу и ели мороженые ягоды черемухи и рябины. Но не всегда находилось время заниматься поисками «подножного корма». К посильной работе дети привлекались с раннего возраста. Полоть картошку выходила вся детвора в возрасте от 5–6 лет. Все участвовали в копке картошки, сортировке и сбору в ведра. С такого же возраста нужно было каждый день, как на работу, ходить на сбор земляники, затем за малиной».

В подтверждение слов ветерана о картошке-кормилице удалось найти «Список хозяйств колхозников колхоза «Красный Октябрь, которым доведен план сева картофеля на 1942 год с учетом фактического посева» от 10 июля 1942 года за подписью председателя Поселковского Совета Губина и агронома по поставкам (подпись не разборчива). В соответствии с планом, жители д. Мыльниковка должны были засадить картошкой 405 соток (количество соток зависело от числа членов семьи), но фактически засадили 491,21 соток. План

поставок не учитывал, что в 1942 году на фронт ушла третья часть мужчин.

Картошка была единственной едой и лакомством. Г. Сбитнева вспоминала о жизни в Мыльниковке: *«Электричества на хуторе не было. Изба освещалась керосиновой лампой. В доме помимо русской печи была железная «буржуйка». В долгие зимние вечера отблески пламени плясали по стенам избы, завораживая. На печке мы пекли разрезанную на кружляши сырую картошку, посыпанную солью. Получались вкусные ароматные поджаристые печёнки...»*.

Досрочные сдачи мяса государству, когда скот, в том числе и репродуктивное поголовье, забивали летом, поставили общественное поголовье на грань катастрофы. Проблему усугубляла хроническая нехватка кормов в стойловый период.

Как всегда, советские чиновники решали проблему росчерком пера. 21 марта 1942 года Молотовский облисполком принял постановление о развитии областного животноводства. К 1 января 1943 года колхозы лысьвенского района должны иметь 5500 коров, 2160 лошадей, 4550 овец, 2700 свиней, в т.ч., 450 свиноматок, 50 рабочих волов, 1800 кроликов, 10100 голов птицы, 1220 пчелосемей, добиться удой на 1 фуражную корову 1400 л, заготовить 27723 т грубых и 12356 т сочных кормов. Помимо этого, колхозники должны откормить на своих дворах 1100 телят и 1300 овец. Колхозы обязывались закупить для ферм 500 телят и 500 овец. Цифры являлись непомерными даже для мирного времени.

Трудно сказать, из каких соображений исходили сельские коммунисты, когда на июньском 1942 года районном партсобрании они обязались дополнительно к областным цифрам добавить свои: увеличить поголовье КРС еще на 140 голов, лошадей – на 20, свиней – на 300, овец – на 450, птицы – на 400, кроликов – на 200, пчелосемей – на 180 и молока на 50 л на 1 фуражную корову.

Содержание общественного скота, в том числе и лошадей, являлось для лысьвенских колхозов проблемой еще с довоенных времен. Вопреки требованию властей увеличивать поголовье крупного рогатого скота, оно сокращалось. Особенно

существенным был весенний отход молодняка, падали удои молока, не выполнялись госпоставки по шерсти, овчинам.

Для изменения ситуации власть в очередной раз встала на путь жесткого контроля. 13 ноября 1942 года ЦСУ госплана СССР издал приказ № 457 установить (пересчитать – Н.П.) численность скота на 1 января 1943 года по всем колхозам, совхозам, подсобным хозяйствам, хозяйствам единоличников, рабочих, служащих, проживающих во всех без исключения местах сельсоветов вне зависимости от их величины и характера: селах, хуторах, лесных сторожках, железнодорожных станциях, разъездах, будках и т.п.

Не от небрежения и безответственности колхозников болели и гибли животные. Человеческих сил не хватало, чтобы проделать тот огромный объем работы, который надлежало исполнять каждому колхозу. Как приговор звучал приказ райземотдела от 2 декабря 1943 года: *«В колхозе «Восход» (Бизевский с/с, д. Мягкий Кын – Н.П.) животноводство направлено к упадническому состоянию. Запаса кормов на фермах и конных дворах нет. Уход за скотом обезличен. Молодняк КРС поить гоняется на реку. Корма перед скормливанием скоту в нужной степени не приготавливаются. Дойные коровы теряют упитанность, удои чрезвычайно низкие. Особенно безобразно дело с содержанием свиного поголовья. Есть лошади, доведенные до истощения: эксплуатируются без нормы, отдых им не предоставляется, чистка не ведется».*

Даже в пригородных сельских хозяйствах, к работе в которых широко привлекались горожане, случались массовые падежи скота. В 1943 г. на свиноферме ОРСа ЛМЗ в Липовой от бескормицы и болезней погибло несколько десятков голов скота. В случившемся обвинили ветеринара А. М. Кожевникова. Его судили и отправили на фронт в штрафной батальон.

Если «вольных» руководителей за провинность отправляли на фронт, то колхозных руководителей из репрессированных поселков арестовывали на основании анонимки или прямого доноса. Достаточно было не дать приехавшему городскому начальнику кусок свежего мяса или килограмм масла, чтобы оказаться под арестом. Так случилось с председате-

лем рябиновской сельхозартели Т. Хорошильцевым, арестованным в январе 1943 года и погибшим в сталинских лагерях.

У рядовых представителей власти не было ни малейшей возможности реально помочь колхозникам, например, снизить размеры госпоставок, увеличить закупочные цены, направить в помощь дополнительных рабочих и т.д. Бессилие прикрывалось громкими призывами приложить все силы на разгром врага, выговорами председателям, наказаниями колхозников, бестолковыми инструкциями: *«Перед выгоном на пастбище произвести санитарную обработку скота, опилить острые концы рогов, расчистить копыта, провести предохранительные прививки и определить живой вес... Скот выгонять, когда трава достигнет 10 см».*

На совхозных полях

В годы войны на территории Лысьвенского района действовали 34 колхоза. Казалось бы, они имели возможность обеспечить если не весь город, то хотя бы рабочих металлургического завода продовольствием. В реальной действительности все, что производили местные колхозы, уходило в зачет выполнения государственных сельхозпоставок. Для увеличения объемов сельхозпродукции государственные органы приняли решение усилить контроль за деятельностью колхозов. В результате административного раздела района на горисполком и райисполком городу и заводу пришлось самим решать продовольственную проблему.

В течение первого года войны снабжением рабочих столовых занимался отдел рабочего снабжения (ОРС) за счет госпоставок и частных закупок продовольствия у колхозов и населения. Однако в 1942 году объемы госснабжения сократились настолько, что кормить рабочих стало нечем. В рабочих столовых в качестве супа подавали отвары из крапивы, вареные и соленые «пиканы», а талон «мясо» в продуктовых карточках вырезали, когда в супе присутствовали грибы. Кстати, грибы в организованном порядке заготавливали школьники. Например, в июле 1942 года учащиеся школы № 15 не-

сколько дней жили на станции Унь, в окрестных лесах которой собрали 1182 кг грибов. «Грибные» кампании школьников проходили в течение каждого военного лета. В планы 1944 года ОРС заложил заготовку 40 т пищевой зелени, 60 т грибов, 5 т рыбы из местных водоемов, 6 т зеркального карпа и т.п.

Обеспечение продовольствием жителей города и рабочих завода всегда было серьезной проблемой исполкома и заводской администрации. В годы социалистического строительства сложился универсальный принцип самообеспечения, когда рабочие завода своими силами строили жилье, заготавливали топливо, занимались реконструкцией завода и т.д. Этот же принцип действовал на продовольственном направлении.

Для обеспечения города и завода продовольствием использовались пригородные территории, на которых располагались небольшие сельскохозяйственные артели. В 1937 г. на базе двух пригородных деревень Липовая 1-я и Липовая-2-я был создан овощеводческий совхоз металлургического завода «Липовский», ставший своеобразным заводским цехом. На полевые работы и фермы привлекались заводские рабочие, завод завозил на поля удобрения, обеспечивал машино-тракторный парк запчастями и ремонтом (по неподтвержденным данным Зарекой располагалась МТС – Н.П.), помогал стройматериалами.

Голодная зима 1941–42 года заставила руководство металлургического завода пересмотреть взаимоотношения с «Липовским» и другим рядом расположенным совхозом «Заимским». К этому времени совхозы имели в своем распоряжении 3879 га земли, в том числе 2305 га пашни, около 1700 га выгонов, 16 га садов.

1 марта 1942 г. было принято решение передать совхозы «Липовский», переименованный в «Лысьвенский», и «Заимский», с базой в пригородной деревне Заимка, в распоряжение отдела рабочего снабжения металлургического завода (ОРС ЛМЗ). На базе обоих совхозов организовались 7 производственных участков: 2 – в «Лысьвенском» и 5 – в «Заимском». За каждым участком закрепили специализированное направление деятельности, что позволило централизованно снабжать заводские столовые мясом (говядина, свинина, баранина), мо-

локом и овощами (картофель, капуста, репа, брюква, огурцы, помидоры). ОРС обслуживал 32 магазина, имел 2 квашпункта, склады, конный двор и др. К работе на полях и фермах широко привлекались рабочие завода после окончания ими основной смены. В уборочную страду на полях обоих совхозов работало до 1 тыс. человек ежедневно. Работа была обязательной и не оплачивалась, поэтому малоэффективной. Например, осенью 1943 года рабочие мартена вместо 23 га убрали капусту с 9 га, не выполнили планов по уборке брюквы рабочие сутуночного цеха, помидоров – сшивной посуды и т.д.

Чтобы сократить сроки уборки, повысить её качество и иметь наименьшие потери при сборе урожая, руководство ОРСа приступило к заключению трудовых договоров на уборку картофеля и овощей с условием, что 10% собранных и сданных в хранилище овощей используются в качестве платы.

Доходы от реализации продукции по итогам 1942 г. составили: по полеводству – 1042 тыс. руб.; по овощеводству (открытый грунт) – 533 тыс. руб., (закрытый грунт) – 359 тыс. руб.; по садоводству – 63 тыс. руб.; животноводству – 892 руб.; прочие (пчеловодство, птицеводство, рыболовство) – 143 тыс. руб. Убыточными были животноводство – 1179 тыс. руб. и полеводство – 524 тыс. руб.

Опыт первой военной страды, приобретенный на совхозных полях, выявил те же проблемы, что и в колхозах района: нехватку рабочих рук, мизер механизации, недостаток удобрений и семян, отсутствие специалистов. В связи с недостатком семенного картофеля в декабре 1942 года липовские овощеводы произвели срезку верхушек клубней картофеля по так называемому методу академика Лысенко. Таким образом, были заготовлены несколько десятков центнеров семенного материала под урожай 1943 года. Однако «метод Лысенко» оказался очень хлопотным при хранении срезанных частей клубней и их подготовке к посадке, поэтому не нашел широкого применения.

В летнее время увеличились темпы заготовки грибов. К бригадам школьников добавились артели, сформированные из пенсионеров и домохозяек. Свои бригады создавали цехо-

вые коллективы. На один-два месяца грибы становились одним из основных рационов заводских столовых.

Медики активно пропагандировали потребление зелени в виде салатов из крапивы, листьев одуванчика, щавеля, ботвы моркови, свеклы, свежих листьев капусты: объясняли способы изготовления пихтовых отваров. Работники аптек и заготовительных организаций призывали собирать валерьяновый корень, душицу, зверобой, мать-мачеху и др.

На 1943 год начальник сельхозучастка ОРСа Филимонов обозначил заведомо невыполнимый план получить в обоих совхозах не менее 3200 т картофеля и 2700 т овощей. По результатам года удалось реализовать 99,38 ц (Липовая) и 151,2 ц (Заимка) говядины; 52,1 ц (Липовая) и 118,5 ц (Заимка) свинины; 8,1 ц баранины (Заимка). Что касалось молока, то в среднем удой на 1 фуражную корову составлял 1021 л при средней себестоимости 113 руб. за 1 литр. Доходы от пчеловодства составили 60 тыс. руб., птицеводства – 15 тыс. руб., рыбоводства (Заимка) – 48 тыс. руб. В целом по ОРСу план по зерновым культурам (рожь, ячмень, овес) выполнили на 98%, по овощам – на 79% – сказалось отсутствие семян моркови, свеклы, турнепса и т.п.

На 1 января 1944 г. в «Лысьвенском» имелись 551 голова КРС, 172 дойные коровы, 15 нетелей, 155 свиней, 25 лошадей. Совхоз «Заимский» продолжал культивировать птицеводство и рыбоводство, хотя экономическая отдача от этих видов деятельности была невысока; например, доход от птицеводства не превышал 15,5 тыс. руб. в год.

Горисполком и администрация завода № 700 настаивали на расширении посевных площадей. В 1943 г. ОРС затратил на раскорчевку 62037 руб. Это мероприятие оказалось в высшей степени расходным, но в 1944 г. поступило новое задание – подготовить под пашню, например, «Лысьвенскому» совхозу дополнительно 127 га. Проблема заключалась не столько в текущих финансовых затратах, сколько в длительных сроках их окупаемости.

Для раскорчевки и очистки полей от лесного мусора не хватало тяглового транспорта. В обоих совхозах имелось всего 99 лошадей, из которых молодняк составлял 29 голов. Это

была порода русских рысистый лошадей, которая быстро изнашивалась и не подходила для тяжелого крестьянского труда. Землю не на чем было возделывать.

К 1943–1944 годам в совхозах ОРСа сформировался штат постоянных работников в количестве 352 рабочих, 11 ИТР, 15,5 служащих, 21 МОП. Поскольку совхозные работники относились к категории рабочих, зарплату они получали деньгами в размере от 520 до 546 руб.

Имелась еще одна категория работников – это сезонные сельхозработчие. Их было 107 человек. Они тоже получали зарплату около 400 руб. в месяц. Насколько велика была зарплата совхозных рабочих, можно судить по рыночным ценам, где 1 кг хлеба стоил от 200 – до 400 руб., 1 л молока от 100 до 150 руб., котелок картошки от 120 до 130 руб.

Принудительные сверхурочные бесплатные отработки рабочих завода на полях совхозов не прекращались. По-прежнему заводчане трудились в тепличном хозяйстве, на пополке, заготовке сена и т.п.

В течение всей войны продолжались мобилизации колхозников в промышленность, в том числе на сельхозработы. Руководство цехов, в которых не хватало рабочих, часто злоупотребляло своими полномочиями. Председатели колхозов вынуждены были писать письма руководителям города и завода с просьбой отпустить с производства колхозников, мобилизованных по разрядке на определенный срок. В ответах заводские начальники писали, что указанные лица нужны для выполнения срочных военных заказов, а председателям предлагалось поспособствовать переводу членов семей задержанных на производстве крестьян в город.

Движение населения из деревни в город и из города в деревню было отнюдь не обоюдно выгодным. Из сельсоветов в исполком шли жалобы на плохую работу заводских выдвиженцев, направленных на укрепление дисциплины, организацию соцсоревнования, для осуществления контроля за работой колхозов. По словам председателей колхозов, выдвиженцы пьянствовали, бездельничали, не занимались хозяйственными делами.

*Доярка колхоза
«Новый путь»
Г. Попкова*

После Сталинграда и Курска война пошла на вторую половину. В совхозах сельскохозяйственный год закончился сдачей на склады 360,1 т картофеля, 2,1 т капусты, 230 кг огурцов, 205 кг помидоров, 960 кг тепличных овощей. Реальные результаты работы оказались далеко от планов начальника сельхозучастка ОРСа Филимонова.

Трудным для сельского хозяйства оказался 1944 год. Осенью вымерзли озимые на площади 65,8 га, а весна 1945 г. сопровождалась крепкими заморозками и дождями. От повреждения земляной блошкой погибли корнеплоды на площади 7 га. Вымокли от дождей 2,75 огурцов, 4,97 га брюквы, 3 га репы. От пневмонии и желудочных заболеваний пало много скота.

В год великой Победы валовый сбор ржи в совхозах составил 109,53 ц (Липовая) и 191 ц (Заимка), ячменя 862 ц (Липовая) и 147 ц (Заимка), овса 1624,5 ц (Липовая) и 3677 ц (Заимка). Увеличился штат работников. На 1 января 1946 г. в общей сложности в ОРСе работало 1096 чел., в том числе 534 женщины. В этом году из земельного оборота Заимки было изъято 7 га под строительство мясокомбината, 4 га молокозавода, 3 га на расширение местных дорог.

ОРС финансировался за счет прибыли от продажи сельхозпродукции, от выбраковки животных основного стада, амортизации отчислений по рабочему скоту и т.д. Бюджетных средств организация не получала.

Немалым бременем для ОРСа было обеспечение продуктами питания военнопленных немцев и венгров, работавших на заводе. По свидетельству очевидцев, снабжение продуктами пленных было даже лучше, чем собственных рабочих. При этом ОРС часто должен был кормить военнопленных в долг, т.к. оплата за продовольствие задерживалась, поскольку управление лагеря находилось в Краснокамске. Кредиторская

задолженность по лагерю военнопленных за 1945 г. составляла 46 тыс. руб.

Широкое развитие в годы войны получили подсобные сельские хозяйства предприятий и учреждений, этикие маленькие «колхозы», имевшие 10–20 га земли и по 2–3 лошади. Подобные хозяйства имели больницы, хлебозавод, молокозавод, городской отдел народного образования.

Самым большим подсобным хозяйством располагал трест «Севуралтяжстрой». В его распоряжении имелись значительные земельные угодья в районе реки Большая Запорная, скотный двор, свинарник, конюшня, кузница, предполагалось построить плотину на реке с целью производства рыбы.

Понимание того, что совхозы и подсобные хозяйства не смогут прокормить город, заставило руководство горисполкома обратиться к опыту 1920-х годов, когда широкое применение имело коллективное и индивидуальное огородничество. На второй год войны количество индивидуальных огородов в Лысьве увеличилось в 2,5 раза. Индивидуальные участки нарезались рядом с городом или прямо в городской черте на пустырях и улицах. При этом горисполком требовал от горкомхоза, чтобы участки с целью учета были «остолблены», т.е. по углам площади обозначены деревянными колышками с надписью фамилии владельца и места работы.

25 февраля 1943 года председатель горисполкома М. Пьянков заявил на совещании партактива, что в текущем году каждому предприятию и учреждению нужно создавать собственную продовольственную базу, подготовить семена, инструмент, тягло, готовить людей. Торговые организации приступили к заготовке и продаже тысяч лопат, грабель, окучников, леек. Так начала складываться система подсобных сельских хозяйств у предприятий, просуществовавшая до 1990-х годов.

Понимание важности индивидуального самообеспечения продуктами питания пришло и от верховной власти. Весной 1944 года СНК СССР принял постановление «О мерах по дальнейшему развитию и улучшению индивидуального и коллективного огородничества в 1944 году». Постановление узаконило практику существования индивидуальных огородов го-

рожанами. При завкоме профсоюза металлургического завода появился совет, который от имени огородников сделал заявку ОРСу на заготовку 10000 лопат, 9000 грабель, 8000 окучников, 2000 плугов «планета». Совхозам было заказано подготовить 200000 корней рассады капусты, брюквы, томатов, колхозам – 140 т семенного картофеля. С горисполкомом совет огородников договорился о выделении земли под огороды в районе кирпичных сараев, речки Травянки, на Катаевом угоре.

По данным горисполкома, к весне 1945 года официально было зарегистрировано 16148 огородников, а их огороды занимали площадь 1200 га¹. Количество овощей, собираемых с огородов, оценивалось более чем в 54000 т.

Несколько десятилетий лысьвенцы оказывали шефскую помощь колхозам и МТС Березовского района. Не исключением были и годы войны. Весной 1945 года, 24 февраля и 11 марта, в знак благодарности березовские колхозники послали в Лысьву два обоза из 180 подвод с продовольствием, собранным из личных подворий колхозников. В общей сложности они передали на склады ОРСа 12430 кг мяса, 15318 кг картофеля, десятки тонн различных овощей.

Послевоенные пятилетки

Сложно сделать однозначный вывод о работе колхозов и совхозов, а также жизни лысьвенской деревни в целом в годы Великой Отечественной войны. Аналитические материалы об объемах поставок сельхозпродукции государству и городу в военное время обнаружить не удалось. Нет никаких официальных документов о бытовой стороне крестьянской жизни. В этом смысле единственными источниками являются материалы, собранные краеведами в виде воспоминаний очевидцев событий. В основном это записи, сделанные со слов женщин – тружениц. Именно на их долю выпала самая тяжелая участь – трудиться, не покладая рук, и воспитывать детей. По-

¹ Некоторые источники указывают площадь индивидуальных огородов 1125 га.

сле войны государство отметило некоторых из них правительственными наградами: 11 женщинам присвоено звание Мать героиня; 36 награждены медалями Материнская Слава 1-й степени, 95 – Материнская Слава 2-й степени, 243 – Материнская Слава 3-й степени; 422 – медалями Материнства 1-й степени, 728 – Материнства 2-й степени. Тысячи женщин получили утешительный приз в виде медали за героический труд в годы Великой Отечественной войны.

В течение всего 1945 года в деревню, которая отдала фронту почти все мужское население, возвращались солдаты – победители. По неполным данным, на полях сражений остались из д. Белая 16 чел., из д. Большая Лысьва и Лязгино – 69 чел., из д. Валюшино – 28 чел., из д. Верх-Култым – 128 чел., из д. Заимка – 84 чел., из д. Крутой Лог – 8 чел., из д. Кутамыш – 14 чел., из 1-й и 2-й Липовых – 74 чел., из д. Олени – 39 чел., из д. Ново-Рождественска – 91 чел. и т.д. Людские потери были невероятно велики.

Вчерашние солдаты и их жены-крестьянки вправе могли рассчитывать, что на смену годам страданий и лишений придет спокойная зажиточная жизнь. Однако власть распорядилась по-своему. 10 сентября 1946 года Совет министров и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». Суть документа сводилась к тому, что в годы войны неправомерно распределялись трудодни по принципу «одним больше – другим меньше», а также расхищались общественные колхозные земли для расширения приусадебных участков колхозников, под подсобные участки предприятий и огороды рабочих и т.д. В целом документ еще более ужесточал государственный контроль за деятельностью колхозов, осуществлять который возложили на Совет по делам колхозов при правительстве СССР.

Вернувшиеся с войны колхозники не могли восполнить человеческий ресурс обезлюдевшей за четыре года деревни и существенно повлиять на скорое восстановление экономики колхозов. По этой причине февральский (1947 г.) Пленум ЦК КПСС принял решение сворачивать мелкие колхозы, при-

соединяя их в виде бригад или отделений к более крупным хозяйствам¹.

Колхозница «Новины» С. Н. Мельцина вспоминала: «Особенно 1947 год, помню, голодный был. Даже картошка не уродилась. Люди в обморок падали от голода, а я чуть не умерла в 1946 году. Шла я из школы домой (зимой это было). Замерзла очень. Решила зайти на ферму погреться. Отломала кусочек жмыха – это сухой корм, который заваривали поросятам. Иногда удавалось подкрепиться этим кормом, но заведующая увидела меня и выгнала. Побрела я дальше – от голода меня шатало, и я упала возле елки в Араповском логу. Женщины, которые видели меня на ферме, сказали маме, работавшей там же, что я едва шла. Мама побежала за мной, обнаружила меня без сознания и принесла домой. Долго я не могла ходить. Месяца два лежала лечилась. Маму за то, что ушла за мной, бросив работу, лишили двадцати килограммов муки. В 5-й класс пошла в Крутой Лог – там открыли школу – семилетку, но учиться не пришлось. Нас, четырех девочек в возрасте 12 лет, заставили выйти на работу в колхоз, так как работать было некому. Маме сказали: «Если не выйдет, выселим. Отец не работает в колхозе, пусть дети работают. Стала я работать на ферме. Мама тоже там работала. Днем воду возила, дрова колола, а ночью корма возила. Очень тяжело всем было. Новый председатель Ляпин Григорий Иванович пришел на ферму, видит – сидят девочки – подростки и плачут. А нас напугали, так как коровы голодные, не встают, поэтому будут судить доярок. Вот мы и разревелась».

¹ В результате формальной реорганизации объединение в крупные хозяйства не произошло, зато появились 7 колхозов им. Ленина (Матвеево, Исады, Сая, Сергино, Каменка, Уткино, Березовая Гора), 4 «Дружба» (Северная, Моховляны, Утробино, Воскресенцы), 3 им. Сталина (Капиданы, Большой Кумыш, Кын). Количество колхозов сократилось всего на одно хозяйство. Чтобы избежать путаницы и выполнить требование постановления 1947 года, в ближайшие два года состоялось действительное создание укрупненных колхозов. Одинаковые наименования хозяйств больше не повторялись.

Меры, направленные на подъем сельского хозяйства и обозначенные февральским Пленумом, имели весьма опосредованное отношение к текущей жизни деревни. По-прежнему колхозная деревня оставалась в нищенском, полуголодном и безденежном состоянии. Чтобы как-то изменить ситуацию, Молотовский обком ВКП(б) обратился к коммунистам промышленных предприятий взять шефство над отдельными отстающими колхозами. Партия снова призвала на помощь шефов из города. Первыми откликнулись коммунисты штамповального цеха, сшивной посуды и цеха ширпотреба № 1 металлургического завода. Они обязались отремонтировать сельхозинвентарь и лесопилку в колхозе «Новина», отправить в колхоз посуду и 150 книг. Инструментальщики соорудили походную мастерскую для ремонта сельхозтехники на автомашине и поочередно объезжали колхоз «Путь Ленина», совхоз «Лысьвенский», машино-тракторные станции Лысьвенского и Березовского районов. Учащиеся РУ-2 приступили к изготовлению 150 комплектов инструментов для ремонта колхозных тракторов. Помимо металлургов к оказанию шефской помощи колхозу «8-е Марта» приступили рабочие завода им. Иванова, а треста «Чусовстальстрой» – колхозу им. Ворошилова.

На уборку урожая 1947 года в колхозы Лысьвенского и Березовского районов отправили 3600 горожан. Перед посланцами города ставилась задача заработать каждому не менее 50 трудодней. Деньги выдавались прямо в колхозах по результатам работы. По этой причине производительность труда шефов была достаточно высокой. Например, 10 рабочих треста «Уралспецстрой» за 25 дней выработали 358 трудодней, а 6 работниц яслей № 1 за месяц – 239 трудодней.

*Телятница колхоза
«Авангард»
Л. Останина*

Очередным организационно-перестроечным этапом лысьвенских колхозов стал 1948 год. 18 марта состоялось объединенное партийное собрание городской и районной организаций ВКП(б), на котором с докладом «Об усилении шефской помощи МТС и колхозам Лысьвенского района» выступил секретарь горкома партии Н. Рахманов. Он отметил, что, следуя указаниям февральского (1947 г.) Пленума ЦК ВКП(б), силами шефов металлургического завода было вспахано более 1 тысячи га угодий, колхозам оказана денежная помощь в размере 21 тысяча руб., более 500 человеко-дней составили массовые выходы на работу в колхозы и совхозы жителей города, колхозам предоставлялся автотранспорт и т.д.

Таким образом, февральское (1947 г.) постановление ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период» и июньское (1948 г.) постановление Совета министров СССР «О мерах по улучшению организации, повышению производительности и упорядочению оплаты труда в колхозах» явились базовыми документами для обновления деятельности колхозов и совхозов на первую послевоенную пятилетку. Сельская тема снова стала доминирующей в местной прессе, на партийно-хозяйственных активах, сессиях горсовета.

По инициативе горкома ВКП(б) 18 колхозов обрели постоянных шефов, перед которыми были поставлены первоочередные задачи: ремонтировать сельскохозяйственную технику, электрифицировать деревни и, конечно, помогать проводить уборочную кампанию. В апреле 1949 года горком партии одобрил инициативу колхоза имени Сталина (Кын) и заимского подсобного хозяйства ЛМЗ, объявивших о начале социалистического соревнования по успешному выполнению планов 4-го года первой послевоенной пятилетки. Первое место и переходящее Красное знамя горкома и горисполкома по итогам года получил коллектив заимского хозяйства.

За годы существования колхозов отношения между ними и властью практически не менялись. Неизменным оставалось стремление партийных и советских органов от имени государства жестко контролировать деятельность колхозов, осуществлять мелочную опеку над всем и вся.

19 июля состоялась 9 сессия горсовета. С докладом выступил председатель горисполкома П. Аблицев. Анализируя работу сельхозартелей, он в качестве примера сослался на колхоз «Восход», где, по его мнению, неумело использовались кадры. Докладчик рекомендовал свести 23 колхозника, работавших в трех бригадах, в одну бригаду и освободить тем самым двух человек, чтобы направить их на другие работы. Выступление П. Аблицева, названное содокладчиками «глубоким анализом», изобиловало подобными поучениями.

*Колхозные дети.
Д. Парканы*

Спустя три месяца, 22 октября, на 10-й сессии горсовета П. Аблицев снова выступил с рядом рекомендаций, решать которые следовало немедленно, а именно: усиливать руководящий состав колхозов, подбирать отраслевых специалистов для животноводства и полеводства, развивать материально-техническую базу. *«Задача большая и сложная, – говорил председатель исполкома, – но вполне осуществимая при большевистском стиле руководства колхозами, сельсоветами и МТС».*

Вместе с тем, в колхозах элементарно не хватало человеческих рук и техники. В МТС, имевшей на балансе всего 13 тракторов, числилось 5 трактористов. Из-за отсутствия лошадей колхозы вынуждены были приобретать за свой счет списанные мтсовские трактора, залезая в долгосрочные кредиты.

Самыми крупными владельцами тракторов числились ОРС ЛМЗ (22 единицы, в т.ч. 17 собрано из металлолома, коего в избытке имелось в копровом цехе) и совхоз «Лысьвенский» (7 единиц). На все остальные сельские хозяйства района приходилось 28 тракторов. Об их техническом состоянии статистика умалчивала. Кое-где в колхозы вместе с тракторами переезжали трактористы, однако эти приобретения не сказывались на результатах труда. Трактора часто простаива-

ли из-за поломок, нехватки ГСМ и запчастей. Трактористы халатно относились к результатам своей работы. Например, в 1948 году в Лому после вспашки тракторист вместо боронования выполнил менее трудозатратную культивацию поля. Возмущение колхозников вызвало то, что, не выполнив возложенный на него пахотный план, при расчете тракторист получил за 1 трудодень 3 кг зерна – в три раза больше, чем остальные члены артели.

Никак не повлияло на повышение эффективности работы МТС постановление Совета министров СССР от 27 января 1948 года об обязательном заключении договоров МТС с колхозами. Например, обязавшись перед колхозом «Колос» засеять тракторами 300 га к 18 мая, к указанному сроку удалось засеять только 89 га, хотя почва была готова еще 5–6 мая.

Урожайность зерновых падала. В 1947 году в Моховлянах по плану 9 ц с 1 га получали 4,9 ц зерновых. Годовой план по хлебопоставкам моховлянские крестьяне выполнили на 67,3%, по КРС на 46,6%, по лошадям на 88,2%, по овцам на 61%. Из-за нехватки тяглового скота и рабочих рук вместо запланированных 3000 удалось вывести 2150 возов навоза. Правление колхоза обязало директора школы организовать учащихся обходить крестьянские дома с целью сбора печной золы, а сельсовет принял решение *«всех подростков и престарелых выгнать на заготовку веточных кормов»* (Так в документе – Н.П.).

Не успели моховлянские крестьяне закончить уборочную страду, как в качестве дополнительной нагрузки крутоложский сельсовет обязал жителей отремонтировать дорогу между Крутым Логом и Ломом. На проведение этих работ колхоз выделил двух человек и лошадь. За день работы выплачивался не 1, а 2 трудодня. Лошадь через несколько рабочих смен пала.

Не улучшился сбор зерна и в 1948 году. В колхозе «8-е Марта» урожайность составила 6,3 ц с га, в «Колосе» и «Труд крестьянина» по 5,4 ц, в «Красной звезде» – 3,9 ц и т.д. Задача, поставленная ГК ВКП(б) произвести в 1949 году 11,5 ц зерна с гектара многим хозяйствам оказалась не под силу. Чтобы не подвергаться партийной критике, председатели колхозов безропотно заключали договоры о социалистическом соревнова-

нии, в которых обещали выполнить контрольные цифры и о которых забывали едва ли не на следующий день после подписания условий соревнования.

Вместе с тем и на *«самом плохом участке нашей работы»*, как говорил председатель горисполкома А. Панин о сельском хозяйстве района, имелись крепкие хозяйства, такие, как: им. Сталина (Кын), «Заря» (Большая Лысьва), им. «12 лет Октября» (Паинцы), «Новый путь» (Сая), «Колос» (Ново-Рождественск). Каждый из них нашел способ сделать артель прибыльной, а труд колхозников высоко оплачиваемым. Например, колхоз «Заря» не только сохранил в военные годы сортоиспытательный участок, но и расширил его. Путем опытной работы сортоиспытатели пришли к выводу, что в условиях Лысьвенского и прилегающих к нему районов выгодно сеять озимую рожь сорта «Вятка» с урожайностью до 38,6 ц с 1 га, яровую пшеницу «Диамант» (до 39 ц), ячмень «Вятский-6040» (30,1 ц), районированный горох, вику «Львовская 31 –922», клевер «Пермский» и т.п.

Для колхозов Залесненского и Ломовского сельсоветов предложили культивировать сорт «Гарнет» и овес «Кюто», имеющих раннюю стадию созревания. Продажа сортовых семян давала неплохую прибыль хозяйству.

За счет сортоиспытательного участка колхоз имел стабильно высокие показатели и числился районным лидером по производству зерна.

Кыновской колхоз им. Сталина выбрал основным источником доходов животноводство. В 1948 году хозяйство превзошло довоенный уровень по производству мяса и молока (1444 л на фуражную корову). Существенный вклад в колхозную кассу приносили птицеводство, пчеловодство, кролиководство, коневодство. До 200 тыс. руб. давала продажа лошадей орловской породы и тяжеловозов породы «Арден». Под руководством председателя А. Нечаева в первые послевоенные годы в колхозе построили новые МТФ, 4 конных фермы на 100 голов, скотный двор на 75 голов, овощехранилище, создали стабильную кормовую базу и, самое главное, сформировали надежный штат полеводов, животноводов, специалистов.

Однако в целом по району экономика колхозов находилась на крайне низком уровне. Убытки росли из года в год. Как отголоски засухи 1946 года в западных областях страны по лысьвенским деревням прокатились полуголодные 1947 и 1948 годы. Даже передовой колхоз им. Сталина в 1947 году понес убытки в размере 50663 руб. На месяцы растягивались платежи по сельхозналогу. Сезонные задания по заготовке, подвозу и вывозке древесины выполнили колхозы им. Кагановича на 193,5% (эта артель не выполнила госпоставки по зерну), «Ударник» – на 128,5 %, «Восход» – на 107,8%. Остальные хозяйства справились с заданием в пределах 50–60%.

Хлебопоставки, находящиеся под жестким контролем, растягивались на месяцы. Начавшись 1 сентября 1948 года, они не закончились и в конце октября. На 100% плановые задания из 33 выполнили только 10 колхозов. 3 артели выполнили задание менее 50%.

Лысьвенский горотдел сельского хозяйства проанализировал состояние скота в ряде сельсоветов. Выяснилось, что во Власовском сельсовете, в колхозе «Победа», в период с 1 января 1948 года по 1 января 1949 года пали 3 лошади, 11 голов КРС, 30 овец, 6 свиней¹. Последовали жесткие меры: виновных привлекли к судебной ответственности, обязали возместить ущерб натурой. В акте отмечено: *«Ревизионной комиссии (колхоза – Н.П.) взять на учет скот, находящийся в личном пользовании членов правления и работников животноводства, и запретить его продажу и забой до выяснения степени виновности в падеже скота»*.

Не выполнили план по поголовью скота колхозы «Новая жизнь», «Новина», «Труд крестьянина», им. «1-го Мая». Расчет на контрактацию молодняка с колхозами в целом по району не оправдался.

Отмена карточной системы в декабре 1947 года отчасти сгладила проблему доступа населения к хлебобулочным продуктам, но остро поставила вопрос о снабжении городов мясной и молочной продукцией.

¹ По другим данным пало 4 лошади, 4 поросенка, 8 телят, 38 ягнят.

Купить мясо в магазинах Лысьвы было практически невозможно. Колхозники продавали мясо на рынке от случая к случаю. Продажа молока заканчивалось через час-два после привоза в магазины, а ассортимент кисло-молочных продуктов был крайне ограничен. Не появлялось на прилавках куриное яйцо. Недоимки по этому виду сельхозпродукции были огромны: например, колхозы Соинского и Матвеевского сельсоветов задолжали 18832 яйца, колхозы им. «17-го партсъезда» 5028, «Новый путь» 1578 штук и т.д.

Дефицит мяса был также велик. В мае 1949 год Совет министров и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О заготовке продуктов животноводства», предполагавшее увеличить в ближайшие 3 года объемы заготовок мяса в 2 раза. ГК ВКП(б) взял исполнение постановления под свой контроль.

10 февраля 1949 года передовая статья газеты «Правда» призывала: *«В новой обстановке надо по-новому руководить. Линию партии в области сельского хозяйства теперь с успехом может осуществить только тот, кто владеет основами высокой культуры земледелия и животноводства, кто способен организовать внедрение достижений передовой науки в колхозное производство»*. Это было очередное декларативное заявление, потому что одновременно взять «новых» руководителей было неоткуда. На собраниях, в прессе представители горкома партии не уставали повторять, что за урожайность зерновых культур, овощей и развитое животноводство отвечают сами колхозники, специалисты, бригады, инспекция сельского хозяйства, коммунисты села, шефствующие организации.

В борьбе за высокоразвитое животноводство партийные организации снова обратились к социалистическому соревно-

*Доярка колхоза
им. Сталина
О. Дылдина*

ванию. На этот раз вместо обобщенных для всего района цифр по надоям молока, увеличению приплода, сохранению молодняка и т.п. от соревнующихся сторон требовалось принимать конкретные обязательства в виде центнеров зерна, тонн молока и т.п.

18 января 1950 года по инициативе коммунистов колхоза «Победа» (д. Северная) общее собрание колхозников вызвало на социалистическое соревнование соседей из колхоза «Новая жизнь» (д. Моховляна). В условиях соревнования значилось: 1. Сохранить все поголовье скота и весь приплод 1950 года. 2. Получить удой молока на одну фуражную корову 1450 л. 3. Не допускать яловости коров. 4. Получить от 1-й овцематки по 1,5 ягнят. 5. Сохранить весь приплод поросят в среднем по 12 условных поросят. 6. Получить 75 штук яиц на 1 куру-несушку. Вызов был принят 2 марта 1950 года на собрании моховлянских соседей¹. Анализ итогов социалистических обязательств, принимаемых при вступлении в соревнование, показывает, что на протяжении всех лет они не решали проблем, требующих особой организации труда, управленческих действий, мобилизации трудовых ресурсов, а являлись своеобразной калькой годовых планов, направленных на выполнение госзаказов по зерну, мясу, молоку и другим сельхозпродуктам. Например, колхоз «Авангард» в соцобязательствах на 1952 год перечислил весь цикл работ от вывозки удобрений на поля до покупки автоцистерны для молокосдачи.

Совершенно очевидно, что разработка условий социалистического соревнования не обходилась без участия партийных функционеров из города при молчаливом одобрении работников горсельхозотдела.

Для интенсивного развития животноводства требовалось активнее создавать профильные животноводческие бригады. В этом направлении использовался опыт кыновского колхоза им. Сталина, где специально подготовленные люди осуществляли весь цикл работы с животными: от выращивания

¹ Спустя 10 лет, по данным на 11 января 1961 года, средний удой на 1 корову в Моховлянах составлял 1358 л, а в Северной – 1408 л.

и заготовки кормов до сдачи молока, мяса, шерсти, шкур заготовителям. В определенном смысле такой подход стимулировался постановлением Совета министров СССР от 13 сентября 1949 года о дополнительной оплате труда колхозных животноводов Молотовской области, добившихся высоких показателей в деле выращивания молодняка, сохранения взрослого поголовья и повышения продуктивности животноводства. Документ ничем не отличался от предыдущих постановлений своей заформализованностью. В нем указывалось обязательное количество молодняка, получаемое от маточного поголовья на корову, свинью, овцу, количество скота на одну доярку или скотника, должностные обязанности пастухов, а также размеры оплаты за проделанную работу.

Подводя итоги работы за 1949 год, заведующий сельхозотделом горисполкома Я. Чепурных отмечал, что план по КРС выполнен на 92,2%, по овцам – на 96,7%, по лошадям – на 82,9%. Надои молока вместо запланированных 1450 л на одну фуражную корову составили 870 л. В целом по району из 33 колхозов работа 11 артелей признавалась неудовлетворительной, две трети хозяйств не получили запланированных урожаев зерновых.

Из 15 тракторных бригад, распределенных по колхозам, относительно устойчиво работали только две под руководством бригадиров Петрова и И. Голомидова. По данным старшего механика МТС Г. Доукина, за первые 50 дней весенне-летних работ выработка на условный трактор составляла 125 га или 1,25 га за календарную смену, тогда как в среднем по Молотовской области она составляла более 4 га.

Надежда на механизированную уборку урожая была так мала, что колхозам рекомендовалось шире практиковать уборку зерновых культур с помощью серпа и косы. Подобный метод предполагал организацию бригады из трех человек: косца и двух вязальщиц. Косец с помощью специально оборудованной грабельками косы скашивал рожь. Одна из вязальщиц, шедшая за ним следом, складывала кошенину в ряд, а другая вязала снопы. За день такая бригада могла убрать от 1 до 1,5 га, тогда как при уборке серпом один человек убирал от 0,12 до 0,2 га.

С большим напряжением сил шло строительство межколхозных электростанций, призванных облегчить ручной труд на фермах и токах. По планам горисполкома в течение 1950–1951 годов в колхозах района должны были вступить в строй 18 сельских ГЭС. На момент принятия решения об электрификации в районе работала только одна электростанция в колхозе им. Кирова в Нижних Исадах, запущенная в 1946 году. По замыслу исполкома, плотины на малых и средних реках должны возводиться силами самих колхозников на «массовых субботниках и воскресниках», на которые деревенские жители выходили с большим нежеланием. Техническая часть – установка, наладка, подключение – возлагалась на шефов из города.

1 января 1950 года межколхозная ГЭС дала ток в колхозе «Новый путь». На торжестве по случаю включения «лампочки Ильича» в домах колхозников в деревню приезжал председатель горисполкома А. Панин.

Реализовать план строительства всех 18 межколхозных электростанций не удалось даже наполовину. Желанное электричество пришло в отдаленные лысьвенские деревни только в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

Укрупнение колхозов

Только через три года нашло свое продолжение решение февральского (1947 г.) пленума ЦК ВКП(б) об объединении мелких артелей Лысьвенского района с крупными хозяйствами. Предельно очевидной стала разница между мало-мощными и относительно успешными хозяйствами. Такие артели, как им. Чапаева (Сергино), «Новая деревня» (Белая), им. Кагановича (Петровичи) и десяток других, в силу малолюдья не могли ни обработать принадлежащие им земельные угодья, ни успешно заниматься животноводством. По этой причине доходность хозяйств была крайне низкой. Избрание на должность председателей в таких артелях люди воспринимали как наказание.

Другие хозяйства, такие как «Заря» (Большая Лысьва), испытывали острый недостаток пахотных угодий, в силу чего

не могли успешно развиваться. Мелкие колхозы сами стремились присоединиться к более успешным соседям. Например, колхоз им. Калинина (Уткино) рассчитывал слиться с колхозом им. Кирова (Нижние Исады) или «Новый путь» (Сая).

В относительно благополучных хозяйствах некоторые колхозники при условии добросовестной работы получали неплохие дивиденды. В саинском колхозе члены артели А. Федотова зарабатывала до 753, П. Федотов – до 598, Н. Федотова – до 733 трудодней, а семья А. Зарубина за 1801 трудодень получила 222 пуда зерна и 1680 руб. денег. За один трудодень здесь выдавали 2 кг 200 гр. зерна и 1 руб. 07 коп. денег. Благодаря таким труженикам «Новый путь» не только в установленный срок осуществил госпоставки зерна, но даже сдал на 30 ц больше плановых заданий, заложил фуражные, семенные и страховые фонды, поставил на местный маслозавод плановое количество молока.

Однако в целом по району колхозников, которые могли бы похвастаться большими заработками, было немного. В массе своей члены артелей равнодушно относились к результатам общественного труда.

Весной и летом 1950 года состоялся полномасштабный процесс объединения колхозов или, как тогда говорили, состоялось укрупнение хозяйств. 19 июня 1950 года горисполком принял решение объединить в одно хозяйство колхозы Лязгинского сельсовета «Заря» (Большая Деревня), «Луч» (Выломово), им. Ворошилова (Лязгино и Грива). В качестве центральной усадьбой избрали д. Выломово.

Спустя год на базе новорождественского колхоза «Колос» объединились артели «Красная звезда» (Чебота) и им. Сталина (Вязовка). Шли разговоры о присоединении к новорождественскому хозяйству колхоза «Авангард» (Сосновое Болото). Будучи крепким хозяйством, «Авангард» пошел на укрупнение с колхозом им. Сталина (Валюшино). В результате появился колхоз «Урожай».

В Паинском сельсовете объединились колхозы «12 лет Октября» (Паинцы), «8-е Марта» (Кутамыш) и «Новая деревня» (Белая).

Таким образом, количество колхозов в Лысьвенском районе сократилось до 27. Небольшие колхозы, объединенные в одно хозяйство, стали называться бригадами. Спустя год количество колхозов сократилось до 18. Бригадами стали колхоз им. Кирова, им. Молотова, «19 годовщина Октября», «Восток», им. Чапаева, им. Калинина, им. Горького, «Красный Октябрь», им. Орджоникидзе.

Процесс укрупнения хозяйств совпал с непростыми погодными условиями. Из-за дождей сложной выдалась уборочная страда 1950 года. К концу года только колхозы «Новый путь», им. Кирова, им. Сталина (Кын) и «Авангард» на 100% рассчитались с государством по поставкам зерна, 5 хозяйств выполнили госзадание на 90%, остальные – менее 50%¹.

24-я городская партийная конференция, состоявшаяся в июне 1951 года, отметила *«серьезные провалы в сельском хозяйстве. Хлебозаготовки 1950 года по району сорваны, план развития животноводства выполнен только одним колхозом...»*.

Как водится, причины «серьезных провалов» видели в недоработках самих колхозников и их руководителей. Самыми обсуждаемыми темами были организация и оплата труда колхозников, а также низкая доходность сельхозартелей. Председателям колхозов вменялось в вину то, что они не обновляли и не утверждали на общих собраниях обновленные нормы выработки и расценки, а пользовались теми, что были приняты несколько лет назад. Как показывали многочисленные проверки, в некоторых колхозах расценки вообще не существовали как таковые: например, на овощеводство, силосование, вывозку навоза и т.п. Оплата труда по итогам года складывалась не из результатов труда конкретного работника, а из усредненных показателей по итогам работы всей артели. В этом заключалась причина того, что яркие, трудолюбивые овощеводы и животноводы, показывающие в течение нескольких лет высокие трудовые результаты, превращались с течением времени в равнодушных исполнителей, отбывающих положенные трудовые дни на колхозных полях и фермах.

¹ Крайне сырым оказалось лето и дождливой осень 1951 года.

В середине 1950-х годов остро встала проблема с трудовыми ресурсами почти во всех колхозах. Исключение составляли такие колхозы, как им. Сталина (Кын), «Колос», им. Ленина. В кыновской сельхозартели им. Сталина проживало 152 крестьянские семьи, из которых 256 человек трудились в колхозе. Это позволяло кыновлянам много лет быть в числе ведущих производителей продукции полеводства, животноводства, птицеводства и пчеловодства. В то же время в артели «Победа» 70% колхозников трудились в животноводстве, являвшемся основным источником финансового благополучия колхоза. Им приходилось обслуживать более 700 голов скота. В полеводстве, на заготовке кормов могло трудиться только 9–11 человек, проживающие в деревнях Северная, Моховляне, Марковцы. Естественно, что такой дисбаланс в расстановке кадров отразился на результатах работы всей артели.

*Свинарка
А. П. Некрасова*

Горком КПСС и горисполком предпринимали попытки восполнить дефицит колхозников за счет переселения в деревню горожан. Секретарь ГК ВЛКСМ В. Мурзин докладывал, что в деревню на постоянное место жительства планировали переехать 300 комсомольцев. Сколько молодых горожан реально стало колхозниками, неизвестно, так как одновременно с агитацией о переезде в деревню шло комплектование городских ремесленных училищ и школ ФЗО в том числе за счет сельской молодежи. В 1955 году только ФЗО № 24 приняло на учебу 40 человек. Не последнюю роль в кадровом оскудении лысьвенских деревень играла кампания по вербовке молодежи на освоение целинных и залежных земель Казахстана, куда в первую очередь уезжали молодые механизаторы.

Горожанам, которые все же переезжали на постоянное место жительства в колхозы, выдавалась ссуда в размере 10 тыс. руб. на строительство дома, 1,5 тыс. руб. на приобре-

тение коровы, хотя им, как правило, колхозы бесплатно передавали коров, нарезались участки под огороды. В новорожденном колхозе «Колос» правление совместно с сельсоветом построили для новоселов новые и отремонтировали несколько старых домов.

Среди членов сельхозартелей имелось мало специалистов зоотехников, ветеринаров, агрономов, механиков, электриков. Председателям колхозов приходилось нанимать их «со стороны», хотя такие люди проживали на территории колхозов, но не являлись колхозниками. Не имея денег в колхозной кассе, при расчете с наемными работниками руководители заведомо шли на нарушение Устава сельхозартели. Вместо денег, как того требовал Устав, с наемными работниками рассчитывались частично или полностью «натурой». Например, по договору электрик в колхозе «Заря» трудился при условии оплаты не менее 50 трудодней в месяц. За каждый трудодень ему полагались 3 руб. денег, 1,5 кг пшеницы; за месяц работы – 10 л молока, 2 кг мяса; а в течение года 2 т сена, 15 куб. м дров, 36 бесплатных конедней.

Высокая оплата труда наемных работников, не членов артели, механизаторов и других работников МТС, вызывала неудовольствие среди массы колхозников. Рядовому члену артели за год требовалось выработать не менее 240–270 трудодней, получая за каждый в среднем от 5 до 10 копеек и 200–300 граммов муки, не считая сено, солому, дрова и т.п.

Хронической болезнью всех колхозов был учет, его своевременность и объективность. В оперативных и годовых отчетах председатели колхозов то увеличивали, то уменьшали размеры посевных площадей, количество поголовья скота и собранного урожая. После посевной кампании 1954 года председатель колхоза им. Ленина показал в отчете посевы ячменя на 20 га больше факта, им. Сталина (Лом) – больше на 20 га ржи и 8 га картофеля, а председатель колхоза «Колос» в план посева однолетних трав вписал 52 га старых клеверищ.

Инструкторы-бухгалтеры МТС, которым вменялось в обязанность помогать и организовывать колхозный учет, относились к своим обязанностям формально, поэтому при укрупнении мелких хозяйств происходили неоправданные по-

тери и обезличивание колхозной собственности, неточное фиксирование посевных площадей, поголовья скота и т.д.

В условиях постоянно меняющихся требований к общественному сельскому хозяйству со стороны власти председателям колхозов приходилось принимать нестандартные управленческие решения, находящиеся за гранью здравого смысла. Так, председатель артели Паинского сельсовета им. «8 Марта» из-за отсутствия сеялок отдал распоряжение проводить сев гороха вручную. Вслед за севачами, разбрасывающими семена по полю, находчивый председатель пустил детей, которые палочками протыкали землю и в получившиеся ямки опускали горошины. «Сев» остановил находившийся поблизости уполномоченный горисполкома.

Распространенным было наказание председателей правлений колхозов за преждевременную выдачу авансов или какие-либо послабления, предоставляемые членам артели. В 1957 году на сессии городского Совета один из делегатов гневно обрушился на председателя колхоза «Прогресс» за то, что он принял решение выдать каждому колхознику по 2 рубля за 1 трудодень. Делегат заявил: *«Считаю преступлением этого председателя, когда он не рассчитался с государством по платежам в бюджет за 1957 год».*

Авансирование колхозников, предусмотренное Уставом сельхозартели, формировало гигантскую дебиторскую задолженность. Как отмечал председатель колхоза «Авангард» С. Варнин, дебиторскую задолженность не могла *«покрыть приходно-расходная смета по доходной части, которая выполнена всего лишь на 60,5%».* Даже в таких колхозах, как «Заря» дебиторская задолженность достигала 100 и более тысяч рублей. Стараясь восполнить неполученную прибыль и покрыть «дебиторку», председатели колхозов искали альтернативные источники доходов. В «Авангарде» рассчитывали получать до 15 тыс. руб. дохода за счет изготовления колесных ободьев. Широкие возможности для получения доходов предоставляли колхозные леса. В 1952 году доходы колхоза им. Сталина (Лом) от продажи леса и пиломатериалов составили 73% от всех доходов, в 1953 году – 68%.

В определенном смысле денежное авансирование колхозников шло на пользу самим колхозам. Члены артелей имели возможность прямо на месте покупать мясо, молоко, яйца, мед, за счет чего пополнялась касса хозяйств и таким образом стимулировалось развитие соответствующих производств.

Только 3–4 колхоза Лысьвенского района с трудом выполняли госпоставки в полном объеме и с огромным напряжением сил рассчитывались с кредитами и налогами. В то же время, по официальным данным, в 1955 году из 13 колхозов района план хлебопоставок не выполнили 10 хозяйств.

Продолжалось укрупнение колхозов¹. Машино-тракторная станция закрепила за объединенными хозяйствами 32 гусеничных трактора, 30 комбайнов, в том числе 20 самоходных, 32 сеялки, 7 тракторных сенокосилок. Технику обслуживали 16 бригад механизаторов. В ряде колхозов начали работать машино-тракторные мастерские, что в целом никак не улучшило техническое состояние сельхозтехники.

Оценивая работу МТС, пленум ГК КПСС, состоявшийся 21 апреля 1953 года, отметил, что *«в 1952 году простои по техническим неисправностям составили 2760 тракторосмен, по организационным недостаткам еще более 2-х тысяч»*. В качестве одной из причин неудовлетворительной деятельности МТС участники пленума указывали на недостаток квалифицированных механизаторов и специалистов. Работа в МТС не считалась престижной и приносящей достаток. Спустя два года, на 26-й городской партийной конференции, секретарь ГК КПСС Г. Ракланов говорил: *«Когда городским ком-*

¹ К концу 1952 – началу 1953 года среди 16 колхозов района насчитывалось 11 укрупненных хозяйств. Колхоз им. Горького (Большой Кумыш) влился в колхоз им. Сталина (Кын). По спискам сельхозотдела горисполкома на 14 мая 1952 года в районе насчитывалось 18 колхозов, а по таким же спискам на 21 мая 1953 года – 15 за отсутствием колхозов «Новая жизнь», «1-е Мая», им. Кагановича. В 1954 году произошло объединение Ломовского колхоза им. Сталина и Залеснинского колхоза «Труд крестьянина» в артель «Искра», колхоз «Ударник» (Усть-Серебряная) влился в кыновской колхоз им. Сталина. В 1957 году организован колхоз «40 лет Октября». Таким образом, в районе насчитывалось 14 колхозов.

мунистам-инженерам ...было предложено поехать на работу в МТС, то они нашли тысячи причин для того, чтобы отказаться от работы в сельской местности».

Председатели колхозов не особенно верили в эффективную помощь МТС. Опыт показывал, что часто, когда они планировали привлечение техники к посевной или уборочной кампании, работа срывалась по вине механизаторов и плохо подготовленного к работе машинотракторного парка. Поневоле колхозникам приходилось целенаправленно разводить лошадей, приобретать упряжь и гужевые транспортные средства.

Необходимость увеличения конского поголовья понимали представители власти. 28 декабря 1952 года сельхозотдел горисполкома провел на льду Травянского пруда выставку и испытания колхозных рысаков и тяжеловозов. В заездах рысаков принимали участие двухлетки и кони старших возрастов. В забеге на 1600 м за 2 мин. 44 сек. победил жеребец Соболев, принадлежавший матвеевскому колхозу им. Ленина. Это же расстояние кыновской тяжеловоз Гвал с грузом 500 кг преодолел за 4 мин. 22 сек. Хороших коней выставили животноводы колхоза «Авангард».

Колхозная жизнь испытала очередной поворот после сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. В августе был принят новый Закон о сельхозналоге, который устанавливал повышенные налоговые ставки для колхозников, не имеющих в личном подворье скота, не выработавших установленное количество трудодней или вышедших из колхоза и, напротив, стимулировал развитие приусадебного хозяйства, результативный труд в колхозе и т.п. В докладе «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства в СССР», с которым выступил на пленуме Н. Хрущев, было особо подчеркнуто: *«Во многих колхозах нарушенным оказался важнейший принцип артельной формы колхозного хозяйства – правильное сочетание общественного и личного в артели при подчинении личных интересов общественным... По Уставу сельхозартели главным и решающим является общественное хозяйство».*

Корень противоречий между «личным» и «общественным» так и не удалось изжить. Шаги в сторону развития «лич-

ных хозяйств» нивелировались «общественными интересами». После пленума ЦК КПСС уменьшился в два с половиной раза сельхозналог (в зависимости от вида сельхозугодий с одной сотой гектара стали взимать от 3 до 14 руб. – Н.П.), государство списало колхозам недоимки предыдущих лет, сложившиеся за счет долгов по сельхозналогу, окладному страхованию, самообложению и госзаймам, повысились заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию, колхозникам увеличили площади приусадебных участков.

Изменения в ценовой политике государства на сельхозпродукцию позволили колхозам вкладывать деньги в развитие укрупненного артельного хозяйства. Объединенными усилиями шефов и артелей с 1953 по 1958 год удалось построить в колхозах района 10 коровников, 9 телятников, 11 свинарников, 8 птичников, 10 зерноскладов, 15 картофелехранилищ, 16 зерносушилок системы инженера Гоголева. За эти годы электрифицировано около 20 населенных пунктов, находящихся в пригородной зоне¹.

На фоне слабых колхозов района предпочтительней выглядели совхозы «Лысьвенский» и «Заимский, находящиеся под юрисдикцией ОРСа ЛМЗ. Они также пережили процесс укрупнения за счет небольших колхозов, расположенных в пригородной зоне. В 1954 году жители Заимки приступили к разработке левобережной поймы реки Лысьвы. На расчистке площади в 300 га от кустарника, рытье водоотводных канав ежедневно трудились более 60 человек. Со временем пойменные земли превратились в существенный источник доходов за счет выращивания и продажи помидоров, капусты, лука, картофеля.

В 1957 году совхозы «Лысьвенский» и «Заимский» располагали 2504 га пашни, поголовье КРС насчитывало 1300, свиней – 720, лошадей – 370, кур-несушек – 2500 голов.

По сравнению с колхозами в совхозах строже контролировали вклад каждого работника в получение конечных результатов работы на поле или ферме. Если в колхозах одной

¹ Максаров Н. В. Лысьва. Пермь : Пермское книжное издательство. 1959. 124 с.

доярке поручался уход за 12 коровами и требовалось получать до 1400 л молока, то в совхозе, при плановом надое молока на одну фуражную корову до 2 тыс. л, в группе коров одной доярки находилось 24-25 голов. Если группа состояла из 20-23 животных, полагалось надаивать до 3 тыс. л молока. Каждый конюх ухаживал за 5 жеребцами, 20 рабочими лошадьми, 30 головами мо-

*Доярка Воскресенской МТФ
В. Гуляева*

лодняка до 3х-летнего возраста. Для птичниц существовала норма сохранности цыплят до 70-дневного возраста в количестве не менее 90% полученных после процесса выпаривания. За каждого цыпленка, сохраненного сверх нормы, полагалась премия в 20 копеек. Заработная плата в 1960 году составляла в среднем 172 руб. на одного работника совхоза.

Стараясь увеличить выпуск товарной продукции, руководство ОРСа использовало любую возможность расширить профессиональный кругозор специалистов, отправляя их на курсы, областные сельхозвыставки в Пермь и ВДНХ в Москву. С 1953 по 1957 год только на ВДНХ побывало более 100 рабочих, бригадиров, зоотехников, ветврачей совхозов. Экскурсантам оплачивались командировочные расходы и сохранялся средний размер заработной платы.

Экономические и некоторые другие послабления, предоставленные колхозам сентябрьским (1953 г.) Пленумом ЦК КПСС, продолжались недолго. Кратковременный рост материального благополучия колхозников покатился в обратную сторону. Укрупнение колхозных артелей не привело к ощутимому повышению жизненного уровня их членов. Внутриколхозная жизнь осталась без изменений. В чем-то она даже усложнилась. Из бывших колхозов, ставших бригадами, жители переезжали в центральные усадьбы поближе к школам, больницам, клубам. Малолюдные отдаленные деревни оставались

без работников. Поля и фермы приходили в запустение, но планы госпоставок зерна и мяса, возложенные на укрупненные хозяйства, не сокращались.

В 1956 году на основании очередного постановления правительства сократились размеры приусадебных участков колхозников; возвратился весьма существенный налог на содержание скота; запрещалось скармливание хлеба скоту и птице и т.п. Колхозные ветераны вспоминали, что налогом облагался не только скот, но кусты смородины и яблоневые деревья, что помимо мяса и молока приходилось сдавать государству куриные яйца в количестве 100 штук в год¹.

Кукурузные и другие эксперименты

Традиционную проблему с обеспечением кормами общественное животноводство лысьвенское руководство решило закрыть за счет выращивания кукурузы. Именно с этой культурой связывался будущий успех в создании надежной комовой базы. В 1954 году под кукурузу выделили 41 га посевных площадей. В 1955 году площади увеличили в десять раз и довели до 458 га. Новой культуре отводились лучшие земли. На один гектар вносилось от 20 до 40 т органических удобрений. Однако при самом тщательном уходе удовлетворительный урожай удалось собрать только с 93 га.

Своеобразные выводы из первого опыта работы с новой сельскохозяйственной культурой сделали партийные руководители Лысьвы. На 18-й городской партийной конференции, состоявшейся в ноябре 1955 года, секретарь ГК КПСС Б. Смирнов заявил: *«На основной площади кукуруза не выросла... между тем, кукуруза растет и будет расти в нашем районе»*.

Краевед А. И. Окунев писал: *«В конце 1950-х годов Хрущев «заболел» кукурузой. Что творилось в деревне!... На конном дворе при помощи самодельных прессов из торфа,*

¹ В 1961 г. в сокобязательствах птичниц колхоза «Мир» значилось получить от одной куры-несушки не менее 100 яиц в год.

перегноя и конского навоза изготавливали вручную торфоперегнойные горшочки. В них закладывали зерна кукурузы и в тепле проращивали. Затем на лучших полях с южным уклоном строго по разметке высаживали. Специальное звено женщин ухаживали за посевами, но результаты были плачевные. Потом техника появилась для квадратно-гнездового посева, удобрения минеральные и многое другое, но результаты были теми же. Промучились с этой кукурузой до самой отставки Хрущева в 1964 году и больше к ней не возвращались».

Поработав над разведением «королевы полей» два-три года, селяне убедились, что от кукурузы получают одни убытки. Это понимали и представители власти, но отойти от «линии партии» они не могли. В июне 1955 года бюро ГК КПСС заслушало отчеты председателей колхозов им. Сталина А. Нечаева и «Заря» М. Пьянкова о разведении кукурузы в хозяйствах. Опытные руководители Нечаев и Пьянков изначально понимали, что кукуруза как кормовая культура не имеет перспективы при почвенно-климатических условиях Лысьвенского района. По этой причине они не выделяли для кукурузы, как то требовалось, лучшие земли, не тратились на трудозатраты, расходование удобрений и т.п. В результате за несоблюдение агротехнологии при выращивании новой для района культуры обоим председателям был объявлен строгий выговор.

В марте 1961 года в Свердловске состоялось совещание передовиков сельского хозяйства Урала. В его работе принял участие председатель Лысьвенского горисполкома И. Курзанов. С большой речью выступил 1-й секретарь ЦК КПСС Н. Хрущев. Он, в частности, призывал: *«Кукуруза сама просится на поля, надо только уметь за ней ухаживать».*

Этих и подобных слов оказалось достаточно, чтобы за разведение кукурузы началась «всемирная борьба». Активными пропагандистами разведения кукурузы являлись участники и экскурсанты на ВДНХ в Москве. Апологеты от кукурузы пользовались всякой возможностью тиражировать любой положительный опыт по выращиванию «королевы полей». Крайне расхожим был лозунг: *«5 кг кукурузного силоса равны одному литру молока!»*

Некоторое время в пример полеводам района ставился механизатор из Заимки Л. Трефилов, которому удалось на 30 га пашни получить урожай зеленой массы кукурузы в среднем по 160 ц с 1 га. Кукурузовод охотно рассказывал, что на каждый гектар он вносил по 50 т навоза, вовремя закрывал влагу и прокультивировал поле, при посадке семян использовал сеялку СКГН-6, а при междурядной обработке – культиватор КУТС-4,2Н. Обращаясь к колхозникам, Трефилов призвал: *«Давайте соревноваться, у кого будет лучше урожай «королевы полей!»*.

Наперекор радужным надеждам получать высокий урожай кукурузы звучала позиция опытных агрономов ряда отделений совхоза: *«С кукурузой дело не получится»*. Они доказывали, что при меньших затратах на выращивание овса на корм скоту конечный результат будет значительно превосходить расходы на производство кукурузы.

Практические результаты подтвердили опасения агрономов: успех заимского кукурузовода имел одномоментный характер. Южная культура отказывалась произрастать на лысьвенских полях. Чтобы не вступать в конфликт с властью и минимизировать убытки, в колхозе им. Ленина кукурузу сеяли в смеси с подсолнухом, а в колхозе имени Сталина с пшеницей. 5-я сентябрьская (1961 г.) сессия городского Совета расценила эти действия как *«грубое нарушение агротехники»*, за которое председателям колхозов пришлось отвечать на бюро ГК КПСС.

Агитация за разведение «королевы полей» была так агрессивна, что директор лысьвенского совхоза, планировавший в январе 1962 года засеять 80 га, в марте распорядился готовить к посеву 1 тыс. га. Увеличивались плановые площади гороха и вики: вместо 45 га – засеять 626 га, по сахарной свекле вместо 9 опытных га решили засаживать 75 га.

Механизатор-
кукурузовод
Л. Трефилов

Аналогичным образом поступали руководители и специалисты других хозяйств. Что говорить о партийных и советских функционерах, далеких от понимания принципов сельскохозяйственного труда, рассматривавших выращивание кукурузы и других «прогрессивных» культур как способ скорого получения большого объема сочных кормов для общественного животноводства, а с ним и увеличение сдачи государству мясомолочной продукции. Однако местные почвенно-климатические условия перечеркивали это желание. Нехватка кормов оставалась одной из самых неразрешимых проблем.

Ежедневный кормовой рацион коров даже в относительно благополучных хозяйствах, таких как совхоз, был крайне скуден. На одну корову приходилось 4 кг сена, 2 кг соломы, по 200 граммов концентратов на каждый надоемный литр молока.

Как всегда, при прочих равных условиях в одних МТФ результаты работы были выше, в других – ниже. Доярка из колхоза «Новый путь» Л. Брагина получила в 1956 году по 2186 кг молока на каждую корову, а на ряде ферм совхозов эти показатели превышали 3000 кг на одну фуражную корову. В социалистическом соревновании переходящее красное знамя ГК КПСС и первое место получила МТФ деревни Латыши колхоза «Прогресс». По среднерайонным показателям за 1956 год на производство 1500 кг молока на одну корову вышли 14 колхозов.

Подобные высокие показатели для лысьвенского молочного производства не являлись постоянными и не имели тенденцию увеличения, напротив, во второй половине 1950-х годов среднерайонные удои медленно снижались. К концу 1960 года средний показатель по району колебался в пределах 1300–1400 кг молока. Лучшие результаты работы показывали заимские (2810 кг) и матвеевские доярки из колхоза им. Ленина (2090 кг); худшие – доярки воскресенского колхоза «Дружба» (1216 кг).

Нехватка кормов, а с этим и недостаточное кормление животных сказывалось на качестве молока. При сдаче молока государству 100 л с жирностью 3,9% в зачет шли все 100 л, но если жирность составляла 3,8%, зачитывались только 94,4 л. В колхозе «Новый путь» из-за пониженной жирности пришлось

сдать молока на 22 тыс. литров больше, в результате чего хозяйство понесло многотысячные убытки.

За пять лет, с 1955 по 1960 год, поголовье общественного скота увеличилось на 44,4%, в т.ч. коров на 31,7%, свиней в 2,3 раза. Хронически не хватало животноводческих помещений, а те, что имелись, переполнялись животными сверх всякой меры. Имелись случаи, когда приплод, полученный после отела двухсот коров, некуда было ставить. Телят приходилось раздавать колхозникам.

При формальном увеличении поголовья общественного стада регулярно не выполнялись планы поставок государству молока на 10–20% и мяса на 30–40%. На 30-й городской партконференции (ноябрь 1957 г.) секретарь горкома В. Шавкунов дал хлесткую характеристику причинам отставаний по производству молока: *«Преступная безответственность некоторых правлений и плохая работа колхозных парторганизаций»*. Относительно высокие показатели имели МТФ ОРСа металлургического завода, получавшие по 2401 кг молока на корову.

Очень неровными были показатели по производству мяса. Если колхоз «Новый путь» увеличил производство свинины в 6 раз и перевыполнил сдачу мяса государству, то соинский колхоз имени Ленина сдал всего 55%, из полученных 982 голов поросят на мясо сдано 245 голов; кыновской колхоз им. Сталина, имея 163 овцы, не сдал государству ни одного килограмма баранины.

Причины невыполнения планов по госпоставкам заключались не только в нехватке кормов. В полеводстве и животноводстве не хватало рабочих рук. Не редкими были случаи, когда на фермах скот оставался не кормленным, не доеным и не поеным в течение нескольких дней. Ухаживать за ним было просто некому. По этому поводу доярка Е. Шавкунова говорила на сессии горсовета: *«Да, мы не додали молока и мяса. У нас не хватает на фермах кормов. Это одна беда, но не хватает главного – людей: доярок, телятниц и свинок. Пусть приезжает к нам молодежь из города на постоянное место жительства»*.

Дефицит мясо-молочной продукции частично восполнялся за счет молока, поставляемого индивидуальными хозяевами Ломовского, Залесненского, Саинского, Лязгинского сельсоветов, а также Заболотнинским, выполнившими договорные поставки на 180%, Карпатским (161,5%), Травянским (150%) животноводческими товариществами.

Невысокие результаты по производству мясо-молочной продукции побудили власть принять ряд мер, направленных на определенные изменения внутриколхоз-

*Механизатор
С. А. Шитов*

ной жизни, в том числе на повышение материальной заинтересованности колхозников. Мартовский (1956 г.) пленум ЦК КПСС принял решение о ежемесячном авансировании колхозников не на 10%, а на все трудовые, выработанные хозяйством. Артели приступили к созданию переходящих денежных и продовольственных фондов, что было очень непростым делом, но в результате проделанной работы повысилась трудовая дисциплина, на работу стали выходить даже пенсионеры, подражавшиеся трудиться сторожами, коновозчиками на вывозке навоза, доставке воды на фермы, подвозке кормов и т.п. Материальная заинтересованность побудила домохозяек выходить на работу во время посевной и уборочной кампаний.

Естественно, члены артели желали получать аванс в виде денег, чему способствовали переходящие денежные фонды. Мало того, надзорные органы контролировали не только их создание, но и использование. В колхозе «Новый путь» на трудовые перед посевной кампанией было выдано 164 тыс. руб., или в 2,5 раза больше, чем в 1954 году. По словам бухгалтера артели Ф. Федотова: *«Это дало возможность почти (!) полностью рассчитаться с колхозниками».*

Градус трудовой активности поднял Закон о пенсиях. Правление колхоза «Прогресс» решило ввести платные отпуска при условии, что мужчины отработают в течение года до 300

рабочих дней и заработают не менее 350 трудодней, женщины, соответственно, отработают до 250 дней и заработают не меньше 270 трудодней. Также правление приняло решение об оплате временной нетрудоспособности колхозников. Эти нововведения обсудило и одобрило бюро горкома партии.

Свежую струю в изменение отношения колхозников к трудовой дисциплине, к работе на полях и фермах внесли переселенцы из города, главным образом, рабочие заводов. За 1956 год в колхоз им. Ворошилова переселились 13 городских семей, в колхоз им. Мичурина – 20 семей. В ближайшее время горком ВЛКСМ планировал направить в село еще 140 юношей и девушек¹.

Так называемые «тридцатитысячники», новая волна горожан, делегированных городскими партийными организациями на руководящие посты в сельхозартели, внедряли элементы заводской организации труда в виде комплексных бригад, организационно-технических планов, персональной ответственности за результаты труда руководителей среднего и младшего звена, материального стимулирования работников. Одним из образцовых «тридцатитысячников» был председатель колхоза «Прогресс», бывший начальник ремонтно-строительного цеха металлургического завода М. Ощепков.

Руководители сельхозартелей им. Сталина, «Новый путь», им. Мичурина и некоторые другие начали внимательней считать трудозатраты, обосновывать расценки, расходы семенного материала и кормов, изыскивать дополнительные источники получения доходов, строже относиться к заключению договоров с МТС. В свою очередь, переход на хозрасчет заставил руководителей МТС пересматривать не только взаимоотношения с колхозами в так называемой «зоне МТС», но тщательней просчитывать внутренние расходы и доходы. До сих пор МТС работала в режиме бюджетного финансирования, поэтому руководители станции не особенно заботились о внутренних расходах и получении долгов с колхозов, при-

¹ В феврале 1956 года от большелысьвенского колхоза «Заря» отделились бригады в Лязгино, Выломово, Зехарово, Грива, Топорки и создали колхоз им. Ворошилова с председателем А. Косачевым во главе.

близившихся к 400 тыс. руб. Постоянно нарушались статьи сметы по расходованию ГСМ (41 тыс. руб.), ремонту техники (54 тыс. руб.), хозрасходам (39 тыс. руб.) и т.д. Не соблюдалась плановая стоимость пахоты. Реальные затраты за вспашку 1 га составляли 47 руб. 07 коп. вместо 44 руб. 13 коп. Новый режим работы потребовал вырабатывать собственный финансовый план, формировать свои оборотные средства, а значит по-новому выстраивать отношения с колхозами.

Отчет бухгалтера кыновского колхоза им. Сталина А. Михеева показал на примере самой доходной статьи – животноводстве, что 45% расходов на содержание КРС выпадает на корма, 27% – на уход за животными, 2% – на содержание. Остальные расходы шли на транспорт, общегосударственные и общеколхозные затраты. На получение дохода от продажи мяса и молока колхоз получал буквально копейки. Показательна в этом смысле оказалась работа птицефермы, считавшейся лучшей в районе. За счет высокой стоимости комбикормов, зарплаты трех птичниц в размере 80–90 руб. в месяц и других расходов себестоимость 1 яйца составляла 5,4 коп., а продажная цена – 6,8 коп.

Система налогообложения (госзатраты – Н.П.), внедренная еще до войны, заставляла соотносить размеры пашенных угодий с количеством мяса, молока и т.п., производимых колхозом. Например, в совхозе «Заимка» подсчитали, что с каждых 100 га пашни получено 485,6 ц молока, 37,9 ц мяса. В то же время совещание работников сельского хозяйства Урала, состоявшееся сразу после 22-го съезда КПСС, призвало колхозников на каждые 100 га пашни производить 75 ц мяса в убойном весе и до 16 ц на 100 га с других угодий. Насколько лучшее хозяйство района могло соответствовать этим цифрам, можно судить по тому, что в Заимке на 100 га имелось 42,5 голов КРС, в т.ч. 21 корова.

Плановые расчеты, производимые руководителями колхозов, предполагали замену тяжелого ручного труда современной сельскохозяйственной техникой. Однако часто получалось так, что имелся трактор или сеялка, но отсутствовали запчасти; вырыт колодец, но нет насоса для подачи воды; есть вода, но не работает поилка; есть лошади, но нет телег; есть телеги, но

нет ободьев к колесам; есть работники (шефы), но нет ручного инструмента; есть помидоры, но нет тары для засолки.

Тяжелый ручной труд оставался в деревне без изменений. Во многих колхозах не хватало рабочих рук. Борьба с «тунеядцами» и «антиобщественными элементами», проживающими на территории колхозов, отнюдь не заканчивалась их привлечением к общественным работам. Например, поселковый сельский Совет выяснил, что во 2-й Обманке, Верх-Лысьве, Невидимке, Татарке, Каменке живут 60 мужчин, уклоняющихся от работы, но на этом все и закончилось. Не многие могли выдержать напряженный многочасовой труд за рычагами трактора или на ферме.

Для примера рассмотрим рабочий день телятницы Дубровской фермы З. Кониной. Она получала по 30 телят после окончания молочного периода и выращивала их до полутора-двухмесячного возраста. В течение рабочего дня она должна была напоить животных молоком, выдать около 700 граммов сена, смешанного с солью и мелом, провести уборку, обмыть теплой водой грязных телят, убрать навоз, организовать прогулку и т.д. По графику Кониная приходила на ферму в 6 ч. утра и работала до 10 ч.; с 10 ч. до 12 ч. – личное время; с 12 ч. до 14 ч. снова на ферме; с 14 ч. до 18 ч. – личное время; с 18 ч. до 20 ч. – работа на ферме. Заработок телятницы составлял 80–90 руб. в месяц¹.

О тяжелой ручной работе рассказывал кыновской свинарь К. Петунин. Он приводил примеры, когда во время утреннего кормления поросят ему вручную приходилось перетаскивать по 300–400 кг картофеля. Свинарь мечтал о монорельсовой дороге, которая смогла бы обеспечить уход не за 100, за 200 поросятами.

Кукурузные и другие эксперименты 1950–1960-х годов не принесли колхозникам обещанного благополучия и улучшения жизни. Все сельскохозяйственные мероприятия, предлагаемые и проводимые под руководством партии, заканчивались огромными затратами труда и средств, никак не вносившими в жизнь колхозов желание работать больше и лучше.

¹ До денежной реформы 1961 г.

За коммунизм в предельно сжатые сроки

Период с 1957 по 1959 годы наполнен важными событиями в истории сельского хозяйства. 4 июля 1957 года ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозов, рабочих и служащих». С 1 января 1958 года отменялись обязательные поставки государству всех видов сельхозпродукции лысьвенскими колхозами. Постановление предоставило широкое поле деятельности для заготовительных организаций и колхозов по заготовке и сбыту сельхозпродукции. Одновременно партия призывала работников сельского хозяйства увеличить производство мясо-молочной продукции, чтобы в ближайшие несколько лет догнать США по обеспечению населения молоком и молочными продуктами.

Следующим многоходовым решением ЦК КПСС стало февральское (1958 г.) постановление «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС». Машино-тракторные станции выполнили свою историческую миссию. Колхозы и совхозы уже не могли обходиться без собственной сельскохозяйственной техники, а МТС, в силу огромного объема возложенных на них задач, не могли с ними справиться. Реорганизацию МТС и передачу техники хозяйствам предполагалось провести за 2–3 года. Пока же МТС оставались в качестве консультационных центров по содержанию и ремонту техники, обработке земли, уходу за животными и посредниками в приобретении колхозами тракторов и других механизмов.

Генеральная цель февральского постановления заключалась в ускорении технического прогресса не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, в первую очередь, в машиностроении и металлургии. Перед колхозами встала задача самим создавать машино-тракторную базу за счет собственных накоплений. По подсчетам экономистов, такие колхозы, как «Колос», «Заря», «Новый путь», им. Ленина, «Авангард», им. Сталина (Кын) могли приобрести необходимую технику за 4–5 лет. Уже в 1959 году колхоз «Авангард» выкупил в МТС один гусеничный трактор ДТ-54, два колесных трактора,

комбайн С-4, 3 плуга, 3 сеялки, 2 культиватора, 2 сенокосилки и 1 силосорезку. Колхоз «Заря» приобрел технику на 59166 руб., а колхоз им. Сталина – на 122000 руб.

На областном уровне произошло деление сельских районов на зоны с примерно одинаковыми почвенными, климатическими и экономическими условиями. Колхозы Лысьвенского района отнесли к первой (пригородной) из четырех зон, специализирующейся на производстве молочной продукции, овощей и картофеля. По прикидкам областных чиновников, примерно 55,2% угодий района должны быть заняты зерновыми культурами при средней урожайности 13 ц с 1 га, 6,5% – картофеля с урожайностью 140 ц с 1 га, 36,4% – кормовыми культурами, 23,3% – многолетними травами. При этом колхозы, расположенные недалеко от городских территорий и железнодорожных станций, в приоритете должны иметь производство молока, мяса, овощей, а отдаленные хозяйства – мяса и овощей.

На уровне очередных требований одно за другим вышли «Рекомендации о мерах по резкому увеличению свинины и путях снижения ее себестоимости» и «Рекомендации по увеличению коров и правильному их использованию, по организации выращивания телок и их своевременной случке». «Рекомендации» опубликовала газета «Сельское хозяйство» в феврале-марте 1959 года.

Как водится, во главу похода за резкое увеличение производства «свинины» и «говядины» поставили трудолюбивых и добросовестных работников. Первыми в борьбу за коммунистическую ферму вступили доярки колхоза «Новый путь» Л. Брагина, М. Маракулина, Т. Субботина. Женщины выступили с соответствующим обращением к животноводам района приложить все силы для сверхпланового производства мясомолочной продукции.

Однако сдавать все мясо до грамма в счет госзакупа председатели колхозов не желали. И по привычке, и по необходимости им приходилось рассчитывать с членами артелей натурой, т.е. той же свининой и говядиной. За первые два месяца 1959 года было продано и передано колхозникам

105 голов КРС, 355 свиней, в том числе 196 поросят в двухмесячном возрасте.

Выявление фактов «разбазаривания» общественной собственности возмутило исполком городского Совета. На отдельном заседании специально принятым постановлением члены исполкома потребовали запретить выдачу заработной платы натурой и производить ее только деньгами по закупочным государственным ценам, что для колхозников было крайне невыгодным.

Увеличение поголовья скота снова заставило вспомнить о кукурузе. В потоке постановлений горкома партии и исполкома раз за разом звучали призывы выделять под уникальную кормовую культуру лучшие земли, обучать кукурузоводов передовым агротехническим приемам. В колхозе «40 лет Октября» под кукурузу выделили самые плодородные земли, внесли 34,6 т навоза на 1 га, создали специальное звено во главе с парторгом колхоза Лысенковым, который прошел специальную подготовку, организованную на базе Пермского сельскохозяйственного института. Однако кормового изобилия в колхозе не получилось.

Относительно удачно выращивали кукурузу в Саинской и Уткинской бригадах колхоза «Новый путь». Высота стеблей растения здесь достигала 2-х метров, имелись даже початки. Однако ранний сентябрьский заморозок ополовинил результаты работы кукурузоводов, часть посевов замерзла.

Запоздалая весна и неблагоприятное лето внесли существенные коррективы в планы лысьвенских сельхозпроизводителей. Уже в первой половине лета стало ясно, что не удастся создать надежные запасы кормов для общественного животноводства. Городская инспекция по сельскому хозяйству попыталась активизировать работу колхозов, объявив о подготовке и проведении районной сельхозвыставки. Председатель выставочного комитета Ф. Карамов писал: *«Задача выставки заключается не только в том, чтобы показать достижения передовиков, но и раскрыть, какими путями и способами те или иные успехи обеспечены».*

На низкую обеспеченность кормами указывал городской отдел ЦСУ. В колхозах им. Ленина, «Восход», «Победа» и дру-

гих план по заготовке грубых кормов к осени был выполнен на 50-60%, по сочным кормам – на 15–20%. Хозяйствам района рекомендовалось создавать мобильные бригады и отправлять их на Южный Урал и в Казахстан с целью заготовки соломы.

Крайне скудным оказался урожай овощей и картофеля. По этой причине ЦСУ усилило контроль за качеством сбора овощей, производимого шефствующими организациями города. В ходе проверки выяснилось, что при уборке картофеля на поле площадью 20 га рабочие турбогенераторного завода оставили в земле около 3 ц картофеля, а на другом поле площадью 10 га – по 867 кг на 1 га.

ГК КПСС попытался максимально мобилизовать городское население на уборку урожая и заготовку кормов в колхозах района. Тысячи рабочих и служащих выехали на колхозные поля и луга. Однако руководители хозяйств не сумели организовать дополнительную рабочую силу на качественную и скорую уборку урожая. Спустя рукава к уборке картофеля отнеслись сами колхозники. По словам шефов, колхозники *«обнадеялись на горожан и предпочитают отсиживаться дома»*. В колхозе «Искра» вместо не вышедших на работу животноводов за скотом ухаживали девушки-шефы, а студенты техникума после отработки на полях артели шли пешком 35 километров до железнодорожной станции.

Дожди и рано выпавший снег помешали уборке зерновых культур. Под снег ушло 134 га зерновых и 2 га картофеля. На фоне общих потерь неплохие результаты показал колхоз им. Мичурина (бригады из Латышей, Паинцев, Кутамыша), который в начале уборочной страды находился весьма в сложном положении из-за слабой работы механизаторов и нехватки уборочной техники.

Несмотря на непростые погодные условия и трудности технической реорганизации, первый год семилетки сельское хозяйство района закончило, получив 2 миллиона рублей дохода, что составляло 43% к показателям предыдущего года. С прибылью закончили финансовый год колхозы «40 лет Октября», «Колос», им. Мичурина, «Новый путь». Их неделимые фонды увеличились на 600 тыс. руб. В ходе реорганизации

МТС хозяйства приобрели 35 гусеничных тракторов, 35 комбайнов, 39 автомашин, 3 спецмашины, а колхозы им. Сталина и им. Ленина купили по легковой автомашине. В разных концах района возвели 5 коровников, 2 телятника, 2 птичника, 3 зерносушилки, 2 зерносклада, 2 мастерских, 11 крытых токов. В колхоз «Новый путь» пробросили линию электропередачи, в д. Валюшино заработала собственная электростанция. В колхозах им. Мичурина, «Колос», им. Ленина, им. Сталина отремонтировали 61 и построили 50 новых домов для колхозников. Три артели: «Колос», им. Ленина и им. Сталина – перешли на денежную оплату труда колхозников.

*Доярка Матвеевской
МТФ Е. Е. Шавкунова*

Определенные сдвиги в сторону улучшения благосостояния некоторых колхозов не изменили кардинальным образом экономику сельскохозяйственного производства района. По-прежнему большинство артелей едва – едва сводили концы с концами.

Партийные и советские органы Лысьвы, опираясь на решения декабрьского (1959 г.) пленума ЦК КПСС, начали очередную кампанию по изысканию и мобилизации резервов на увеличение поставок мяса, молока и овощей, снижение затрат на единицу сельхозпродукции, повышение материальной заинтересованности колхозников, имея в качестве конечной цели досрочное выполнение планов семилетки.

На рубеже 1950–1960-х годов несколько усилилось внимание к социальной сфере села. Велась работа по электрификации колхозов «Новый путь», им. Ленина, «Авангард», «Колос», «Заря», «Прогресс». ФАПы построили или отремонтировали в Крутом Логу, Марковцах, Лому, Кумыше, Усть-Серебряной, Мягком Кыну; школы в Воскресенцах, Неке, Мягком Кыну (в таких населенных пунктах, как Крутой Лог, Мохов-

ляны, Паинцы, Аитково при школах открылись интернаты); стал строже спрос с председателей сельских Советов за работу клубов и библиотек. Шире практиковались выездные спектакли городского драматического театра в села. В 1962 году артисты более 100 раз встречались с сельскими зрителями.

Увеличилось количество магазинов в сельских потребительских обществах, хотя ассортимент товаров в них оставался крайне бедным. Частично товарный дефицит в деревнях восполнился за счет объединения городского торгового и магазинов ОРСа металлургического завода, в результате чего были созданы два отдела. Один занимался продажей промышленных товаров, другой – продовольствия. Специализированные магазины изредка выезжали на автолавках в села района.

Сельские избиратели засыпали депутатов горсовета просьбами о ремонте дорог, ведущих в город. Наказов поступало так много, что дорожный отдел горисполкома не мог выполнить и половину из них. Максимум, что мог сделать отдел за один сезон – это выровнять профиль на 40–45 километрах тракта Лысьва – Березовка, проложить 15–20 бетонных водосточных труб, прокапать кюветы на расстоянии 4000–5000 погонных метров и провести подсыпку мартеновским шлаком до 10 км дорог. 200–250 тыс. руб. денег, выделяемых на содержание дорог, хронически не хватало¹.

32-я городская партийная организация, состоявшаяся 23 декабря 1959 года, приняла решение провести новое укрупнение колхозов. Все началось с того, что зимой 1960 года достаточно благополучный Новорождественский колхоз «Колос» объединился с подсобным хозяйством ОРСа металлургического завода «Заимка» и стал его пятым отделением. Перспективный расчет делался на создание в Новорожде-

¹ 1 июля 1965 года на базе дорожного отдела горисполкома организовали долгожданный дорожный производственный участок (ДПУ) № 1862 для обслуживания местных дорог общего пользования. Задача, поставленная перед ДПУ, заключалась в поддержании в рабочем состоянии дорог примерно по 10 направлениям, соединявшим Лысьву с деревнями и селами района. С этой целью районные дороги разделились на 8 дорожных дистанций и 10 ремонтных обходов.

ственские огромного мясо-молочного предприятия. Эта новость привлекла в село крестьяне из соседних деревень Березовского района. Улучшилась ситуация с кадровым обеспечением. Сама собой закрылась проблема с нехваткой доярок, скотников, полеводов.

Аналогичная судьба постигла лязгинский колхоз «40 лет Октября», влившийся в липовское третье отделение подсобного хозяйства ОРСа. Исчез колхоз «Искра».

Одновременно в южной и юго-восточной части района произошло объединение мелких артелей вокруг колхозов «Новый путь», им. Ленина, «Дружба», им. Сталина, «Большевик». Большие МТФ располагались в Матвеево (две), Верхних и Нижних Исадах, Сергино, Сае, Каменке, Березовой Горе, Уткино, Егоровке, Красотах. Значительным мясо-молочным хозяйством стал объединенный колхоз «Дружба». Его МТФ имелись в Моховлянах, Северной, Воскресенцах, Капиданах, Утробино. В одно хозяйство «Большевик» объединились бывшие колхозы из Нового и Старого Бизей, Мягкого Кына.

На востоке района колхоз им. Сталина практически не изменил своих границ. Его МТФ располагались в Кыну, Долгом Лугу, Кошкино и Кумыше.

Таким образом, в пяти колхозах в 1961 году работало более 200 молочно-товарных ферм. В них трудились около 230 доярок (120 доярок на фермах ОРСа – Н.П.), которые обслуживали более 4,5 тыс. коров. Количество телятниц и скотников не известно.

Объединение артелей в крупные хозяйства сопровождалось увеличением численности поголовья скота в колхозах на 10,2%, в подсобном хозяйстве ОРСа – на 31,9%. Продажа мяса увеличилась в 1,5 раза. Годовой план удалось выполнить к 1 августа. Об этом доложил делегатам 33-й городской партконференции, состоявшейся 10 декабря 1960 года, 1-й секретарь ГК КПСС А. Денисов. Подсобное хозяйство ОРСа за этот период продало государству 3850 т молока, 410 т мяса, 353 тыс. яиц. В исчислении до укрупнения хозяйств бывший колхоз «Новый путь» вместо 450 ц продал 1 тыс. ц мяса или в 2,1 раза больше плана; колхоз «Заря» – 270 ц или в 3 раза больше плана; колхоз им. Сталина – 600 ц вместо 300 ц.

Разгрузка минеральных удобрений в колхозе «Заря»

Единомоментный без соответствующей подготовки ры- вок в продаже мяса государству сопровождался огромными организационными и экономическими проблемами. Зимой и весной 1960 года после отела коров в частных хозяйствах колхозы и ОРС закупили у населения более 2500 разнопород- ных телят (1560 телят закупил ОРС). Одна часть закупа шла на ремонт стада, другая – на откорм. Расчет с колхозниками осуществлялся в незначительной степени деньгами, в боль- шей – натуральными продуктами, в том числе мясом.

Резкое увеличение стада молодняка натолкнулось на от- сутствие соответствующих помещений для содержания. Нет данных по количественному падежу телят, тогда как взрослых животных КРС за год погибло 173 головы. По словам предсе- дателя лысьвенского исполкома И. Курзанова, убытки от па- дежа молодняка только по 4-му отделению подсобного хозяй- ства ОРСа составили 60 тыс. руб., по 5-му отделению – 67 тыс. руб. Велика была себестоимость производимого мяса. Особенно это относилось к подсобному хозяйству, несмотря на бесплатный труд горожан в весенне-осенний период и раз- вернутую шефскую помощь.

Введение крупно-группового содержания свиней тоже сопровождалось значительным отходом животных. За год погибло 483 свиньи.

В очередной раз возникли противоречия между общественным животноводством и частными владельцами скота. Умножая поголовье скота, руководители колхозов и подсобного хозяйства не подумали об увеличении заготовки кормов и наличия площадей для летнего выпаса животных. Например, руководство 1-го отделения жаловалось на нехватку пастбищ и, ссылаясь на то, что выгоны Кузьминского животноводческого товарищества находились в центре Больше-Лысьвенских угодий, просило горисполком передать кузьминские земли отделению, а частниками выделить свободные земли в районе речки Травянка. Такие же претензии имелись у руководства Новой фермы к покосам Зареченского товарищества, находящимся рядом с МТФ.

В январе 1961 года состоялся Пленум ЦК КПСС, а в октябре этого же года – 22-й съезд КПСС. Съезд принял курс на развернутое построение коммунизма в СССР в предельно сжатые сроки. Значительное место в документах пленума и съезда отводилось сельскому хозяйству.

По примеру промышленных предприятий города в послесъездовский период в сельхозартелях развернулось движение бригад коммунистического труда. Инициаторами движения в Лысьвенском районе выступили 15 доярок Новой фермы Липовского отделения. Они первыми включились в борьбу за право называться бригадой коммунистического труда. Женщины обязались: *1. Строго соблюдать трудовую и производственную дисциплину. 2. Повышать политический уровень и заниматься в школе начальных экономических знаний. 3. Активно участвовать в общественной жизни. 4. Участвовать в кружках художественной самодеятельности. 5. Помогать друг другу жить и работать по-коммунистически*». Судьба этой инициативы, как и многих ей подобных, не известна.

20–21 декабря 1961 года прошло расширенное совещание работников сельского хозяйства Урала, посвященное обсуждению итогов 22-го съезда. От Лысьвы на совещание в

Свердловск ездил председатель кыновского колхоза «Мир»¹ Х. Бабушкин.

Совещание сделало попытку подвести некоторые итоги выполнения производственных заданий, осмыслить результаты движения коммунистических бригад, наметить планы на будущее. С аналогичной повесткой дня прошла 6-я сессия Лысьвенского горсовета. Выступая перед депутатами, председатель городской плановой комиссии Н. Шестаков заявил, что после успешного 1960 года в текущем отчетном году не выполнен план по молоку и мясу, снизились посевные площади, не выполнен план по производству картофеля и кормовых культур, в хозяйствах велик падеж скота, много яловых коров. Докладчик не проанализировал причины неуспеха, которые, по всей вероятности, крылись в плохо продуманной реорганизации по укрупнению колхозов. Шестаков не коснулся таких проблем, как отсутствие сельской телефонной связи, плохое состояние дорог, удаленность сельхозотделений от центральной усадьбы на десятки километров, невозможность оперативного вмешательства для принятия управленческих решений в текущие проблемы и т.д. Виновниками недоработок, как всегда, оказались колхозники. Председатель плановой комиссии сделал упор на том, что колхозы им. Ленина и «Мир» грубо нарушили агротехнику при возделывании кукурузы, в колхозе им. Ленина по плану предполагалось снять с откорма 990 свиней, а продали всего 122. Из полученного приплода 982 голов пало 305, «разбазарено» (вероятно, продано колхозникам – Н.П.) 393 головы.

Чтобы показать, что в сельском хозяйстве района не все так плохо, партийная пропаганда тиражировала успехи отдельных производителей сельхозпродукции. Среди них были МТФ из Верхних Исад, получавшие на одну фуражную корову 1724 кг молока, Большого Бизя (1454 кг), Долгого Луга (1171 кг). Самые большие достижения имели доярки дубровской МТФ, получившие в среднем 2137 кг на одну фуражную корову. В списках передовиков производства часто упоминались фамилии доярки К. Собачкиной, птицеведа С. Стецюры, свиноводки Т. Долгинцевой.

¹ Бывший колхоз им. Сталина.

Как часто случалось в практике колхозного строительства, «ускоренные темпы» развития сельского хозяйства обернулись истощением товарной базы, резким снижением доходов, что незамедлительно отразилось на опустевших полках городских магазинов.

Решение КПСС в сжатые сроки увеличить производство мяса обернулось массовым забоем скота. Уже скоро мясо-молочная продукция оказалась в острейшем дефиците. Призыв расширять посевы кукурузы привел к сокращению пахотных угодий и дефициту зерна. Лозунг «Догнать и перегнать Америку» обернулся требованием отказаться от травопольной системы земледелия, сокращать посевы многолетних трав и овса, приступить к выращиванию гороха, бобов, сахарной свеклы, сои, картофеля и других овощей. Следствием сокращения посевных площадей стало уменьшение сбора зерна. Появился дефицит хлеба

В хлебных магазинах Лысьвы с вечера выстраивались длинные очереди. Хлеб выдавали по 2 буханки на руки, поэтому в очередь вставали все члены семьи. Покупка 6–8 буханок хлеба была вызвана тем, что хлеб шел не только на еду, но и на корм скоту, что категорически запрещалось делать. Скармливание хлеба животным имело свою логику. Подавляющее большинство жителей города имели личный скот, при этом купить корма было невозможно. По этой причине главным расходным кормом стал хлеб. В условиях дефицита хлеба специальные люди ходили по скотным дворам горожан и проверяли содержимое свиних корыт, ведер для поения коров, куриные кормушки.

С 1962 года при горисполкоме работала административная комиссия, занимавшаяся рассмотрением дел граждан, замеченных в кормлении личного скота хлебом. В прессе таких

*Свинарь колхоза
«Мир»
К. М. Петунин*

людей называли «истребителями хлеба». Будучи уличенными в первый раз, на «истребителей хлеба» налагалось устное предупреждение, но повторный вызов на комиссию заканчивался для них достаточно большим 50-рублевым штрафом.

Для срочного решения проблемы с хлебом была принята попытка увеличить урожайность зерновых за счет массовой вывозки на поля минеральных и органических удобрений. Нужного количества минералки имелось мало. Восполнить ее недостаток могла только органика. С этой целью горком партии и исполком объявили в феврале 1962 года ударный общерайонный месячник по вывозке навоза на поля. На собраниях и в прессе комсомольские и партийные пропагандисты объясняли, что на каждую тонну органики, внесенной в почву, урожайность зерновых повысится на 100 ц. Все сельское население привлекли к вывозке из ферм и скотных дворов четырех тысяч тонн органики. Колхозу «Мир», где по какой-то причине навоза на фермах не оказалось, предложили вывозить навоз из дворов колхозников¹. Горисполком обязал руководителей Асовского, Лысьвенского, Краснодарского и Кыновского леспромхозов выделить в помощь колхозам бульдозеры для прокладки дорог на заснеженные поля и трактора для вывозки навоза. Но у руководителей ЛПХ были свои заботы – в советское время вывозка древесины происходила в основном в зимний период. Помощь колхозам осуществлялась с большим нежеланием. По этому поводу директора Кыновского и Краснодарского ЛПХ вынуждены были объясняться на бюро ГК КПСС.

Лучше с доставкой удобрений на поля дела обстояли в лысьвенском совхозе. Своими силами работники этого предприятия вывезли на поля 3 тыс. т органики и 1 тыс. т минералки.

В начале 1960-х годов партийные и советские руководители предприняли очередную попытку решить текущие проблемы села за счет переезда молодежи на постоянное место жительства в село. Как и ранее, этой работой занимался ГК

¹ В официальных кругах города ходили слухи, что излишки навоза из своих дворов кыновские колхозники выбрасывают в р. Чусовую – Н.П.

ВЛКСМ. Инструктор горкома А. Бутин докладывал, что в 1962 году в горком комсомола с заявлениями о переезде обратились 248 человек, в том числе люди зрелого возраста, но предпочтение было отдано 169 комсомольцам и несоюзной молодежи. Многие ехали семьями. Основная масса новоселов отдавала предпочтение колхозам Березовского района.

Годы новых надежд

Рывок по быстрому увеличению производства мяса не дал желаемых результатов. Мартовский (1962 г.) Пленум ЦК КПСС «Современный этап коммунистического строительства и задачи партии по улучшению руководства сельским хозяйством» в очередной раз потребовал *«добиться мощного подъема сельского хозяйства»*. Гарантия успеха виделась в структурных изменениях управления сельским хозяйством страны, качественном подборе руководящих кадров, научной организацией труда, эффективном использовании техники, подготовке специалистов и т.п. Базовая задача по производству мяса со 100 га оставалась прежней, только на этот раз она разделилась на три этапа. На 1-м этапе колхозы обязывались получать со 100 га 75 ц, на 2-м – 100 ц, на 3-м – 150 ц мяса. Что касалось кукурузы, то с 1 га колхозы должны были собирать по 300–500 ц зеленой массы.

В качестве отклика на решения пленума главный агроном совхоза М. Лутовинов от имени рабочих 1-го отделения призвал работников сельского хозяйства района включиться в соревнование за звание коллективов коммунистического труда. Однако по разным причинам сельские коммунисты, которых по району насчитывалось около 70 человек, не сумели организовать соревнование на местах. Секретарь ГК КПСС А. Денисов сокрушался по этому поводу: только на заседаниях бюро горкома вопросы партийно-хозяйственной работы колхозов рассматривались 25 раз, тогда как темы промышленного производства города обсуждались 22 раза.

Стремление внести качественное и количественное изменение в сельское хозяйство отражено в целом ряде партий-

ных документов 1962 года. Центральной темой постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О перестройке управления сельским хозяйством» (март, 1962 г.) было создание территориально-производственных колхозно-совхозных или совхозно-колхозных управлений. Укрупнение колхозов и совхозов, таким образом, вступало в новую стадию. Сейчас предлагалось сводить в одно объединение ранее укрупненные колхозы. Идею создания укрупненных сельскохозяйственных районов конкретизировал ноябрьский (1962 г.) пленум ЦК КПСС «Развитие экономики СССР и партийное руководство сельским хозяйством».

Поскольку предполагаемые преобразования требовали денег, ЦК КПСС и Совет министров СССР обратились к советскому народу с призывом отнестись с пониманием к внесению *«поправок в закупочные и розничные цены на мясо и тем самым создать более благоприятные условия для увеличения производства животноводческих продуктов»*. С 1 июня 1962 года розничные цены на мясо повысились в среднем на 30%.

В принятии решения «о поправках» имелся свой резон, поскольку из популистских соображений партии в свое время сложился дисбаланс между закупочными ценами и себестоимостью выпускаемой продукции. В Лысьвенском районе затраты колхозов на производство 1 ц мяса крупного рогатого скота превышали закупочные цены на 5 руб. 20 коп., 1 ц свинины – на 27 руб. 70 коп.

Значительно превышала закупочные цены реальная стоимость молока в колхозах «Мир» и «Дружба».

Во второй половине 1962 года в лысьвенских магазинах в продаже появилось мясо и мясные изделия, но не в том количестве, в каком мясокомбинат мог бы обеспечивать жителей города. Средняя стоимость колбасных изделий составляла 4 руб. за 1 кг. Дело в том, что магазины оказались не готовы к продаже увеличивающихся объемов мясной продукции по причине организационных неувязок, отсутствия холодильников, рубщиков мяса и т.п. Не последнюю роль в замедленной продаже мяса сыграли повышенные розничные цены на мясопродукты.

Сенокосная бригада колхоза им. Ленина 1950е г.

Не будучи в состоянии сбыть мясо в торговые организации, мясокомбинат вынужден был содержать в своем подсобном хозяйстве на откорме сотни голов КРС и свиней. Нехватка кормов приводила к ухудшению упитанности скота, но отпускная цена от этого не снижалась. Чем дольше скот находился на передержке, тем выше становилась цена мяса, тем неохотнее его принимали в торговых организациях¹.

В течение 1962 и последующего 1963 года сохранялась напряженность с обеспечением населения хлебом и хлебобулочными продуктами. Группы партийного контроля выявляли «коровников» – владельцев домашнего скота и птицы, скармливающих хлеб скоту, устанавливали факты перерасхода муки в пекарнях ОРСов, бесхозное расходование хлеба торгующими организациями. Виновных вызывали на комиссию исполкома и штрафовали или передавали дела в прокуратуру.

¹ Сохранилась история о привозе в Лысьву вагона копченой колбасы, которую торговцы отказались принимать по указанной выше причине и отсутствия холодильных камер. В течение многодневной переписки с вышестоящими органами неприспособленный вагон стоял на железнодорожном вокзале. Спустя некоторое время вагон перенаправили в Кунгур, но его содержимое к этому времени испортилось.

То, что в стране не хватало хлеба и зерно покупали за границей, вынужден был признать Н. Хрущев на декабрьском (1963 г.) пленуме ЦК КПСС.

Лысьвенские партийные и советские руководители с удовлетворением встретили организацию территориальных сельхозуправлений. На 33-й городской партконференции секретарь ГК КПСС А. Денисов пояснил: *«В основу перестройки партийных органов положен производственный принцип. Это означает, что отныне партийные комитеты смогут сосредоточить всю свою работу – организационную, идеологическую, культурно-воспитательную – на решении основной задачи»* в промышленности и сельском хозяйстве. Заменявший 1-го секретаря А. Денисова С. Мокроносов солидаризировался с такой позицией. Он доказывал, что 3,5 тыс. городских коммунистов могут преумножить 125 миллионов рублей, зарабатываемых на производстве в течение года, не входя в колхозные дела, которые за год приносили всего 1 миллион руб. дохода. На некоторое время из взаимоотношений города и села исчезли мелочная каждодневная опека и контроль. Осталось шефство.

В декабре 1962 года пленум Пермского обкома КПСС утвердил новую организационно-управленческую структуру в виде 11 (несколько раньше их было 7) территориальных производственных колхозно-совхозных управлений. В одном из них, Пермском территориальном управлении, сконцентрировалось 38 колхозов из Верхне-Муллинского, Добрянского, Чусовского и Лысьвенского района с пригородом.

Следствием территориально-производственного объединения сельхозартелей и совхозов явилось значительное изменение конфигурации территории Лысьвенского района. К 1962 году от 12 сельских советов в составе Лысьвенского горсовета остались Заимский, Кормовищенский, Кумышанский, Липовский, Новорождественский и Кыновской поселенческий сельсоветы. Из нескольких десятков сельхозпредприятий в юрисдикции Лысьвенского горисполкома остался совхоз металлургического завода с вошедшим в него ранее в качестве 5-го отделения бывшего Новорождественского колхоза «Колос». В Кунгурский район полностью отошли Саинский и Матвеевский

сельсоветы, в Пермский район – Кыновской и Крутоложский сельсоветы. Ускорился процесс «укрупнения» сельских населенных пунктов. «Неперспективные» деревни и хутора, количество которых и без того сокращалось по ряду объективных причин, стали принудительно закрываться, а население переезжать в центральные усадьбы колхозов и совхозов.

Абсурдность создания территориально-производственных управлений, под руководством которых оказались громадные территории с еще более громадными социально-экономическими проблемами, стала понятна очень скоро. Председатель плановой комиссии Лысьвенского горисполкома Н. Шестаков писал: *«Колхозы пригородной зоны имеют слишком малый удельный вес и, как говорят, «погоды не делают». По поголовью крупного рогатого скота, производству мяса и молока их удельный вес составляет 4,2–4,6%. К тому же колхозы находятся от управления на расстоянии почти 200 километров, чтобы специалисту приехать из Перми надо только на дорогу в один конец больше суток... При этом надо учитывать, что после создания территориального управления в горисполкоме не осталось ни одного специалиста сельского хозяйства. Теперь руководители колхоза с каждым вопросом вынуждены обращаться или к секретарю горкома партии, или председателю горисполкома. Ликвидация ремонтно-технической станции ухудшила положение с ремонтом техники. За самой маленькой запчастью надо ехать в Чусовой, Кунгур или Пермь»¹.*

Управленческая разбалансированность деятельностью колхозов потребовала изыскивать или усиливать эффективные рычаги по изменению общего положения дел в сельском хозяйстве. Город, как мог, помогал селянам. Усилился спрос с руководителей и партийных организаций городских предприятий и организаций за оказание шефской помощи колхозам и совхозам, которая, в сущности, превратила колхозы в проблемные довески к цехам и заводам. Новое административно-территориальное деление расширило перечень шефских за-

¹ Шестаков Н. «Межрайонные» пасынки // Искра. 1962. 16 нояб.

дач, поставленных перед лысьвенцами. Березовский район стал самой крупной «подшефной» сельской территорией.

Шефская помощь 35 городских предприятий находилась под жестким контролем горкома партии. Первейшая обязанность горожан заключалась в формировании передвижных бригад в составе токарей и слесарей для выезда в деревни с целью ремонта сельхозтехники. Часть сельхозмашин привозилась для ремонта в заводы. Металлурги наладили производство тракторных втулок. Горком комсомола организовывал комсомольско-молодежные бригады для участия в обмолоте и подработке зерна, строительстве скотных дворов и ферм.

На период уборочной страды под контролем горкома партии формировались отряды горожан, которые торжественно, под гром духового оркестра отправлялись в колхозы с железнодорожного вокзала или площади Революции. На уборку урожая в августе 1962 года в Березовский район выехало 145 чел, в Лысьвенский район – 20 чел.

Продолжалась агитационно-пропагандистская кампания по переезду молодежи в село. Этой работой совместно с редакцией городской газеты «Искра» продолжал заниматься ГК ВЛКСМ.

То, что видели шефы в некоторых колхозах, повергало посланцев города в шок. Внештатный секретарь ГК ВЛКСМ Е. Оборин рассказывал о Бизевском колхозе «Большевик»: *«Только на третий день после прибытия ударная бригада смогла приступить к обмолоту, да и то не сразу. Сначала рабочим пришлось отремонтировать комбайн: меняли порванный ремень, отогревали все узлы, отгребали снег, т.к. машина стояла под открытым небом с прошлой осени... но оказалось, что это были еще цветочки. Большинство машин колхоза зимовали в лугах и полях, например, посередине деревни Новый Бизь на обочине дороги возвышался самоходный комбайн... по дороге из Большого Бизя в Новый Бизь стоит как памятник тракторный плуг».* Удивило комсомольцев вечно полупьяное состояние руководителя колхоза и бригадира, полностью отстранившихся от дел. За три месяца до посевной в «Большевике» из 545 ц овса не было готово ни одно центнера. В матвеевском колхозе им. Ленина

из 3761 ц на соответствие кондиции и степени засоренности проверено всего 200 ц. Токарь станкостроительного цеха А. Козяев возмущался по поводу увиденного: *«Я вот уже третий рюкзак инструмента из своего цеха привожу, а его все не хватает... люди в мастерской не приучены к бережливости. Возьмут ключ, поработают, да там же и оставят».*

29 декабря 1961 года Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об уголовной ответственности за преступно-небрежное использование или хранение сельскохозяйственной техники». Нерадивым владельцам техники грозило тюремное заключение на 1 год или исправительные работы на этот же срок.

Указ был крайне своевременен. Например, в совхозе в 1962 году имелось большое количество дорогостоящей техники, в том числе: 66 тракторов, 35 комбайнов, 1 экскаватор, 47 автомобилей, не считая других механизмов. Вся эта техника требовала внимательного ухода и качественного ремонта.

Не только техника нуждалась в заинтересованном хозяйском подходе. Из-за халатного отношения руководства в колхозе «Большевик» под снег ушло 50 га зерновых, в то же время в период уборочной кампании 50 заводских рабочих, прибывших в деревню по разнарядке горкома партии и горисполкома, простаивали без дела. В колхозах «Дружба» и им. Ленина к концу ноября 1962 года сено заготовили только наполовину от плана.

Время хрущевских реформ в сельском хозяйстве в пропагандистских кругах называли годами сельскохозяйственных надежд. Раскручивался маховик материально-технической помощи колхозам. В промышленных предприятиях молодые

*Молодые колхозники.
Д. Парканы*

инженеры и техники создавали общественные конструкторские бюро (ОКБ), занимавшиеся проектированием зданий и сооружений для села, модернизацией механизмов и оборудования. Только на металлургическом заводе в работе в ОКБ участвовали 417 человек. В матвеевском колхозе им. Ленина мартеновские общественники модернизировали привод электромотора для транспортировки зерна. Взамен ременной передачи смонтировали комплексный электропривод с редукторами; активисты из ЦМИ-1 ЛМЗ разработали проект механизации тока, механической подачи кормов и уборки навоза на кыновской МТФ колхоза «Мир». Цех станкостроения металлургического завода изготовил для колхозов области 500 кор-модрилок.

Под руководством ГК КПСС шефы приступили к строительству 16 МТФ, 3 овощехранилищ, 2 механических мастерских, механизации 23 ферм и 6 зернотоков. Активно обсуждался вопрос об использовании сборного железобетона взамен круглого леса при строительстве ферм. В качестве отрицательного опыта приводился пример двухлетнего строительства деревянного коровника в Кошкино, обошедшегося в 20 тыс. руб., тогда как с использованием железобетонных материалов он мог бы обойтись в 2 раза дешевле. Решения о сельском строительстве принимались поспешно, без учета ближайшей перспективы не только по эксплуатации помещения фермы, но и будущего самой деревни. Например, в д. Талая построили коровник на 150 голов, а через 5 лет деревня попала в разряд «неперспективных». Люди и скот были переведены на центральную усадьбу.

Напряженная работа горожан по оказанию помощи не всегда встречала должное понимание со стороны колхозников. Ю. Крыгин жаловался: *«Рабочим вставляют палки в колеса. Придем на разнарядку к 8 часам, а бригадир дает указания в 10 или 11 часов. И так ежедневно»*. По примеру руководителей вели себя и колхозники. В Сергинской бригаде матвеевского колхоза им. Ленина в период активной заготовки кормов около 10 колхозников регулярно не выходили на работу. Городские механизаторы, работавшие на уборке зерновых в колхозе «Дружба», сокрушались: *«Даже брезента нет,*

чтобы вывалить из бункера намолоченное зерно». К сожалению, так было повсеместно.

Все усилия государства, направленные на коренное изменение положения дел в колхозах ощутимого результата не давали. Труд, как был, так и оставался по преимуществу ручным. Особенно тяжким оставался труд доярок и скотников. От приготовления кормов и кормления животных до вывозки навоза – все приходилось делать вручную. За свой труд сельяне получали летом от 100 до 120 руб., а в остальное время до 60 руб. в месяц. Рука об руку шли низкая производительность труда и высокая себестоимость продукции. Выше плановой была себестоимость молока. В колхозе «Мир» за 10 месяцев 1962 года вместо 4040,6 ц удалось получить всего 3598 ц молока. Специалисты отмечали, что за счет разведения гороха, вики, подсолнечника несколько увеличилось количество и качество силоса, но неподъемной обузой являлись затраты на выращивание кукурузы.

Долгое время в хозяйствах района проходило обсуждение вопроса о пользе «привязного» или «беспривязного» содержания коров. Когда на Паинцевской МТФ смонтировали долгожданный молокодоильный комплекс «елочка», коровы, привыкшие к своему месту, отказывались отдавать молоко при дойке. Одна из паинцевских доярок в сердцах заявила: *«Лучше я вручную выдою 3 коровы, чем 1 на «елочке»»*. Разумная эксплуатация «елочки» могла бы организовать уход за 200 коровами силами не одиннадцати, а пяти-шести доярок, но так было не всегда и не везде.

Причина отказа доярок от механизированной дойки заключалась еще и в том, что ни одно хозяйство не имело передвижных доильных агрегатов на летних пастбищах, где коров приходилось доить вручную. В период стойлового содержания животные отказывались привыкать к механизированной дойке, в результате чего существенно сокращались надои молока.

Притчей во языцех для горожан была ежегодная ручная копка картофеля на колхозно-совхозных полях, когда в сельских гаражах стояли неисправные или неотремонтрованные картофелекопалки. Как говорили жители города: *«На картошку гоняют от мала до велика»*.

Парад сельскохозяйственной техники. Колхоз «Мир»

Власть понимала, что сельское хозяйство отстало в своем развитии от современных требований. Изменить ситуацию могло не только оснащение хозяйств техникой, но и достаточное количество профессионально подготовленных специалистов. В 1950–1960-х годы немало молодежи поступало в сельскохозяйственные техникумы и институты, но получив образование, юноши и девушки категорически не желали возвращаться в деревню. По данным за 1962 год, только на лысьвенских заводах работало 30 специалистов с дипломами сельскохозяйственных вузов и техникумов. Эта традиция годами складывалась не только в Лысьве. Бюро Пермского ОК КПСС критиковало руководителей промышленных предприятий *«за предоставление убежищ лицам, закончившим высшие и средние сельскохозяйственные учебные заведения, но не желающим ехать в сельскую местность на работу по специальностям»*. Положение дел не менялось даже после примерного наказания некоторых промышленных руководителей.

Для профессиональной организации работы на полях и фермах не хватало не только дипломированных специалистов, но даже механизаторов для работы на имеющейся технике. Снова и снова председателям колхозов приходилось обра-

щаться за помощью в город, откуда на посевную и уборочную кампании приезжали трактористы, комбайнеры, шоферы.

В очередной раз выход из кадрового голода указало постановление ЦК КПСС «Об организации всеобщего обучения колхозников, рабочих и служащих механизаторским специальностям» (1962 г.). В совхозе и колхозах срочно организовывались механизаторские курсы. В роли наставников курсантов выступали заведующие механическими мастерскими, механики, бригадиры, но все они не имели соответственной подготовки к преподавательской деятельности. Преподаватели не располагали соответствующими методиками, учебниками, наглядными пособиями, учебными классами. Из всех имеющихся на территории района сельхозартелей только в лысьвенском совхозе удалось привлечь к обучению механизаторским профессиям 60 рабочих и 20 колхозников в колхозе им. Ленина. В колхозах «Мир», «Большевик», «Дружба» к организации курсов даже не приступали. Целевая задача партийного пленума – все сельхозработы выполнять силами колхозников – осталась невыполненной.

Ситуация с обеспечением населения продовольствием оставалась крайне напряженной. Предполагаемого рывка в производстве мясо-молочной продукции не произошло. «Королева полей» кукуруза незаметно исчезла с полей. О ней перестала писать пресса, не говорили на партийных мероприятиях. За год-два «известные кукурузоводы» превратились в рядовых механизаторов. Сокращались посевы сахарной свеклы. Убытки приносили потравы посевов общественным скотом. На фоне безудержного администрирования увеличились приписки.

Ведущее сельскохозяйственное предприятие района – лысьвенский совхоз – работал с убытками. Партийно-хозяйственный актив, состоявшийся в марте 1963 года, отметил, что за прошедший хозяйственный год они составили 326 тыс. руб. Производство все более становилось нерентабельным, например, в 1962 г. цена 1 ц зерна в 5 отделении состояла 5 руб., в 1963 г. – 8 руб.; в 4-м отделении в 1961 г. 1 ц стоил 6 руб. 11 коп., в 1963 г. – 12 руб. и т.д.

Пути повышения доходности сельскохозяйственного производства указал февральский (1963 г.) пленум ЦК КПСС «Об интенсификации сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения науки и передового опыта для быстрейшего увеличения сельскохозяйственной продукции». Очередные «исторические решения» партии обещали революционный переворот сельского хозяйства за счет широкой химизации земледелия и животноводства.

Партийные и комсомольские органы Лысьвы развернули пропаганду и приступили к организации движения за коммунистический труд и быт среди сельского населения. На собраниях принимались обязательства *«резко усилить показатели в продаже населению всех видов продукции, особенно молока, овощей и картофеля»*. В планах на 1964 год рабочие совхоза обязались засеять зерновыми 3475 га, картофелем 700 га, кормовыми культурами 1615 га, вывезти на поля 3500 т торфа, 2350 т. извести, провести посев зерновых за 60 часов, посадку картофеля за 80 часов.

Партийно-хозяйственный актив совхоза призвал рабочих включиться в борьбу за присвоение хозяйству звания предприятия коммунистического труда. В обращении к работникам поддержать выдвинутую инициативу коммунисты и руководители перечислили ряд стандартных мероприятий, имеющих, с их точки зрения, решающее значение в достижении цели: повышение плодородия почвы, механизация производства, снижение себестоимости продукции, качественная уборка урожая и т.д.

Руководители хозяйств делали ставку на интенсификацию производства отнюдь не за счет собственных сил. Расширение посевных площадей требовало дополнительных ресурсов рабочих, техники, удобрений, однако в достаточном количестве ни тем, ни другим совхоз и колхозы не располагали.

Как следствие, привлечение жителей города к уборке урожая приобретало авральный характер. Школьники проходили от школ пешком по 5-6 км до картофельных полей. Тысячи рабочих выходили на копку картофеля. 6 сентября 1964 года газета «Искра» писала: *«Смена Б. Я. Митюнина начала убирать картофель с семенного участка. Мастер каждому*

определил норму: убрать картофель с площади в 0, 02 га. Работа закипела! Убранный картофель лудильщики отправляли для засыпки в овощехранилище. А завтра лудильщики начинают массовый выход на уборку картофеля».

Октябрьский (1964 г.) пленум ЦК КПСС освободил Н. Хрущева от всех государственных должностей. 5-я сессия ВС СССР шестого созыва, состоявшаяся на следующий день после пленума ЦК, пересмотрела ряд организационно-управленческих принципов об увеличении материальной заинтересованности колхозников по результатам труда, предоставлении сельхозартелям самостоятельности в принятии решений, сокращении организационных перестроек и администрирования, повышении закупочных цен на молоко. Вскоре после этого события появилось важное для сельских жителей решение бюро ЦК КПСС по РСФСР об изменении Устава сельхозартеля. Отныне восстанавливались отмененные прежде нормы содержания скота и размеры приусадебных участков, находящихся в личном пользовании колхозников. Снимались ограничения в содержании скота для городских жителей.

Для популяризации решений октябрьского пленума ЦК Пермский ОК КПСС и облизполком объявили социалистическое соревнование среди колхозов области по увеличению производства сельскохозяйственной продукции. Районы – победители могли рассчитывать на получение переходящего Красного знамени и 500 руб. премии. Через пару месяцев обком увеличил размер премии до 1 тыс. руб.

На основании Указа ВС РСФСР от 12 января 1965 года Лысьвенский район восстановился вновь, но с существенными изменениями: Матвеевский и Саинский сельсоветы остались в подчинении вновь воссозданного Березовского района, а с ними крупные колхозы «Новый путь» и им. Ленина. В Лысьвенский район вернулись Кыновской, Крутоложский и Ломовской сельсоветы. Правление Ломовского сельсовета перевели в поселок Рассоленко и изменили название на Рассоленковский сельсовет. Сельские Советы поступили в подчинение городскому Совету.

Таким образом, в зону ответственности Лысьвенского горисполкома вернулись совхоз и небогатые колхозы «Мир» и

«Новина», доведенные хрущевскими реформами до бедственного положения. Если «Мир» еще мог называться «крепким», то «Новина», пришедшая в годы войны в упадок, так и не смогла восстановиться. В 1964 году этот колхоз собрал с 1 га 3,8 ц зерновых, заготовил 0,5 т силоса на одну корову, имел до предела истощенные почвы. За 1963–1964 годы колхоз не смог вывезти от ферм несколько тысяч тонн навоза. Средние надои на одну фуражную корову составляли около 4 кг молока¹.

Вопросы участия коммунистов всех рангов и уровней в практическом решении проблем сельского хозяйства страны рассмотрел мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС. Выступивший с докладом Л. Брежнев заявил, что *«колхозам и совхозам давались сверху без учета местных условий многочисленные шаблонные указания по агротехнике, содержанию и кормлению скота, по структуре посевных площадей и другим вопросам»*. В постановлении пленума было отмечено *«решительно отказаться от практики администрирования, командования, подмены руководителей и специалистов колхозов и совхозов»*. Подобные призывы колхозники слышали неоднократно и раньше. Что важным было для них, так это повышение цен государственных закупок на сельхозпродукцию.

Немедленные отклики на решения пленума пошли из сельских партийных организаций. Секретарь парткома совхоза металлургического завода Ф. Каримов докладывал: *«Партком взял под партийное влияние каждый участок производства. У нас во всех отделениях (за исключением 1-го) во главе механизаторов поставлены коммунисты»*.

На заседании городского партийного актива, состоявшегося 16 апреля 1965 года, секретарь С. Мокроносов привычно рекомендовал колхозам шире заниматься механизацией, обмениваться семенным зерном, активнее готовиться к севу и т.п. Тональность выступлений секретаря горкома изменилась спустя несколько месяцев. 28 августа на пленуме ГК КПСС он

¹ К сожалению, не удалось обнаружить официальные документы о «сдаче-приемке» вернувшихся колхозов под юрисдикцию Лысьвенского горисполкома и их экономическом положении.

призывал партийные организации города усилить шефскую помощь колхозам, активизировать работу сельских Советов в работе с колхозниками, в том числе улучшать социальную сферу села.

Не без влияния коммунистов колхозники сельхозартели «Новина» приняли решение в 1965 году получить по 8 ц ржи и овса, 6 ц пшеницы с 1 га, т.е. увеличить урожайность вдвое по сравнению с предыдущим годом при неизменно скудной кормовой базе и засадить всего 35 га картофелем и 5 га турнепсом. В колхозе «Мир» обязались продать 480 т молока (в 1964 г. план не выполнили на 76 т), 93 т мяса (план предыдущего года по мясу не был выполнен, а урожайность зерновых составила чуть больше 3 ц с 1 га), 150 тыс. штук яиц, 110 т картофеля. Снова и снова обещания о значительном увеличении производства сельхозпродукции не налагались на реальные возможности хозяйств по их выполнению.

И все же некоторая надежда на изменения появилась в связи с двойным повышением закупочных цен на продовольственные культуры с 1 мая 1965 года. Постепенно в хозяйствах увеличивался машино-тракторный парк. Более доступными стали химические удобрения. Пожалуй, самой главной фишкой времени стало решение по коренному улучшению земель за счет государственного бюджета.

Изменения коснулись подсобных хозяйств промышленных предприятий. Так, подсобное хозяйство металлургического завода передали в подчинение совхозу «Лысьвенский». Технику из автотранспортного цеха передали городскому автотранспортному предприятию (АТП). ОРС, с 1960 года являвшийся подразделением городского смешанного торгового предприятия, перестал существовать.

Одновременно усилились требования по оказанию шефской помощи сельскому хозяйству. Металлурги провели в д. Крутой Лог электричество в дома колхозников и на фермы, смонтировали водопровод на МТФ, в Воскресенцах установили автопоилки в свинарнике и телятнике, в Моховлянах построили омшаник на 150 ульев, навес площадью 400 кв. м для техники, скотный двор, 3 двухквартирных дома.

*Колхоз «Мир». Сенокос.
В нижнем ряду (в кубанке) председатель колхоза А. Нечаев*

Большие работы лысьвенцы проводили в подшефных колхозах Березовского района.

Горком КПСС требовал от первичных организаций промышленных предприятий контролировать укрепление материально-технической базы подшефных колхозов, заниматься партийно-политическим воспитанием жителей села, налаживать культурно-просветительскую работу. В течение всей посевной и уборочной кампании в село выезжали городские коллективы художественной самодеятельности, хоры ветеранов труда, агитбригады. Концертные выступления состоялись по вечерам в сельских клубах, а днем – прямо в поле во время обеденного перерыва механизаторов. Как правило, такие встречи пользовались большим спросом селян.

Активизировалась работа потребкооперации. Лысьвенское райпо приступило к закупке на комиссионных началах зерна, меда, яиц, овощей у колхозников для реализации на городском колхозном рынке. В Аитково, Ново-Рождественске, Кормовище открылись райповские магазины, организовывалась выездная торговля в д. Олени, д. Соя и другие сельские населенные пункты.

Для переработки мясного сырья в 1965 году в Лысьве построен современный мясокомбинат общей стоимостью

600 тыс. руб. Обновились производственные мощности гор-молзавода.

Важные изменения произошли в социальной сфере жителей села. С 1 июня 1965 года колхозники приобрели право на получение пенсии: для мужчин, достигших 65-летнего возраста и имевших стаж работы не менее 25 лет, и для женщин с 60 лет при выработанном стаже не менее 20 лет. Для многодетных колхозниц возрастной ценз при выходе на пенсию был снижен. С мая 1966 года оплата труда по трудодням была заменена фиксированной денежной заработной платой.

Одновременно Правительство приняло важное решение, предоставившее госбанку СССР право выдавать колхозам кредиты на заработную плату, покупку улучшенных пород крупного рогатого скота, элитных сортов зерна и овощей, на строительство жилья для колхозников, детских садов, объектов культурно-бытового назначения и т.д. Ссуду могли получать колхозники на покупку коров в размере 300 руб. и телят в размере 150 руб. сроком на 5 лет под 2% годовых. Ссуды за коров можно было выплачивать со второго года покупки животного, за телок – с третьего.

К бытовым проблемам жителей села неоднократно обращался городской Совет. 8-я сессия горсовета (апрель, 1966 г.), проанализировав работу сельмагов, выяснила, что в деревнях не хватает предметов первой необходимости: соли, керосина, стекол для керосиновых ламп, мыла и т.п. Питьевую воду брали из естественных источников в селе Кын, Невидимке, Верх-Лысьве, Кормовище и др. На все сельские населенные пункты действовали 6 парикмахерских, 3 обувные мастерские, 1 фотоателье. Плохо обстояли дела с больницами (их было всего 4), жильем для учителей, обеспечению школ дровами.

Ситуация со строительством школ и ФАПов в лучшую сторону стала меняться со второй половины 1960-х годов, когда в крупных населенных пунктах появились большие средние школы (иногда в каменном исполнении) современные медпункты, клубы, красные уголки. К сожалению, до начала 1970-х годов все сельские школы оставались восьмилетними.

В 1960–1970-е достигла своего расцвета деятельность Кыновского народного дома творчества.

Вкладывая значительные средства и силы в сельское хозяйство, государство вместе с тем требовало, чтобы спущенный сельхозартелям план становился законом без каких-либо изменений и объективных причин для невыполнения. Начиная с 1966 года из плана-заказа государства на сельхозпродукцию для Лысьвенского района исключалась продажа зерна. Право продажи государству картофеля и овощей оставалось за совхозом. Колхозы могли производить эту продукцию для внутреннего потребления или на продажу в кооперацию. Конкретизировалась специализация производственной деятельности: совхоз – на молочно-овощном, колхозы – на мясо-молочном направлениях.

Определение стратегических задач для каждого отдельно взятого хозяйства потребовало от руководителей по-новому пересмотреть расстановку кадров. В связи с разбросанностью населенных пунктов, их удаленностью от центральной усадьбы и недостатком рабочей силы в бригадах и отделениях на местах вводилась система взаимозаменяемости, что позволяло четче организовывать работу, проводить учет произведенной продукции, ее количество и качество, а также себестоимость. Например, в кыновском колхозе «Мир», считавшемся в начале 1960-х годов одним из лучших хозяйств района, взаимозаменяемость последовательно вводилась в первой и второй кыновских бригадах, а также в бригадах в Усть-Серебряной, Мягком Кыну, Долгом Лугу, Кумыше, Новом Бизе.

Крайне важным было выстроить эффективную систему использования кадров в совхозе «Лысьвенский». Некоторые отделения этого хозяйства располагались на расстоянии до 20 км от центральной усадьбы. Для результативного управления работой все они делились на шесть отделений: 1-е (Дуброво, Большая Лысьва), 2-е (Новая ферма, Талая), 3-е Откормочная ферма, Выломово), 4-е (Олени, Паинцы), 5-е (Ново-Рождественское, Валюшино), 6-е (Аитково). В свою очередь отделения делились на бригады с конкретно поставленными целями деятельности.

Такая градация позволяла оценивать результаты труда как всего хозяйства в целом, так и его подразделений. Например, сравнительный анализ итогов года показал, что во 2 и 3 отделениях урожайность картофеля составляла 50 ц с га, тогда как в 5 и 6 отделениях она оказалась наполовину меньше, но себестоимость была в два раза выше. В 3-м отделении за счет снижения себестоимости молока получили экономии 20 тыс. руб., а в 5 отделении высокая себестоимость этого же продукта показала перерасход 40 тыс. руб.

Результаты работы отделений публиковались в местной прессе, помещались на специальных стендах в центральной усадьбе совхоза. Например, по информации на 1 июля 1964 года надой молока на одну фуражную корову по отделениям совхоза выглядел следующим образом: 1-е отд. – 1412,9 кг., 2-е отд. – 1181,5 кг., 3-е отд. – 1273,5 кг., 4-е отд. – 1085,8 кг., 5-е отд. – 1119,5 кг., 6-е – 1249,5 кг.

Экономический расчет за 1965 год показал, что в текущем году сельхозпродукции совхоз произвел больше, но при низкой рентабельности. Убытки за первое полугодие составили 300 тыс. руб.

Шефы, в лице руководителей промышленных и партийных организаций города, пытались учить работников сельского хозяйства умению анализировать причины низкой рентабельности производства. С этой целью на пленуме ГК КПСС, состоявшемся 24 августа 1965 года, прозвучало предложение создавать в сельхозартелях общественные бюро экономического анализа (ОБЭА) по примеру заводских цехов. К сожалению, эта форма привлечения колхозников к управлению производством не получила поддержки селян и вскоре была забыта.

Как и прежде, расчет на повышение производительности труда делался на пропаганду образцового труда отдельных колхозников и рабочих совхоза. Высокие трудовые результаты немедленно тиражировались городскими и сельскими коммунистами и приводились в пример на собраниях, встречах и в прессе как образец коммунистического отношения к труду. Доярка колхоза «Мир» Л. Нечаева сообщала, что, достигнув высоких надоев от вверенной ей группы коров, она получала заработную плату в размере от 85 до 110 руб. в месяц.

На протяжении нескольких лет в разных бригадах и отделениях вспыхивали имена передовых кукурузоводов, свинаярей, телятниц, доярок, механизаторов, но, спустя какое-то время, они гасли и уходили в небытие.

Вечной проблемой сельского хозяйства оставалась трудовая дисциплина. Нередко в пьянство ударялись руководители-председатели колхозов и бригады. Рядовые колхозники не считали особым проступком совершать прогулы в самые жаркие дни уборочной страды. Как следствие, получались разные результаты работы в одном и том же хозяйстве. В Усть-Серебрянском отделении колхоза «Мир» труженики заработали по 381 трудодню за год, а в Кумышанском отделении – всего 187 трудодней.

Те, кто избегал активно участвовать в общественной работе, был прав в одном – прожить на трудодни (до 1966 года) и заработную плату (после 1966 года) было сложно. В этом смысле рабочие совхоза находились в более выгодном положении. Им зарплата выдавалась регулярно и была несколько выше, чем в колхозах.

Рядовым колхозникам выживать можно было только за счет собственных огородов и скота. Овощи и мясо сдавалось кооператорам по коммерческим или договорным ценам. Таким образом, приобретались дополнительные денежные источники, за счет которых можно было купить одежду и обувь, обстановку в дом.

Переехать в город или остаться в деревне?

Семилетка не принесла ожидаемых результатов ни в улучшении жизни колхозников, ни в существенном подъеме сельскохозяйственного производства. Бесчисленные призывы КПСС совершить очередной «рывок», «ускорение», «подъем» измотали и без того неустойчивую сельскохозяйственную систему, лишили тружеников веры в позитивные изменения. Из деревни уезжала молодежь, с детских лет познавшая истинную цену куска хлеба, заработанного на колхозных полях.

Летний лагерь совхоза «Колос»

Горожане, переехавшие на постоянное место жительства в деревню, скоро разочаровывались в сделанном выборе и превращались в равнодушных исполнителей или возвращались в город. Неуклонно оскудевал человеческий ресурс села за счет свертывания неперспективных населенных пунктов, жители которых приискивали работу в набирающем силу лесопромышленном комплексе. Немалое количество колхозников нашло работу на новом турбогенераторном заводе и чулочно-перчаточной фабрике Лысьвы.

По многолетней традиции новую пятилетку труженики колхозов и совхоза встретили принятием социалистических обязательств, утвержденных 10 февраля 1966 года на собрании представителей трудящихся предприятий и организаций города и района. Работники сельского хозяйства обещали к концу года довести валовый сбор до 56 тыс. ц и поднять урожайность зерна до 10 ц с 1 га, получить 6800 т молока, 450 т мяса в живом весе, 440 тыс. штук яиц.

В 1966 год пролегла условная черта между лысьвенскими колхозами и совхозом, ставшим одним из крупнейших сельхозпредприятий Пермской области. По результатам предыдущего 1965-го хозяйственного года совхоз получил прибыль в размере 247 тыс. руб. Это позволило администрации хозяйства

выдать, например, рабочим первого отделения по 200-300 руб. премии. Сказались результаты внутрихозяйственной специализации и концентрации сил на развитии животноводства, относительно удовлетворительного использования химических и органических удобрений, приобретения новых комбайнов, тракторов и автотранспорта. За несколько лет в совхозе построили 13 новых скотных дворов, телятников, больше 100 квартир для рабочих. Достаточно неплохими оказались показатели по сбору зерновых (9,7 ц с га), картофеля (80 ц), овощей (196 ц), сена многолетних трав (23 ц), удои молока достигли 2438 кг от 1 коровы. В январе 1966 года рабочие совхоза взяли на себя обязательство произвести к 23 съезду КПСС более 1300 т молока, 30 т мяса, 40 тыс. штук яиц¹. Среди подразделений совхоза лидерство удерживали рабочие первого отделения. С площади 94 га им удалось собрать по 20 ц пшеницы с 1 га, с 27 га по 22 ц овса, картофеля по 120 ц с 95 га.

Крайне медленно шли изменения в колхозах «Новина» и «Мир». Негативную роль играли исконные проблемы села: плохие дороги, слабая работа управленцев, отсутствие специалистов, низкая производственная дисциплина работников.

Ничто не мешало иметь в «Новине» семенные участки. Из-за их отсутствия нехватку примерно 1300 ц посевного зерна приходилось восполнять на стороне за счет ссуды и в результате, нерационально использовались банковские кредиты. Низкая земледельческая культура объяснялась халатной подготовкой пашни к севу, несоблюдением разработанных и внедренных ранее севооборотов, срывом сроков посева. Техника находилась в запущенном состоянии. Из 13 тракторов² к пахоте были готовы только 5, из них 4 нуждались в профилактическом ремонте. В самую жаркую пору механизаторы совершали прогулы. На помощь снова приходили горожане. И без того напряженный рабочий ритм во время посевной кампании превращался в штурмовщину.

¹ 23-й съезд КПСС состоялся 29 марта – 8 апреля 1966 года.

² По некоторым данным в хозяйстве имелось больше 20 тракторов.

Праздник урожая. Колхоз «Мир»

Выйдя по производству мясо-молочной продукции близко к плановым показателям, по растениеводству колхозы несли большие убытки. При среднем урожае зерновых в лысьвенском совхозе 10 ц с га, в колхозах «Мир» и «Новина» имели чуть больше 5 ц. Хотя и в этих хозяйствах имелись свои передовики. В колхозе «Мир» вторая бригада собрала 18,8 ц озимой ржи, а в третьей бригаде по 15,6 ц овса с 1 га. В «Новине» лучший сбор пшеницы с 1 га составлял 10 ц.

В отличие от колхозных руководителей передовые бригады совхозных отделений пытались улучшить кормовую базу животноводства за счет разведения гибрида кормовой капусты, брюквы и турнепса под названием куузики. В некоторых бригадах посевные площади куузики занимали до 30 га и имели урожайность до 300 ц с 1 га. Однако по какой-то причине широкое применение этой культуры на полях совхоза не прижилось.

В начале 1967 года администрация Лысьвенского совхоза перевела 7 молочно-товарных ферм на двухсменную работу. Без каких-либо материальных затрат, только за счет улучшения организации труда на фермах выросла производительность труда. Например, в Аитковской МТФ вместо 1990–2000 кг стали надаивать по 2600–2700 кг молока. Производство молока возросло в целом по совхозу. По итогам года лысьвенцы

произвели молока больше, чем известный чусовской колхоз «Большевик». На совещании Чусовского территориального управления сельского хозяйства (ноябрь, 1967 г.) отмечалось, что в лысьвенском совхозе надой на одну корову составлял 2880 кг, а в чусовском «Большевике» – 2510 кг. Таким образом, в социалистическом соревновании победили лысьвенцы.

За перевыполнение плана по продаже государству молока и зерна в 1967 году совхозу «Лысьвенский» вручено переходящее Красное знамя министерства сельского хозяйства СССР и ЦК профсоюзов сельского хозяйства и заготовок. Дубровская молочно-товарная ферма за высокие показатели помещена на областную Доску почета.

Внешние успехи совхоза скрывали организационные трудности, порожденные нежеланием рабочих что-либо менять в привычном трудовом укладе. Например, доярки передовой дубровской МТФ отказывались переходить на двухсменный режим работы. В то же время в колхозах «Мир» и «Новина», где имелаась острая нехватка доярок и не было автодоения коров, о двухсменке могли только мечтать. По-прежнему в хозяйствах остро не хватало специалистов. Регулярные призывы уполномоченных органов к горожанам переезжать на постоянное место жительства в село оставались без ответа.

Под жестким управлением директора совхоза П. Коваленко внутри отделений происходили постоянные изменения. Специалисты пересмотрели состав бригад механизаторов и овощеводов, организовали новые звенья, во главе которых поставили опытных рабочих. В руках работников появились технологические карты по каждой сельскохозяйственной культуре, с которой работала бригада или отделение. Активно внедрялись рабочие планы: планы-графики по проведению весенних полевых работ, внесения удобрений, планы-задания механизаторам и т.д. Накануне весенних полевых работ проводились семинары по вопросам агротехники, охраны труда, эксплуатации техники. Перестраивалась система материального стимулирования механизаторов. Например, за каждые 400 кг зерна, намолоченных сверх плана, комбайнеру полагалась надбавка 15 руб., а его помощнику за сверхплановые 280 кг – 13 руб.

Колхозная молочно-товарная ферма

Получать сверхплановое зерно совхозу оказывалось выгодно, потому что все деньги от его продажи шли на нужды хозяйства. Медленно, но целенаправленно происходило укрепление материально-технической базы совхоза, а с ней улучшалась жизнь работников хозяйства.

Анализ работы 1-го отделения совхоза по сбору зерна показал несомненные успехи, имеющие тенденцию роста на протяжении ряда лет:

Годы	1962	1963	1964	1965	1966	1967
Валовый сбор зерна в цент-х	3600	5350	4497	5338	9063	12708
Средняя урожайность с 1 га в цент-х	12	11,7	10,5	12,78	17,1	21,6

Не столь очевидными были успехи колхозов «Мир» и «Новина». В выполнении плановых показателей по производству мяса и молока они заметно отставали от совхоза «Лысьвенский». Горком КПСС, руководствуясь решениями Октябрьского (1968 г.) пленума ЦК КПСС, потребовал от сельхозпроизводителей района принять повышенные социалистические обязательства и до 1970 года довести производство зерна до

7544 т при урожайности 13 ц с 1 га, 5000 т картофеля при 85 ц с 1 га, 1450 т овощей при 200 ц с 1 га, получить до 7262 т молока, 500 т мяса в живом весе, до 450000 яиц. По итогам 1-го квартала 1969 года можно было судить, что обязательства успешно выполнялись. В целом по району дополнительные задания выполнены на 131%, по молоку на 102,8%, по яйцам – на 114%, по шерсти на 33%. Однако, как отметил пленум ГК КПСС, состоявшийся в январе 1970 г., на протяжении двух лет среднерайонные показатели роста сельхозпродукции остановились на одном уровне, а совхоз начал сдавать ранее завоеванные позиции.

Вместе с тем, городское население страны, а с ней и Лысьвы, продолжало расти быстрыми темпами. За мясом и молоком в городских магазинах выстраивались очереди: этих продуктов хронически не хватало. В городе появился так называемый «мясной блат», когда мясо можно было купить через знакомых продавцов магазинов или работников мясокомбината. На мясокомбинате процветало воровство мяса. С «несунами» боролись всеми доступными способами, но успех был минимальным. Некоторые горожане ездили за мясными продуктами в областной центр или в Москву.

Реальная ситуация с производством сельхозпродукции в период с 1965 года несколько улучшалась, но все равно продовольственный рынок испытывал острую нехватку товаров. Так продолжалось около пяти лет. В начале 1970-х годов в деятельности колхозов и совхозов потребовалось вносить новые подходы. Их попытался определить 3-й Всесоюзный съезд колхозников, состоявшийся в ноябре 1969 года.

Проект нового колхозного Устава поставил во главу деятельности сельхозартелей гармоничное сочетание личных и общественных интересов колхозников, определил порядок организации и оплаты труда и распределение доходов, а также единую систему социального страхования колхозников за счет отчислений колхозов. Не забыли также про отдых и выход колхозников на пенсию. Что касалось производства, то в соответствии с Уставом колхозы и совхозы получали фиксированный план-заказ на производство конкретных видов продукции, порядок продажи продукции государству и т.д. Разумеется,

Устав требовал от колхозников добросовестно и дисциплинированно относиться к своему труду.

Еще один рывок к высотам коммунизма

1970-е годы явились последним рывком на пути создания высокопродуктивного сельскохозяйственного производства в Лысьвенском районе. За пять лет с 1966 по 1969 год хозяйства района получили 62 трактора, 15 автомашин, 7 комбайнов, в разы увеличилось поступление минеральных удобрений. В колхозы «Мир» и «Новина» пролегли долгожданные электрические сети. Возросли поставки городскому потребителю мяса, молока, овощей. Но, это отмечалось в документах июльского (1970 г.) Пленума ЦК КПСС, на фоне «трудностей роста и высоких требований» к сельскохозяйственному производству в селе по-прежнему не хватало механизаторов, стройматериалов, производственная дисциплина среди рабочих совхозов и колхозников оставалась крайне низкой.

Все чаще встречались факты, когда при наличии техники в колхозах трактора и комбайны простаивали не только по причине неисправности, но и из-за отсутствия механизаторов. По словам начальника 4-го отделения совхоза, в посевную пору 1974 года из-за отсутствия механизаторов простаивали два дизельных трактора и один «Беларусь», а председатель колхоза «Новина» М. Елохов говорил, что в хозяйстве были трактористы, которые за всю страду ни разу не брались за рычаги тракторов и не выходили в поле. Труд механизаторов был не только тяжелым, но и малооплачиваемым.

Желая сделать работу механизаторов более привлекательной, в апреле 1971 года ЦК КПСС, Совет министров СССР и ВЦСПС приняли постановление «О мерах по улучшению условий труда и закреплению механизаторов в сельском хозяйстве». Руководителям сельского хозяйства предлагалось ввести новые повышенные тарифные ставки для механизаторов, улучшить условия труда, обеспечивать семьи механизаторов жильем, детей-дошкольными учреждениями, организовывать питание и культурное обслуживание во время страды,

увеличить продолжительность отпусков, наладить качественный ремонт техники.

Для разъяснения апрельского постановления ЦК КПСС партком совхоза провел с трактористами развернутый семинар, сельхозотдел горисполкома направил на учебу 15 человек на курсы механизаторов в Кунгур, Суксун и Тюмень, в хозяйствах сформировали летучие ремонтные бригады, готовые оказывать помощь с выездом в поля.

Нередко за рычаги тракторов садились плохо подготовленные механизаторы и, как следствие, техника скоро выходила из строя. Ее отправляли на ремонт в Кунгурский и Плехановский ремзаводы. Однако по возвращении на поля совхоза и колхозов техника оказывалась непригодной к работе по причине некачественного ремонта. Весной 1972 года 3 отремонтированные трактора, едва доехав до борозды, вышли из строя, у ДТ-75 замененный при ремонте двигатель не проработал и часа.

Крайне слабой была и собственная ремонтная база лысьвенских хозяйств. К страде 1972 года 20 комбайнов оказались не готовы к уборке, из 34 тракторов совхоза на линейке готовности стояли только 18, из 8 тракторов колхоза «Мир» – 6, из 6-х тракторов колхоза «Новина» – 4.

Особенно остро неудовлетворительная подготовка техники сказалась на результатах уборочной кампании дождливой осени 1971 года. Впервые за многие годы колхозы «Мир» и «Новина» не сумели заготовить семенное зерно, а совхоз заложил только 75% от потребности.

Нехватка механизаторов являлась только частью кадровой проблемы совхоза и колхозов. Не хватало животноводов и полеводов. Для популяризации труда доярок городская газета «Искра» публиковала списки лучших с указанием количества надоенного молока. Между МТФ колхозов и отделений совхоза организовывалось социалистическое соревнование, проходившее, как правило, формально, без значимых итоговых результатов.

Указом президиума Верховного Совета СССР от 6 сентября 1973 года группе лысьвенских доярок вручили правительственные награды. Орден трудового Красного Знамени

получила доярка совхоза О. Чуганова, медаль «За трудовую доблесть» доярки колхоза «Новина» Т. Зернина и совхоза «Лысьвенский» Ф. Шамсутдинова, медаль «За трудовое отличие» – доярка колхоза «Мир» Л. Лежанина.

Желая восполнить дефицит рабочих рук и этим привлечь молодежь, зимой 1971 года руководство совхоза приняло решение ежегодно полностью механизировать по одной молочно-товарной ферме. Для этого предполагалось организовать автопоеание скота, механизировать доение коров, раздачу кормов и уборку навоза. Первой на очереди оказалась оленевская МТФ с поголовьем 100 коров.

Нехватка рабочей силы обострялась год от года во всех хозяйствах. В 1979 году в совхозе при штате 1097 человек не хватало более 200 рабочих. Временными доярками в пригородных МТФ трудились 7 работниц ЛМЗ, ТГЗ, ЧПФ и других предприятий города¹.

Руководители хозяйств приступили к сворачиванию небольших ферм и переводу животных в укрупненные МТФ. Так, в «Новине» дойное стадо из Воскресенцев перевели в Моховляне. На Новой ферме совхоза сосредоточили 681 голову КРС. Реконструировались МТФ в Дуброво и Большой Лысьве.

*Передача коня
подшефному леспромхозу. Колхоз
«Мир»*

¹ По разным причинам за год в совхозе уволилось 289 человек, вновь поступило на работу 284 человека. На 1097 работающих за год было совершено 2593 прогула.

Урожай едет в город

Заброшенные фермы использовались в качестве летних пастбищ или лагерей для откорма молодняка.

Запланированные мероприятия по переоснащению ручного труда доярок сразу же натолкнулись на недостаток средств и большие объемы срочных работ на разных фермах. Летом пришлось налаживать автопоение для фермы молодняка в Кутамыше, менять водопроводные трубы в Аитковской МТФ, капитально ремонтировать ферму в Дуброво. План поочередной целенаправленной механизации МТФ сократить численность работников и увеличить производительность труда увяз в текущих ремонтах, перебросках средств и техники с одного объекта на другой. Из всего перечня мероприятий по реконструкции Оленевской МТФ только через два года установили механическую уборку навоза.

Одновременно с механизацией ферм приходилось решать непростую задачу по качественному обновлению поголовья молочного стада. По данным на 1975 год, совхоз не имел ни одной элитной коровы, к животным 1-го класса относилось только 4,4% коров, 2-го класса – 71,7%, не классные коровы составляли 23,9%. При подобном качестве молочного стада, дефиците кормов и трудных зимовках к минимуму сводились все попытки увеличить производство молока.

В условиях кадрового дефицита работников руководителям всех уровней приходилось сплошь и рядом нарушать тру-

довой распорядок и технику безопасности. Для пресечения подобных действий в январе 1974 года в Лысьвенском районе был создан профсоюз рабочих и служащих сельского хозяйства и заготовок. Первая райконференция, состоявшаяся в начале января месяца, избрала председателем профкома бывшего инструктора ГК КПСС Н. Веретенникова.

Серия рейдов, проведенных профкомом по выполнению норм трудового законодательства и сельхозустава, выявила множество нарушений, попирающих права и обязанности работников. Например, комбайнеру В. Кобелеву, проживающему в д. Валюшино, ежедневно приходилось ездить на работу на рейсовом автобусе за 10 км на поля пятого новорождественского отделения совхоза. Через 12–14-часовой рабочий день механизатор возвращался домой на попутном транспорте, «пойманном» на автотрассе. Члены профкома установили, что только за 1974 год 25 механизаторам совхоза не предоставлено 819 отпускных дней, не проводились инструктажи по технике безопасности на рабочем месте, в отделениях отсутствовали бытовки, рабочим не выдавалась спецодежда, имелись нарушения в учете и оплате труда. Прогулы без уважительной причины составили 1859 дней.

В поле зрения профсоюзных активистов оказались факты неудовлетворительной организации поставок овощной продукции в магазины города. На основании жалобы рабочих металлургического завода, убирающих на полях совхоза морковь, выяснилось, что магазины не принимают овощи по той простой причине, что совхоз сорвал договорные сроки поставок, и торг закупил морковь у других сельхозпроизводителей. Непринятую морковь свозили в Заимку и сваливали в лабазы у конторы отделения. В результате выращенные для рабочих столовых овощи пошли на корм скоту.

Пережив непродолжительное время подъема, совхоз начал снижать темпы производства сельхозпродукции. На 41-й городской партконференции секретарь ГК КПСС В. Ухмылов отмечал, что по итогам последнего года девятой пятилетки хозяйство стало убыточным. План по продаже картофеля выполнили всего на 37%, по овощам – на 27%, не выполнялась плановая продажа молока и мяса. Делегат конферен-

ции от совхозной парторганизации Н. Крючков пытался объяснить, что причины невыполнения плана заключались в нехватке рабочих, так как молодежь переезжала на работу в город и в деревнях остались одни старики, сократилось поступление новой техники, а для ремонта старой не хватало запчастей, практически прекратилось строительство жилья¹.

Зоотехник 3-го отделения совхоза П. Колотов говорил: *«Прежде чем привлечь человека к работе, необходимо создать ему нормальные условия. У нас все упирается в жилищную проблему... Иной раз и рады бы уволить нерадивых, но кто их заменит»*.

К середине 1970-х годов динамика совхозного производства снизилась как по молоку, так и по мясу. Относительно стабильной оставалась продажа государству зерна. От низкой управленческой культуры руководителей напрямую зависела плохая организация производственного процесса и исполнительская дисциплина на всех уровнях.

Для перемены положения дел в хозяйстве горком партии попытался привлечь сельских коммунистов. В первую очередь это относилось к работникам совхоза. Из 115 членов КПСС хозяйства 60 человек находились в возрасте старше 50 лет, до 40 лет – 30 человек, остальные были пенсионерами. Непосредственно на производстве трудились 23 коммуниста: 18 – механизаторами и 5 – животноводами. Остальные члены партии занимали должности руководителей и служащих.

¹ Только за 1976 год совхоз получил 23 новых трактора, 6 автомашин, много другой техники. На этой основе было решено создать отряд плодородия в составе 7 тракторов, 2-х погрузчиков и 1 бульдозера для вывозки минеральных и органических удобрений на поля. Деятельность отряда оказалась мало эффективной. При площади пашни 14300 га в 1977 году отряд вывез на поля всего 1 тыс. т навоза. Известкованием кислых почв лысьвенского совхоза, их было 98% от всех пашенных угодий, занималась ПМК-7 Чусовского отделения «Сельхозтехники». При бездействии отряда плодородия чусовляне произвестковали всего 548 га, тогда как в хозяйствах Чусовского района в то же время обработали более 3 тыс. га.

Именно к коммунистам горком КПСС направил обращение с предложением наладить плановую и постоянную работу по укреплению кадров среднего звена, механизаторов и других «низовых» профессий. До 10 января 1978 года партийная организация должна была разработать план по подготовке и закреплению контингента рабочих с тем, чтобы в ближайшие три года полностью обеспечить совхоз собственными кадрами, прошедшими марксистско-ленинское и профессиональное обучение.

К решению поставленной задачи в помощь селянам должны были подключиться управление сельского хозяйства района, сельские советы, профсоюзные организации.

Требуя от рядовых коммунистов конкретных результатов работы, сам горком шел привычным путем начетничества, догматизма и администрирования. Наглядно это прослеживается в передовой статье председателя партийной комиссии ГК КПСС А. Бычкова в газете «Искра» от 9 апреля 1977 года: *«В отдельных бригадах колхозов и совхоза неоправданно затягивается сев из-за организационных недостатков и безответственности отдельных работников, что приводило к несвоевременному подвозу семенного материала и горючего, неоперативному техническому обслуживанию, в результате наблюдались простои людей и техники... партийные организации должны взять под контроль всю подготовку к севу и проведение его, обеспечив идеологическую работу на всех полевых станах...»*.

В июле 1978 года состоялся пленум ЦК КПСС, снова признавший производство зерна *«ударным участком работы сельского хозяйства»*. Это напрямую относилось к совхозу «Лысьвенский», являвшемуся единственным в районе поставщиков зерна государству, в то время как «Новина» и «Мир» производили зерно для внутреннего потребления. Решения пленума были как никогда актуальны для лысьвенского сельского хозяйства, поскольку за предыдущие три года регулярно не выполнялись планы по продаже мяса и молока. В очередной раз «одобряя и поддерживая» призыв пленума ЦК КПСС увеличить производство зерна и повысить продуктивность скота и птицы, секретарь лысьвенского горкома пар-

тии В. Ухмылов заявил: *«Партийные организации должны потребовать от хозяйственных руководителей и специалистов навести порядок на полях и фермах»*.

Объективно на повестку дня встал вопрос о перестройке всей организационно-экономической структуры совхоза «Лысьвенский». К необходимости подобных действий подталкивали государственные планы по увеличению мясо-молочного производства. Предполагалось, что в 1977 году в Новорожественске вступит в строй мясо-молочный комплекс на 800 голов, и все мясо-молочное производство совхоза перейдет на промышленную основу. К 1980 году планировалось довести поголовье скота в совхозе до 3000 голов с удоем 3050 л молока от одной фуражной коровы. В год совхоз должен производить до 123 т мяса.

В конце декабря 1977 года государственная комиссия произвела приемку нового мясо-молочного комплекса с боксовым беспривязным содержанием скота в селе Новорожественское. Комплекс состоял из двух коровников по 400 голов в каждом, доильно-молочного блока с тремя установками «елочка», хранилища молока и двух ванн для первичной обработки молока, родильного блока на 108 голов, кормозаготовительного цеха, овощехранилища, подсобно-производственных зданий, силосных и сенажных траншей, культурных пастбищ и т.д. Комплекс обслуживали 58 человек. Для обслуживающего персонала предполагалось построить два дома по 16 и 28 квартир в каждом.

В ходе ознакомления с новостройкой комиссия выявила несколько десятков недоделок, но, по неписаным правилам советского времени, акт приемки был подписан с оговоркой об устранении изъянов к 1 июня 1978 года. Среди недоделок, уже в ближайшее время повлиявших на нормальную работу комплекса, были котельная, кормоцех, навозоудаление, протекающая крыша, трещины в стенах, получившиеся в результате осадки здания и другие замечания. Таким образом, работники совхоза не столько занимались производством молока и мяса, сколько приведением комплекса в рабочее состояние. Для доводки сложных технических объектов привлекались шефы из металлургического завода.

На фоне эпохальных событий, связанных со строительством огромного комплекса в Ново-Рождественске, незаметно набирал силу моховлянский колхоз «Новина». По основным показателям – мясо и молоко – это хозяйство опережало известный за пределами района кыновской колхоз «Мир». Инициатором преобразований явился новый председатель М. Елохов. В 1974 году под его руководством впервые в своей истории колхоз продал государству около 6 тыс. т молока и перевыполнил план по продаже мяса. Себестоимость сельхозпродукции «Новины» оказалась ниже совхоза «Лысьвенский» и колхоза «Мир». По итогам социалистического соревнования 1975 года колхоз «Новина» завоевал 3-е место в Пермской области. В виде поощрения ему было предоставлено право дополнительно закупить два трактора. В следующем, 1976 году, «Новина» вышла на первое место в районе по всем показателям, а в 1977 году завоевала 1-е место в районном конкурсе по хранению и ремонту сельхозтехники техники. Во главе коренной перестройки «Новины» стоял новый председатель М. Елохов.

Трудный путь председателя Елохова, превратившего захудалый колхоз в передовое хозяйство, описал его внук Д. Зернин: *«Работал Матвей в колхозе, просился на машину, но председатель Морозов сказал: «Будешь работать агрономом». Потом работал зоотехником два года. По просьбе сельчан ушёл работать продавцом в магазин Кыновского сельпо и проработал там два года, но по решению собрания колхоза стал работать агрономом в колхозе «Новина». Агрономом проработал четыре года и 12 марта 1969 года был избран председателем колхоза.*

Председатель колхоза
«Новина»
М. В. Елохов

Электричества в колхозе не было, техники было мало, животноводческие помещения были старые, дороги плохие. Начали проводить электричество, в это время в колхозе было 7 деревень. Стали строить коровники на 200 голов и телятник в д. Моховляна. Через два года построили ферму в д. Воскресенцы. Обе фермы механизировали (удаление навоза, подача воды). Ещё через год построили свиноферму. В колхозе было две бригады: одна в Моховлянах, другая в Воскресенцах. Ещё через два года построили тёплую механическую мастерскую, совместимую с гаражом. Установили фрезерный станок, два токарных и кузнечный молот, пятитонную подвижную кран-балку. Теперь не нужно было много усилий для изготовления инструментов и запчастей, замены двигателей на тракторах. Параллельно начали строить жилые двухквартирные дома из бруса, а за ними – зерносклад на 1000 т вместимостью с механизированной подачей и раздачей зерна по секциям. В обеих деревнях возвели 2 зерносушильных комплекса КЗС-20Б с механизированной подачей зерна в склады. В 1973 году начали строить водопровод силами населения – вода стала подаваться в дома. На следующий год приступили к строительству водопровода в д. Воскресенцы. В эти же годы строили напольную двухскатную сушилку семенного зерна и АВМ-065 для приготовления витаминной муки. Построили два склада под минеральные удобрения, два склада для хранения фуража, два склада для хранения и сушки сена. Построили тёплый гараж в д. Моховляна, склад запчастей. В обеих деревнях установили пилорамы. Стало больше места для хранения урожая и для новых семей, приезжающих работать в колхоз... В 1979 году правление колхоза переехало из Воскресенцев в Моховляна. Начали строительство школы на 192 места в кирпичном исполнении, потом построили административное здание, где расположились правление колхоза, с/совет и почта. Рядом обустроили тёплые гаражи, гостиницу, дом культуры. Возле школы разместились два магазина и столовая, ФАП и быткомбинат, детский сад на 90 мест. Жители стали жить полноценной жизнью. Они могли отдать своих детей в детский сад, в просторную школу, обратиться к вра-

чу, купить хорошее лекарство. Всё это время велось строительство жилых домов. Построили АТС, первую в районе, на 50 номеров и телефонную линию связи Моховляна – Кормовище. Одновременно велось строительство дороги до Крутого Лога. Был открыт маршрут рейсового автобуса Моховляна – Лысьва. Силами наёмной техники в 1984–1985 году было построено два пруда на реке Нёк и реке Барда¹.

Необыкновенно тяжелым для сельского хозяйства выдался 1978 год. Поздняя весна, холодное и дождливое лето, ранние заморозки и снег осложнили и без того нелегкий крестьянский труд. Первой труднопреодолимой проблемой стала заготовка кормов, особенно сена. От обильных дождей раскисли дороги. Ситуацию с дорогами усугубили строители газопровода Нижняя Тура – Пермь из СУ-16 треста «Башнефтепроводстрой», которые использовали их для перевозки 33-метровых труб весом 15 т. Когда дороги стали непроезжими, водители начали ездить по совхозным полям с посадками озимой ржи и клевера. Общая площадь потрав составила 34 га. Лысьвенская прокуратура определила принесенный ущерб в 190 тыс. руб. Были сломаны 3 моста через речку Березовка.

По традиции, повторяющейся годами, минеральные удобрения поступали в хозяйства осенью во время распутицы. Груз шел навалом, а не в контейнерах. Разгрузка осуществлялась вручную рядом с полотном железной дороги под открытым небом. Из-за раскисших от грязи дорог перевозка удобрения откладывалась до зимы. В результате на поля поступала только малая часть бесценного груза.

Невероятно трудно складывалась уборочная кампания из-за плохой погоды. По какому-то необъяснимому капризу природы, зерновые культуры обещали дать хороший результат. Тучные колосья буквально пригибали двухметровые стебли к земле, но холодная погода отодвинула сроки созревания хлебов. Уборка проходила в экстремальных условиях. Комбайны тонули в грязи. Каждый центнер зерна давался

¹ Зернин, Д. *Мой дед Матвей Елохов : [рукопись] / рук. Т. Л. Зворыгина. Моховляна, 2004. 15 с.*

с неимоверным трудом. Нагруженные зерном машины вытаскивали с полей тракторами.

Самое неприятное для сельчан случилось в октябре. В начале месяца начались заморозки, выпал снег. Механизированная уборка оказалась невозможной. Перед тем, как запустить на поля комбайны, тысячи горожан палками поднимали с земли придавленные снегом колосья. Бывшие валюшинские колхозники обратились к пенсионерам с призывом провести ручную косовицу хлебов. На помощь рабочим совхоза и колхозникам пришли горожане. Чтобы получить хотя бы часть урожая, руководство совхоза предложило жителям города, желавшим принять участие в ручной уборе хлебов, плату в виде 20% от скошенной ими зеленой массы.

Мясо и молоко поступали в город на переработку или в магазины. Однако со временем переработка и продажа сельхозпродукции превратились в серьезную проблему.

Летом увеличивалось производство молока, но именно летом горожане ощущали острую нехватку молока и кисломолочной продукции. В магазинах за молоком выстраивались очереди; кефир, сливки, творог шли нарасхват. Проследить цепочку поступления молока от фермы до прилавка было не сложно. Во-первых. Сельские молоковозы подъезжали к фермам и заправлялись молоком в 7–8 часов утра. Во-вторых. На молокозавод в город молоковозы прибывали в зависимости от расстояния до фермы в 10–11 часов. В третьих. Рабочие молокозавода в это время еще промывали и пропаривали фляги перед пастеризацией, разливкой молока и отправкой в магазины. По какой-то причине оборотной тары под молоко на заводе не имелось, хотя металлурги уже наладили выпуск алюминиевых фляг. В-четвертых. В это время колхозно-совхозные молочные цистерны стояли на солнце и, как правило, у продукта повышалась кислотность, следствием чего являлось снижение цены на молоко или его выбраковка и отказ принимать на переработку. В-пятых. Разлитое по флягам молоко направляли в магазины и столовые, где тоже имелись свои «заморочки» с приемкой. Молоко развозили всего две машины, принадлежавшие АТП. При потребности города в 24–25 т молока в день такого количества автотранспорта было очень

мало. В-шестых. К 14 часам заканчивались обеды в заводских столовых и спрос на молоко и молочные продукты резко падал. В-седьмых. Не принятое в городе молоко увозилось в Чусовой или на фермы и скармливалось скоту.

Помимо организационных проблем имелись и чисто технические трудности. Никак не соотносились увеличивающиеся объемы производства молока и мощности по его переработке. Имеющееся на гормолзаводе оборудование изнашивалось и требовало капитального ремонта или замены, т.к. устарел пастеризационный пункт в совхозе «Лысьвенский», не удалось построить вторую холодильную камеру и помещение для мойки цистерн, Кунгурский молкомбинат, в чьем ведомстве находился лысьвенский молзавод, не выделил 20 тыс. руб. денег на ремонт.

Для вывода предприятия из прорыва потребовалось вмешательство горкома партии и горисполкома. Проведение ремонтно-строительных работ возложили на СМУ-8. На заводе установили новую автоматическую линию мойки посуды и разлива молока в стеклянные бутылки, новую пастеризационно-охладительную установку производительностью 10 тыс. л молока в час, заменили оборудование для изготовления творога и сырной массы.

На краю пропасти

Конец 1980-х годов сложился крайне неблагоприятно для сельского хозяйства Лысьвенского района. Несмотря на титанические усилия работников сельского хозяйства и горожан, не удалось создать семенной фонд. Для предстоящей посевной кампании не хватало около 1 тыс. т зерновых и 1400 т картофеля. Семенной картофель пришлось закупать в овощехранилище торга, что сказалось на низкой урожайности этого важного продукта.

Отвлечение всех сил на уборочные работы не позволило вовремя подготовить фермы и животноводческие помещения к зимовке скота. В зиму 1980-1981 года ушли неотремонтиро-

ванными 41 МТФ. Не состоялся профилактический ремонт механизмов и оборудования.

В связи с невозможностью заготовить необходимое количество кормов снизились производственные показатели по молоку и мясу¹. В докладе на 43-й партийной конференции (декабрь, 1980 г.) секретарь ГК КПСС В. Юрин указал, что план по итогам пятилетки по молоку выполнен на 92%, по мясу на 88%². Депутат Липовского сельсовета доярка А. Трушникова привела пример, по которому в 1974 году на МТФ Новая ферма от каждой коровы получали по 2952 кг, а на Дубровской – 3400 кг молока. В 1979 году надои в совхозе «Лысьвенский» снизились до 2217 кг, а в 1980 году – до 1732 кг.

Не помогла и новая техника. За девятую пятилетку хозяйства района получили 157 тракторов, 51 комбайн и др. Это позволило обновить технический парк почти наполовину³.

Однако техники, как и трудовых ресурсов, все равно не хватало. Новые трактора и автомашины довольно скоро выходили из строя не только из-за небрежной эксплуатации, но и из-за большого количества заводского брака. Новую технику перед пуском в работу приходилось разбирать, устранять брак, а затем снова собирать. Все ремонтно-восстановительные работы приходилось проводить в холодных гаражах, при отсутствии запчастей и профессиональных ремонтников.

¹ *Насколько оперативно решали вопросы кормозаготовки руководители совхоза, свидетельствует факт продажи 30 тонн сена в Гремячинск, расположенным поблизости с совхозом Заречинским животноводческим товариществом. Бюро горкома партии резко оценило эту сделку, и директор совхоза получил очередное внушение. Одновременно горисполком обязал заводы и организации города приступить к заготовке 50 тонн хвойной лапки для общественного животноводства.*

² *Председатель горисполкома А. Бликанов уточнил эти данные в отчетном докладе на 4-й сессии горсовета (декабрь, 1980), сказав, что по молоку районный план выполнен на 94%, по мясу – 96%, по картофелю – 69%, по зерну – 82%.*

³ *За восьмью пятилетку с 1971 по 1975 г. получено 95 тракторов, 33 зерновых комбайна и 18 автомашин. К 1978 г. колхозы и совхоз имели 236 тракторов, 9 комбайнов и 80 автомашин.*

Каждую уборочную страду в хозяйствах работали десятки автомашин и тракторов, тысячи горожан. Только один совхоз ежегодно запрашивал у предприятий города от 15 до 20 единиц техники. На уборке урожая в колхозе «Новина» в 1980 году на 5 комбайнах из 9 работали городские механизаторы. На одном из партийно-хозяйственных активов (декабрь, 1979 г.) секретарь ГК КПСС В. Ухмылов заявил: «Совершенно очевидно, что шефская помощь селу останется и в дальнейшем».

*Совхоз Лысьвенский.
Заготовка АВМ
во 2 отделении совхоза.*

Крайне неравномерно работала в Лысьвенском районе чусовская ПМК-7. Только с помощью обкома партии удалось привлечь технику этой организации на поля района. В 1980 году, впервые за пятилетку, силами ПМК-7 были проведены культуртехнические работы на 186 га колхоза «Мир», раскорчеваны 230 га в колхозе «Новина», известкованы кислые почвы на площади 1841 га, просфоритовано около 500 га.

Проблемой номер один оставался кадровый голод. Отток сельского работоспособного населения приобрел массовый характер. Если в 1965 году среднесуточное количество работников в колхозах и совхозе составляло 1915 человек, то в 1977 году – 1409 человек. В совхозе «Лысьвенский» в 1980 году ежедневно не хватало 70-80 человек. Например, для посадки картофеля нужно было 50 человек, а в наличии было 3 человека.

Сельхозуправление пыталось организовать учебу механизаторов за счет сельской молодежи с тем, чтобы закрепить ее по месту жительства. В 1975 году на базе Кунгурского СПТУ-68 в Лысьве был организован филиал по подготовке механизаторов широкого профиля. Он базировался в здании ШРМ № 2 и в мастерских центральной усадьбы совхоза «Лысьвенский». Около 100 молодых людей из Лысьвы, Новорож-

дественска, Кына прошли теоретическую и практическую подготовку, но абсолютное большинство из них, получив права механизатора, в село не вернулось.

В условиях кадрового голода крайне низкой оставалась производственная дисциплина. В декабре 1980 года горисполком вынужден был рассмотреть вопрос «О состоянии трудовой дисциплины и борьбе с пьянством в совхозе «Лысьвенский». Во вступительном слове председатель райкома профсоюза работников сельского хозяйства Н. Веретенников привел следующие цифры: в Новой ферме из 45 работников на долю 8 человек приходился 231 прогул. За год 59 работников совхоза побывали в медицинском вытрезвителе, из них некоторые по 4–5 раз, 15 человек привлечены к уголовной ответственности, 16 механизаторов лишены прав.

Рекомендации и решения декабрьского совещания, прошедшего в горисполкоме, носили формальный административно-бюрократический характер и никак не могли повлиять на исправление трудовой дисциплины не только в совхозе «Лысьвенский», но и в других хозяйствах района. Исполком рекомендовал руководителям хозяйств, секретарям парткомов и председателям профорганизаций направлять рабочих, наиболее склонных к употреблению алкоголя, в лечебно-трудовые профилактории, чаще читать лекции на антиалкогольные темы, развернуть наглядную агитацию, разработать комплексный план по укреплению трудовой дисциплины, оживить работу советов дисциплины, провести учебу руководящих кадров, наладить коллективную ответственность за состояние трудовой дисциплины, открыть дополнительные опорные пункты милиции и добровольной народной дружины, улучшить работу сельских клубов.

Медленно и неуклонно лысьвенское сельское хозяйство приближалось к состоянию глубокого кризиса. Парадоксально звучит, но закат колхозно-совхозного строя в Лысьвенском районе совпал с начавшимся в 1975 году строительством Новорождественского мясо-молочного комплекса. Огромное предприятие возводила ПМК-187 треста «Лысьвапромстрой»

свыше 2-х лет. На строительство было затрачено более 2-х миллионов рублей¹.

Новорожденцевский учитель и краевед А. Окунев писал: *«Началось невиданное до сих пор строительство. Вместе со строителями в село хлынула вторая волна переселенцев, которая начисто смела прежний патриархальный быт. Началось строительство грандиозного мясо-молочного комплекса, двух новых улиц с каменными двухквартирными домами, двумя многоквартирными домами, прокладывались коммуникации водоснабжения и парового отопления, возводились два больших пруда для работы мелиоративной системы, развертывались мастерские, гаражи, хранилища, два комплекса по переработке зерна, склады, прокладывались асфальтовые дороги, а затем была построена средняя школа и детский сад. В планах было строительство дворца культуры и крупного административного центра. Кажется, люди ошалели от размаха строительства. Село буквально менялось на глазах. Деньги текли рекой, зарплату платили аккуратно и во все больших размерах... Кого только здесь не было: корейцы, армяне, коми-пермяки, немцы, молдаване, украинцы и прочий люд, именуемый «шабашниками». Жизнь в селе пошла развеселая, все больше пьяная и разгульная. Дисциплина начала падать, а к технике и прочим ресурсам относились по-варварски».*

С пуском комплекса в действие сразу же проявилось огромное количество недостатков, технических и организационных огрехов. Во-первых, неудачным оказался выбор места – далеко от города, железнодорожного сообщения и т.д. Во-вторых, имелось много ошибок проектантов, которые приходилось исправлять как во время строительства, так и в процессе эксплуатации комплекса. В-третьих, халатно отнеслись к возведению комплекса руководители треста «Лысьвапромстрой», использовавшие на стройке в основном так называемых «химиков», условно освобожденных из заключения лиц, не

¹ Много это или мало, можно судить по тому, что убытки сельского хозяйства Лысьвенского района в 1979 году составили 1,5 млн. руб., а в 1980 году государство вложило для поддержки колхозов и совхозов 2,5 млн. руб.

имеющих специальной строительной подготовки. Не случайно в акте приемки объекта имелось 6 страниц замечаний. Спустя три года после пуска очередная областная комиссия отметила, что проектная мощность комплекса освоена только на 25%. Недоделки, брак, проектировочные ошибки так и не были устранены до последних дней существования комплекса.

Еще на стадии обсуждения решения о строительстве комплекса в Новорождественске имелись сомнения относительно реальной возможности создать надежную кормовую базу для скота. Говорилось также об отсутствии достаточного количества пастбищных угодий, что вполне подтвердилось в первый год работы комплекса. Летом 1979 года 143 теленка пришлось перегонять на пастбища, расположенные в 40 км от фермы. Вместо плановых 800 голов на ферме разместили только 440 коров. Что касалось производства молока, то, даже спустя 2 года после пуска комплекса в строй, надои составляли 50–60% к плану. Суточный надой составлял 3,5 л на корову. Себестоимость 1 ц молока превышала 50 руб. Тарифная система оплаты труда уравнивала добросовестных и нерадивых доярок. На молокозавод в Лысьву молоко поступало с механическим загрязнением и повышенной кислотностью.

Не оправдалась надежда на привлечение рабочей силы «со стороны». Народа в село понаехало много, но в основном это были искатели «длинного рубля», привлеченные большими заработками на стройке. Коренное крестьянское население быстро растворилось среди приезжих. На комплексе не хватало 124 работника. Процветало пьянство, что напрямую отражалось на результатах работы всего предприятия. Так, один из слесарей перепутал вентили и вместо молочных баков выпустил около 2 ц молока в канализацию; другой наехал на тракторе на опору, и в результате целый день на комплексе не работали электродвигатели и в помещениях не было света; еще один тракторист вместе с семьей уехал на тракторе в гости в соседнюю деревню, и в результате несколько дней не начем было подвозить корма на ферму.

25 сентября 1979 года в совхозе «Лысьвенский» вышел приказ о разукрупнении хозяйства на две части: совхоз «Лысьвенский» и совхоз «Новорождественский». В новый совхоз

1 ряд (слева направо):

*М. В. Лутовинов – управляющий 2-го отделения,
П. Г. Треногина – бухгалтер 2-го отделения,
Н. Г. Леухин – директор совхоза «Лысьвенский»*

вошли бывшие пятое (Новорождественское) и шестое (Аитковское) отделения. В состав нового хозяйства отошли населенные пункты Новорождественское и Аитково с прилегающими деревнями и д. Валюшино. Штат совхоза состоял из 413 рабочих.

К началу 1980 года в распоряжении новорождественского мясо-молочного комплекса имелось 27 гусеничных тракторов, из них 12 исправных, 29 колесных тракторов (исправных 26), 13 зерноуборочных комбайнов (8), 7 силосоуборочных комбайнов (3), 19 тракторных плугов (9), 13 культиваторов (5), 13 сеялок (7), 12 автомобилей (7). Из-за халатной эксплуатации гидрослив навоза разрушил сами помещения, поливная система так и не заработала на полную мощность и вскоре ее забросили, не удалось наладить систему отопления; но, самое главное, из-за низкой продуктивности естественных сенокосов не удалось решить проблему обеспечения скота кормами. Для заготовки соломы приходилось командировать бригады рабочих в Курганскую и Актюбинскую области. Перегружать солому

из вагонов в автомашины на железнодорожные станции в Лысьву и Кунгур отправляли полеводов. Для стимулирования труда рабочих в отделении широко процветала система доплат в виде поощрений от 5 до 10 рублей.

Очевидным было понимание того, что многотрудные проблемы сельского хозяйства можно решить только за счет их комплексного решения. Как показала жизнь, мало было увеличивать машино-тракторный парк, расширять посевные площади и удобрять поля, нужно было создавать приемлемые условия жизни для тружеников села. Исходя из этих соображений, Пермский филиал института «Уралгипросельхозстрой» приступил к разработке перспективного плана развития центральной усадьбы совхоза «Новорождественский». Решение было явно запоздалым, потому что совхоз уже задыхался от не зависящих от его работников трудностей в виде дефицита кадров, технических недоделок комплекса, скудной кормовой базы. Вместе с тем, началось строительство жилья для рабочих. Новые дома возводились по городским стандартам, без подсобных помещений для скота, топлива, огородов, что вызвало острые нарекания со стороны новоселов.

Суммируя количество построенного жилья и анализируя качество набора рабочей силы, корреспондент В. Хайбутов писал в областной газете «Звезда» от 6 июля 1983 года: *«...для комплекса в Новорождественске уже построено 84 квартиры... животноводческое производство вполне можно укомплектовать надежными кадрами. Но большая часть нового жилья попала не по адресу. Много квартир досталось случайным для совхоза и, прежде всего, для комплекса людям. Прежние руководители принимали на работу кого попало. Причастна к этому и административная комиссия горисполкома, которая направляет на трудоустройство в отстающие хозяйства лиц, не отличающихся приверженностью к труду и дисциплине»*. В соответствии с планами развития социальной сферы центральной усадьбы совхоза предполагалось строительство нового Дома культуры, детского сада, школы, больницы, торгового центра, административных зданий, котельной для села, очистных сооружений, зоны отдыха, центрального отопления, газификации и водопровода.

В дополнение к уже возведенным объектам должна была расширяться промзона совхоза за счет строительства центральных ремонтных мастерских, пункта технического обслуживания сельхозтехники, складов, раствора-бетонного узла, пилорамы.

В течение пятилетки в хозяйствах района велось небывалое строительство жилья, ферм, скотных дворов, складов:

Наименование хоз-ва	Жилье	МТФ, склады и т.п.
С/х «Ново-рождественский»	Блочные дома на сумму 444 тыс. руб., четыре двухквартирных и один 22-квартирный дом.	МТФ, КЗР, зерносклад и др.
С/х «Лысьвенский»	На центр. усадьбе — 4, в Оленях — 2, в Откормочной — 2, в Заимке — 1 дом.	Склад удобрений, карто-фелехранилище на 1 тыс. т, МТФ и др.
К/з «Новина»	4 дома	Школа, теплый гараж, административное здание, магазин и др.
К/з Мир»	4 дома	Рем. мастерская, комплекс на 420 голов, зерносклад, школа, детский сад и др.

В целом по району было построено около 8 тыс. квадратных метров жилья, в т.ч. 5380 кв. м — хозспособом. Остро не хватало пиломатериалов, цемента, кирпича, стекла, шифера, сантехизделий. В связи с отсутствием собственной строительной базы и рабочей силы возведением жилья, складов, зернотоков и др. в основном занимались городские шефы. Профессиональные строители неохотно выступали в роли подрядчиков в сельском строительстве; а если и брались за что-то, то строили подолгу.

За десятую пятилетку сельское хозяйство получило от государства на развитие около 9 миллионов руб. Несмотря на убыточность предприятий, зарплата работникам выдавалась регулярно. Добросовестно работающий механизатор в среднем получал от 130 до 140 руб. в месяц.

Напряженная работа по развитию сельского хозяйства района не приносила желаемых результатов. Планы по поставкам молока систематически не выполнялись. При средне-районных показателях 2300 кг молока от одной коровы в лидерах молочного производства выступали МТФ Аитково – 2637 кг и Валюшино – 2384 кг. За первое полугодие 1981 года совхоз «Лысьвенский» недопоставил государству 160 т молока, «Новорждественский» – 90 т, колхоз «Мир» – 3 т. Единственное хозяйство – колхоз «Новина» выполнило план на 122%. Имело место существенное отставание по производству мяса, картофеля и овощей.

На 26-м съезде КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев заявил, что *«Животноводство – это сегодня ударный фронт на селе»*. Для претворения этого тезиса в жизнь центральные и местные органы власти приняли целый ряд решений и постановлений. Их главная мысль – использовать для пополнения товарного рынка сельскохозяйственной продукции возможности индивидуальных хозяйств и промышленных предприятий и организаций. В числе первых нормативных документов было совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР (январь, 1981 г.) «О дополнительных мерах по увеличению производства сельскохозяйственной продукции в личных подсобных хозяйствах граждан». Постановление обязало сельскохозяйственные организации помогать гражданам в разведении скота и реализации животноводческой продукции населению. 26 января 1981 года Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О местных налогах и сборах» и Положение, в котором утверждались льготы на местные налоги, в частности, от налогов освобождались строения и земли колхозов. Тему развития личных и промышленных подсобных хозяйств продолжил развивать ноябрьский (1981 г.) пленум ЦК КПСС.

В июле 1981 года 6-я сессия 17-го созыва Лысьвенского горсовета рассмотрела вопрос «О перспективах развития сельского хозяйства в одиннадцатой пятилетке». Схема решений, принятых сессией, ничем не отличалась от подобных мероприятий предыдущих лет. В документах привычно указывалась необходимость широкой механизации сельскохозяй-

ственного производства, использования удобрений, ускоренного жилищного строительства на селе и т.п. Впервые депутаты заговорили о целенаправленном развитии подсобных хозяйств предприятий, жителей города и колхозников. Большой доклад по теме сделал начальник сельхозуправления горисполкома Б. Неганов.

Личные подсобные хозяйства были обычным явлением для горожан и колхозников. Только благодаря собственному подворью они выживали в военные и послевоенные годы. Не вина колхозников и горожан в том, что время от времени государство то поощряло, то вынуждало сворачивать подворья, и они то расширялись, то влачили полулегальное существование.

Начало одиннадцатой пятилетки в Лысьвенском районе ознаменовано новым всплеском развития личных подворий. Уже на 1 января 1982 года частные владельцы имели 2717 голов крупного рогатого скота. На ссуды для приобретения коров для личных подворий была заложена сумма 20 тыс. руб. Предполагалось, что к концу 1985 года количество КРС увеличится до 3 тыс., свиней – до 3, 2 тыс., овец – до 3, 5 тыс., коз – до 1,5 тыс. голов. К 1988 году хозяева личных подворий сдавали государству более 200 т мяса и 250 т молока.

Всячески поощрялись садоводческие кооперативы. В 1982 году в пригородной зоне насчитывалось 16 коллективных садов и более 2 тыс. садоводов.

Бурное развитие личных подворий и увеличение количества частного скота породили проблему, заранее никем не просчитанную – нехватку кормов и, прежде всего, комбикормов. Обеспечение покосами владельцев коров и отчасти коз удалось решить достаточно успешно¹.

Увеличилось воровство сена и соломы с полей пригородных угодий совхоза. Председателю городского комитета народного контроля Г. Ральникову пришлось создавать спе-

¹ Причина, по которой довольно скоро угас энтузиазм граждан содержать личный скот, заключалась не столько в недостатке покосов, сколько в трудностях, связанных с вывозкой заготовленного сена, хотя то и другое являлось серьезной проблемой для граждан пенсионного возраста, основных владельцев коров и коз.

циальный штаб по мобилизации сил, направленных на охрану общественного сена и соломы, а затем также защищать от расхитителей совхозный картофель и овощи.

Зимой 1982 года неожиданно встал вопрос о нехватке в городе хлеба и хлебобулочных изделий. По вечерам после окончания рабочей смены на предприятиях в хлебных магазинах скапливались большие очереди. Жители окраинных районов устремлялись за хлебом в центр города.

Причин хлебного дефицита было несколько. Это невыполнение хлебокомбинатом заявок городских магазинов, нарушение графика поставок машин АТП для завоза хлеба по торговым точкам. По требованию горисполкома производство хлеба в городе увеличилось с 38 до 41 т в сутки. В ряде случаев сократился вес хлебных изделий. Была установлена норма выдачи одному покупателю не более 3-х буханок хлеба. При нарушении нормы строго наказывались заведующие магазинами. Граждане правдами и неправдами старались нарушить норму, поскольку хлеб шел на корм домашнему скоту и птице. В этом и заключалась главная причина хлебного дефицита, хотя корни ее произрастали отнюдь не в Лысьве. Ответом власти на вопрос жителей города: «Где взять комбикорм или дешевую крупу для кормления скота?» было молчание¹.

Комбикормов, как и других пищевых добавок, общественному животноводству катастрофически не хватало. По примеру ряда городов Пермской области лысьвенский горисполком принял решение организовать сбор пищевых отходов у населения. По прикидкам специалистов, общественные свинофермы могли таким образом получать дополнительно до 2700 т кормов в год. При быткомбинате организовали специальную хозрасчетную бригаду, для сбора отходов в подъездах многоквартирных домов установили специальные бачки, но широкого распространения идея так и не получила. Относительно регулярно пище-

¹ Подавляющему большинству лысьвенцев было неизвестно, что в эти годы страна жила за счет зерновых поставок из-за границы.

вые отходы отвозились из общественных столовых на свинофермы подсобных хозяйств предприятий.

Частные подворья в определенной степени обеспечивали личные потребности граждан в мясо-молочной продукции и овощах. Однако оставалось большое количество предприятий общественного питания в заводах, школах, больницах, которые тоже нуждались в регулярных поставках мяса и молока. Так получила новое дыхание некогда существовавшая практика содержания на предприятиях подсобных хозяйств, ориентированных на производство мясо-молочной и овощной продукции.

Для лысьвенского металлургического завода идея подсобного хозяйства была не нова. Долгие годы при ОРСе завода действовали «Лысьвенское» и «Заимское» подсобные хозяйства. В 1960 году на их базе был создан совхоз «Лысьвенский».

Сигнал для возрождения подсобных хозяйств на предприятиях дал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. Брежнев. Он призывал каждое предприятие иметь свое подсобное хозяйство, и *«Решать такие вопросы надо срочно, смело, инициативно»*.

В 1965 году, не зависимо от вышестоящих органов, турбогенераторный завод завел свиноферму на 15 голов с перспективой увеличения свиного поголовья до 100 голов, парниковое хозяйство на 640 рам, но в 1980-е годы подсобное хозяйство ТГЗ развивалось трудно и медленно.

В числе первых организовало свое подсобное хозяйство руководство торго. Начало его развитию положило воспроизводство цыплят, которых продавали на городском рынке. В октябре 1981 года в торге пустили в строй свинарник на 1000 голов.

Металлургический завод построил свиноводческий комплекс на 1000 голов, МТФ на 200 коров на выезде из города на трассе Кунгур-Соликамск. Таким образом, четко обозначилось мясо-молочное направление деятельности подсобного хозяйства. За год удалось возвести теплицу площадью 6000 кв. м. Для заводских столовых выращивали картофель, морковь, свеклу, укроп, петрушку и другую зелень. В перспективе предприятие планировало расширить посевные площади со 150 до 778 га.

Как показала жизнь, планируемых посевных площадей оказалось недостаточно. Около города свободных земель не имелось. Против вырубки лесов и раскорчевки выступал горком партии, в чем его поддерживало население города. Оставалось одно – осваивать поля заброшенных деревень, находящихся в десятках километрах от города. Для этого требовалось строить дороги, мосты, возводить хозяйственные постройки, что значительно удорожало и без того малорентабельное производство молока и мяса. Не последнюю роль в высокой себестоимости продукта играла дороговизна привозных кормов для скота.

В результате поисков путей удешевления сельхозпродукции у металлургов родилась идея арендовать 1-е отделение «Откормочная ферма» у совхоза «Лысьвенский». Против такого подхода выступал директор совхоза Н. Немтинов. Он видел в аренде не только прямые убытки, но и отсутствие перспективы в развитии хозяйства. По его данным, аренда изымала бы из оборота совхоза 18,3% пашни, 18% скота, 13% основных средств, 30% естественных сенокосов и выпасов. Директор предлагал сотрудничество совхоза и завода на паях, что, однако, не устраивало заводское руководство. Активно за аренду выступали СТК и общественные организации совхоза – партком и профком. В их аргументации звучали не столько соображения экономической целесообразности, сколько забота об улучшении условий жизни и труда рабочих: строительство жилья, благоустройство, газификация.

Похожую схему сотрудничества на паях предлагал директор совхоза «Канабековский» М. Шакиров руководителям НПО «Привод». Электромашиностроители пошли по пути заключения арендного договора с 3-м отделением совхоза «Лысьвенский». У них были свои планы. Директор подсобного хозяйства НПО Н. Леухин говорил, что если хозяйство наберет силу, то почему бы ему не стать самостоятельным мясомолочным предприятием, имевшим на балансе примерно 100 дойных коров. Насколько обоснованными были планы директора подсобного хозяйства, если производительность на 1 работника в его хозяйстве составляла 4280 руб. в год, тогда как в совхозе – 5285 руб. СТК совхоза не вникал в такие тонкости и не возражал против аренды.

Противником аренды, предложенной трестом «Лысьвапромстрой», выступал директор совхоза «Новорождественский» А. Паршаков. Он доказывал, что она более чем не выгодна хозяйству. В качестве примера Паршаков приводил строительство свинарника трестом в Сое, продолжавшегося 7 лет, но так и не законченного. При этом было затрачено более 900 тыс. руб., и в конце концов госбанк прекратил финансирование стройки. Своими силами совхоз строил подобные объекты за 150–180 тыс. руб. В случае заключения аренды все затраты за строительные долги треста совхоз должен был покрывать за счет произведенного мяса.

*Передовая доярка
фермы «Новая»
Л. В. Теплохова*

Точку в спорах о целесообразности аренды поставила комиссия совхоза с участием специалистов областного агропрома и РАПО. В разработанном проекте по аренде Откормочной фермы отмечалось: «Срок аренды 5 лет, ежегодная арендная плата 1 миллион 211,3 тыс. руб.» Условия аренды не удовлетворили заводскую администрацию, и от заключения договора заводчане отказались.

Свои подсобные хозяйства основало объединение «Лысьвалес» в Кормовище, Невидимке, Ломовке. В них содержалось более 100 коров, 100 свиней, 65 пчелосемей. За один год подсобные хозяйства объединения производили до 20 т мяса, 40 т молока, около 2,7 т меда. В перспективе объединение планировало обрабатывать 660 га посевных площадей.

Затягивалось строительство подсобного хозяйства треста «Лысьвапромстрой». В качестве генподрядчика выступало СМУ-2, но строительство вели СМУ-1, СМУ-3 и Ляминское СМУ. Сдача объекта предполагалась во 2-м квартале 1984 года, 4-м – 1985 года, 4-м – 1986 года, 2-м – 1987 года, 2-м – 1988 года. В 1988 году трест продал всего 5 т мяса в жи-

вом весе, используя для выращивания скота старые непригодные помещения.

Значительные трудности при организации подсобных хозяйств испытывали небольшие промышленные предприятия, такие, как мясокомбинат, гормолзавод, ДСУ и другие. Директор мясокомбината С. Алексеев предлагал кооперироваться несколькими предприятиями и создавать одно общее хозяйство, т.к. его подсобное хозяйство было маломощным и убыточным.

К концу 1981 года в подсобных хозяйствах имелось 90 голов КРС и 1244 свиней. Спустя 7 лет хозяйства имели 558 голов КРС, в том числе 159 коров, и 4239 свиней. В общей сложности удалось сдать на мясо 552 т скота в живом весе и 177 т молока.

Помимо мяса и молока, подсобные хозяйства занимались выращиванием рыбы, картофеля и овощей. Металлургический завод использовал довоенный опыт и возобновил производство товарного карпа и форели. Рыбное хозяйство предприятия производило до 132 т продукции и стало одним из крупнейших в области.

Подсобные хозяйства предприятий в чем-то напоминали небольшие совхозы с теми же проблемами нехватки специальной техники, удобрений, специалистов, угодий и, самое главное, рабочих. Именно о нехватке рабочих рук постоянно докладывал директор подсобного хозяйства ЛМЗ П. Коваленко заводскому руководству. В свою очередь, предприятия не могли выделять необходимое количество рабочих, потому что с них никто не снимал шефские обязанности перед колхозами и совхозами, закрепленные решениями горкома партии и горисполкома.

Одним из самых эффективных подсобных хозяйств города являлось хозяйство Лысьвенского АТП. До прихода на должность директора В.Красильникова в хозяйстве имелось 90 свиней и 1 га земли. Новый директор поставил дело так, что в течение нескольких лет земельные угодья хозяйства расширились до 900 га, дойное стадо коров увеличилось до 100 голов, телят до 120 голов, свиней до 150 голов. В ходе работы осуществлялась постоянная выбраковка низкопородного скота и его замена высокопродуктивными производителями.

Колхоз «Новина». Уборка зерновых. На комбайне В. Ибатулин

В результате отбора и должного ухода удой на одну фуражную корову составил более 5 000 л молока, показывая самые лучшие результаты в районе. Из 10 овец романовской породы, закупленных на племенной ферме в Шадейке, удалось развести отару в количестве 375 голов. Овцеводство признавали одним из лучших в области. Хороший доход давала пасека, состоявшая из 100 пчелосемей. Для увеличения сбора товарного меда в хозяйстве засевали медоносными травами значительные площади.

Подсобное хозяйство АТП являлось одним из немногих в районе, где никогда не испытывали нехватку кормов¹. Неоднократно случалось, что подсобное хозяйство АТП делилось с совхозом «Лысьвенский». Осенью в хранилища закладывалось до 600 т зерна в амбарном весе.

Постоянно расширялся машино-тракторный парк хозяйства. К концу 1990-х годов на балансе значились 12 тракторов, 5 автомашин, 2 комбайна, 1 автобус, кормозаготовительный комплекс, несколько фургонов, вся линейка прицепной техники. Директор Красильников не пропустил момент, когда разва-

¹ Исключение составил 1981 год, когда солому на корм скоту пришлось закупать в сельских хозяйствах юга Пермской области.

ливались колхозы и совхозы, и по недорогой цене закупил немало дополнительной сельхозтехники.

В отличие от соседних отделений совхоза «Лысьвенский» в хозяйстве не стояла кадровая проблема. Добросовестно трудились доярки, механизаторы, скотники, пастухи. Жестко действовала система учета. В конце рабочей смены каждая доярка знала, сколько молока и какой жирности она надоила от одной и всей группы коров, каждый механизатор знал, сколько гектаров поля он вспахал или накосил травы, у телятниц фиксировался ежесуточный привес молодняка. Вся информация собиралась в учетной документации. На ее основе выдавалась заработная плата, которая, кстати, была выше, чем в любом другом совхозном или колхозном хозяйстве района.

После отделения от базового предприятия и приобретения статуса юридического лица значительно возросла деловая активность хозяйства и его работников. Например, большие объемы молочного производства побудили специалистов организовать рядом с МТФ молокоперерабатывающий пункт. На его переработку повезли молоко колхозники и фермеры из Оленей, Аитково, Матвеево, Моховлян, Заимки. В городе в 5–7 торговых точках шла продажа молока и молокопродуктов.

Таким образом, подсобное хозяйство АТП, единственное из подобных хозяйств Лысьвенского района, пережило все перипетии «перестройки, ельцинских реформ и шагнуло в 21-й век.

В отличие от «атповцев» дела в других хозяйствах шли не настолько удачно. Затяжная весна и засушливое лето 1981 года поставили под угрозу заготовку кормов для общественного скота. Вопреки ожиданиям не удалось получить отдачу от сенокосных угодий, подготовленных к орошению. Более 1,5 млн руб. было затрачено в совхозе «Новорождественский» на установку поливального оборудования; проложены подземные трубы; оборудована насосная станция; но ее-то как раз и не сумели запустить работники кунгурского ремзавода. Не эффективным оказался полив покосов в совхозе «Лысьвенский». Вся надежда на заготовку сена оставалась на ручное сенокошение в логах, на неудобиях и поймах рек, для чего требовалось большое количество косарей.

*Уборка зерновых. 2-е отд. совхоза «Лысьвенский»
Первая справа руководитель отделения Р.В. Лапшина*

Рабочих рук катастрофически не хватало. В начале 1980-х годов в полной мере сказалась политика свертывания «неперспективных» деревень. Так, в деревне Выломово проживало 40 рабочих совхоза «Лысьвенский». Их решили переселить в центральную усадьбу, но, несмотря на предоставленное жилье, около 30 человек отказались работать в сельском хозяйстве и переехали в город. Таким образом те же сенокосные неудобицы отодвинулись от центральной усадьбы на десятки километров и стали недоступными для заготовки кормов.

Угроза зимней бескормицы вынудила горком партии и горисполком обратиться в первых числах июля к жителям города и села с воззванием, начавшимся со слов: *«Решается судьба кормовой базы для общественного животноводства на предстоящую зимовку. А значит – судьба планов по обеспечению населения города продуктами питания»*. Предлагалось каждому двору заготовить по 500 кг зеленой массы. На 4

и 5 июля назначался общегородской субботник по заготовке и сдаче травы на пункт приготовления АВМ в деревне Липовая. За каждый сданный килограмм травы полагалась плата в размере 4 коп. Начальник сельхозуправления Б. Неганов обратился с призывом: *«Надо, чтобы ни один ложок, ни один овраг не остался невыкошенным».*

Информация о заготовке кормов напоминала фронтовые сводки. Насколько успешно шел процесс, судить сложно, но жители Первомайского поселка заготовили 2 т травы, работники горисполкома за день субботника накосили в районе Липовой 10 т, 50 владельцев личного транспорта сдали по 500 кг.

Вероятно, результаты общественной заготовки травы и сена были не столь впечатляющи, как рассчитывали представители власти, потому что вслед за обращением горкома партии было опубликовано распоряжение председателя горисполкома А. Бликанова: *«Обязать владельцев личного авто-мототранспорта заготовить и доставить корма... по 400 кг зеленой массы или 100 кг сена, имеющим мотоцикл без коляски – по 200 кг зеленой массы или 50 кг сена».* Автозаправочным станциям города разрешалось с 1 августа 1981 года производить заправку личного транспорта только при наличии справки и выполнении заданий по заготовке кормов, выданной хозяйствами района. В результате в течение лета-осени 1981 года владельцы личного авто-мототранспорта сдали на пункты АВМ и МТФ 2 тыс. т кормов. В следующем, 1982 году, исполком продублировал распоряжение о заготовке кормов владельцами личного транспорта, которые завезли на фермы 1800 т зеленой массы.

Незаконное привлечение владельцев личного транспорта к заготовке кормов никак не повлияло на повышение продуктивности общественного молочного производства. Например, за первое полугодие 1982 года по сравнению с этим же периодом 1981 года производство молока в колхозе «Мир» снизилось на 188 кг от одной коровы, в совхозе «Новорожденский» – на 104 кг, в совхозе «Лысьвенский» – на 30 кг. Только колхоз «Новина» показал прирост в 188 кг молока на одну корову к уровню предыдущего года. «Новина» являлась

единственным хозяйством района, регулярно выполнявшим поставки молока и мяса.

На одном из партийно-хозяйственных активов города специалисты сельского хозяйства отметили «странную закономерность»: удобрений хозяйства получают больше – урожай зерновых становится меньше; кормов заготавливается больше – надои молока получаются меньше; количество техники увеличивается, а выработка падает; увеличивается выращивание картофеля, а семена приходится закупать.

Это признание подтвердил в своем выступлении секретарь ГК КПСС В. Юрин на майском (1982 г.) пленуме горкома партии. Он, в частности, сказал, что *«...производство сельского хозяйства в районе не растет, планы продажи государству важнейших видов продукции не выполняются»*.

Причины замедления темпов развития сельского хозяйства каждый видел по-своему. Уроженец деревни Паинцы М. Шихов писал: *«Родные сердцу места сейчас почему-то наводили уныние и тоску. Вот передо мной Рожковское поле с редкими чахлыми колосьями овса вперемежку с сорняком. А когда-то здесь шумела отборная рожь, рос густой клевер... Поле вдоль и поперек изъезжено машинами. Та же участь постигла Кульбиновское поле, на котором вместо когда-то колосившейся пшеницы буйно пестрели ромашки»*.

Механизатор В. Кобелев из норождественского совхоза, где директора менялись едва ли не каждый год, причиной неуспехов считал слабое руководство хозяйством. Он с завистью говорил о председателе колхоза «Новина» М. Елохове: *«Ему близки судьбы крестьян, и он знает, как достается буханка хлеба и литр молока. Он сумел найти подход к своим колхозникам, он верит им, а они – ему»*.

Управленческих промахов, просчетов, организационных и других неувязок в сельском хозяйстве было так много, что они приобрели системный характер. Сил и средств на увеличение производства сельхозпродукции с каждым годом затрачивалось все больше, а результаты оставались прежними или даже становились хуже.

Продовольственная программа

24 мая 1982 года в Москве состоялся пленум ЦК КПСС с повесткой «О Продовольственной программе СССР на период до 1990 года и мерах по ее реализации». Выполнение решений июньского и ноябрьского (1982 г.) пленумов ЦК применительно к Лысьвенскому району рассмотрели пленумы ГК КПСС (июнь и декабрь 1982 г.) и 1-я сессия 18-го созыва городского Совета (июнь 1982 г.). Выступая с докладом на декабрьском пленуме, секретарь ГК КПСС В. Юрин призывал придать устойчивый характер развитию сельского хозяйства района, изучить и исправить ошибки прошлых лет, выделить кормопроизводство в самостоятельную отрасль, полнее осваивать севообороты и т.п. Председатель горисполкома А. Бликанов в своем выступлении потребовал повысить ответственность руководителей и специалистов сельского хозяйства за конечный результат деятельности вверенных им хозяйств.

Продовольственная программа оказалась документом неконкретным и, в сущности, косметическим, ничего нового не сказавшим работникам сельского хозяйства. Она суммировала хорошо известные тезисы о механизации, химизации, широком применении современных технологий и научной организации труда, улучшении хранения и переработки сельхозпродукции, повышении ответственности и укреплении трудовой дисциплины, как бы подтверждая, что деревня уже не могла прокормить город. В верхних эшелонах государственной власти понимали – бесконечно жить за счет покупки заграничного зерна и мяса, а также введения отечественных талонов на продукты питания нельзя.

Основная тяжесть выполнения Продовольственной программы легла на плечи колхозников и рабочих совхозов. В 4-х лысьвенских хозяйствах в начале выполнения Программы трудились 1530 человек при условии острой нехватки рабочих рук. Это относилось как к колхозам, так и совхозам. Велика была текучесть кадров, что объяснялось низкой профессиональной подготовкой работников. На каждые десять рядовых тружеников приходился один руководитель. Из 278 механиз-

торов 1-й и 2-й классы имели 131 человек, а из 715 доярок статус «классных» специалистов подтвердили только 29 человек. В пересчете на средства производства на каждое отделение совхозов приходилось примерно 2000 га пашни, от 500 до 600 голов крупного рогатого скота. Несколько меньше земли и скота приходилось на колхозы.

Кризисное состояние сельского хозяйства Лысьвенского района не являлось чем-то исключительным из общего правила. Местные руководители пытались интенсифицировать сельское хозяйство по привычным лекалам. Партийный аппарат активизировал так называемую идеологическую и общественно-политическую работу, особенно оживившуюся после июльского (1983 г.) пленума ЦК КПСС. Это направление деятельности Лысьвенского горкома КПСС заслуживает отдельного изучения, но ограничимся перечислением некоторых мероприятий. Прежде всего, выросло количество различных штабов, контролирующих весеннюю пахоту, уборку зерновых, заготовку кормов для общественного животноводства и семян под будущий урожай, ремонт техники и ее хранение, организацию и ход зимовки скота и т.д. Как правило, членами штабов и комиссий являлись высокопоставленные чиновники горкома партии и отделов горисполкома.

В городскую комиссию по сельскому хозяйству вошли секретарь горкома партии, заместитель председателя горисполкома, зав. сельхозотдела горкома партии, председатель плановой комиссии горисполкома, зав. промышленно-транспортного отдела горкома партии, главный инженер по заготовкам и качеству сельхозпродукции, корреспондент газ. «Искра».

В июле 1983 года в горисполкоме состоялось заседание по вопросу «О мерах по устранению недостатков в развитии коллективного садоводства в районе». К этому времени в пригороде уже существовала развернутая сеть садоводческих товариществ, сосредоточенных вокруг бывших деревень Каменный Лог, Паныша, Кабаны, Сухой лог. Спрос на дополнительные земельные участки был так велик, что горожан не останавливали даже большие расстояния до вновь организованных садов. Острые дискуссии о выделе-

нии земли под садовые участки вспыхивали на сессиях городского совета. Защитники леса выступали против вырубки пригородных лесов, владельцы скота защищали покосы и выпасы, картофелеводы настаивали на неприкосновенности своих участков.

Специальная комиссия горисполкома отслеживала законность передачи земли пользователям под сады, пасеки, дачи. На выделенных участках запрещалось строить капитальные дома, гаражи, бани. Особенно много нарушений такого рода комиссия обнаружила в Каменном Логу, Липовой, Первой Обманке¹.

Количество коллективных садов увеличивалось год от года. В 1988 году их насчитывалось 20 с занимаемой площадью 221 га. Одновременно жители города и села обрабатывали 342 га угодий, на которых выращивали для собственных нужд картофель².

По областному примеру в Лысьве создали комиссию по контролю и содействию деятельности подсобных сельских хозяйств, принадлежавших предприятиям, организациям и учреждениям. Именно эта комиссия пришла к выводу, что 40 предприятий района могут иметь свои подсобные хозяйства, тогда как к началу 1983 года имелось только 12 хозяйств.

¹24 декабря 1984 года Совет министров СССР определил нормы строительства в коллективных садах. В соответствии с ними площадь садового домика не должна превышать 25 кв. м, веранды от 10 до 15 кв. м. Внутренняя высота дома от пола до потолка не должна превышать 2,5 м, а высота всего строения от земли до конька – не более 5 м. Разрешалось иметь погреб площадью до 8 кв. м., хозяйстройки – не более 15 кв. м и высотой не более 3-х м. Бани, гаражи и т.п. возводить запрещалось.

²В декабре 1987 года Пермский облисполком принял постановление «О недостатках в развитии коллективного садоводства и огородничества в области и дополнительных мерах по улучшению этой работы», в котором обязывал каждое предприятие иметь коллективные сады и огороды. По данным лысьвенского статуправления садоводством в городе занималось 3,6 тыс., а картофелеводством 8,9 тыс. семей.

*Группа работников 2-го отделения совхоза «Лысьвенский».
В первом ряду крайний справа
начальник сельхозуправления горисполкома Б. С. Неганов*

Комиссия установила, что горисполком медленно решает вопросы по отводу земли подсобным хозяйствам, которые, вероятно, по этой причине не развивали свою кормовую базу и содержали скот за счет государственных кормов. В свою очередь, через комиссию горисполком задавал «далеко не напряженные планы» предприятиям по производству мяса и молока. На первом этапе своей деятельности подсобные хозяйства обязывались производить на 1 жителя города 1,9 кг мяса и 0,8 кг молока в год.

Увеличилось количество всевозможных социалистических соревнований среди доярок и молочно-товарных ферм, механизаторов на вспашке и уборке урожая, полеводов. Перед началом каждого соревнования в прессе или на партийно-хозяйственном активе выступали с обращением специально подготовленные люди и публично призывали ударно потрудиться к юбилею Октября, 1-му Мая или другому празднику.

Популярными были зародившиеся еще в первые годы советской власти «месячники», посвященные уборке урожая или заготовке кормов. В основном эти мероприятия проходили формально. О подготовке к ним докладывали в горком и горисполком и тут же забывали. Немногие руководители решали в ходе месячников конкретные заранее поставленные производственные задачи так, как председатель колхоза «Новина» М. Елохов. Правление его колхоза решило кормить скот в течение месяца только приготовленными кормами. Когда колхозники увидели, что в результате реализации этого решения снизилась себестоимость молока и повысилась заработная плата, качественная подготовка к кормлению животных на фермах в Моховлянах и Воскресенском стала нормой.

Победители соревнования получали призы: область вручала денежные премии, иногда автомобили и мотоциклы, район – переходящее Красное знамя и почетные грамоты горкома партии, горисполкома и горкома ВЛКСМ.

Заявки об участии в социалистическом соревновании сопровождались принятием повышенных трудовых обязательств. Например, по итогам кампании 1983 года Лысьвенский район обязался получить 9,5 тыс. т зерна и 310 т сверх плана, 5,3 тыс. т картофеля и 1910 т сверх плана; к 20 декабря сдать 425 т мяса, а к 28 декабря – 4820 т молока. Независимо от привходящих обстоятельств в обязательстве отмечалось, что в среднем по району с 1 га угодий будет собрано 13 ц зерновых, 95 ц – картофеля и 300 ц овощей. Принимая обязательства, руководители хозяйств уже в январе месяце знали о предстоящих проблемах с поставками горюче-смазочных материалов и минеральных удобрений, с ремонтом техники.

С регулярностью в 2–3 месяца проводились партийно-хозяйственные активы, на которых обсуждались текущие вопросы жизнедеятельности хозяйств, заслушивались отчеты председателей, директоров и специалистов.

На партийно-хозяйственных активах и в местной прессе регулярно освещалась информация о положении дел на фермах и полях, собранная участниками информационных групп горкома партии и рейдовыми бригадами.

*Передовые механизаторы Лысьвенского района
на приеме в ГК КПСС*

Важным шагом на пути реализации Продовольственной программы стало мартовское (1983 г.) решение 4-й сессии 18-го созыва Лысьвенского городского Совета о создании районного агро-промышленного объединения (РАПО) вместо сельхозотдела горисполкома. В состав объединения вошли совхозы «Лысьвенский» и «Новорождественский», колхозы «Мир» и «Новина», райсельхозэнерго, реалбаза хлебопродуктов, мясокомбинат, гормолзавод, райпо и Кыновское сельпо. Председателем РАПО избрали начальника сельхозуправления горисполкома Б. Неганова, которого вскоре заменил заведующий сельхозотделом ГК КПСС Н. Капустин. В компетенцию РАПО входили вопросы производства сельхозпродукции, капитального строительства, инфраструктура, внедрение коллективных подрядов в колхозах и совхозах.

Из года в год государство увеличивало финансирование не только прямое сельхозпроизводство, но и развитие социальной сферы села. Строилось жилье, школы, капитально ре-

монтировались клубы и ФАПы. В первом году освоения Продовольственной программы предполагалось ввести в действие основные фонды в размере 4,4 млн руб., для чего нужно было освоить 3,3 млн. руб. капитальных вложений.

Сельское строительство велось по двум направлениям – хозяйственным способом и с привлечением в качестве подрядчиков профессиональных строителей строительно-монтажных управлений № 1 и № 3 треста «Лысьвапромстрой». Хозспособ был неэффективен в силу отсутствия профессиональных строителей, материалов, строительной техники, а потому затратным. В свою очередь, городские подрядчики и субподрядчики рассматривали работу на селе как дело второстепенное. По этой причине между ними и сельчанами выстроились отношения, напоминающие шефскую помощь, когда заводчане по своему разумению могли что-то сделать или не сделать, а пообещав, выполнить или не выполнить. Выступая в роли заказчиков, колхозы и совхозы самостоятельно заказывали и корректировали проектно-сметную документацию, материалы и конструкции, нестандартное оборудование, предоставляли свой автотранспорт длястроек. Нередко в разгар уборочной страды строители предъявляли колхозникам претензии в виде недопоставок металлических конструкций, автотранспорта и т.п. При этом сами строители далеко не всегда в срок и качественно выполняли свои обязательства. На декабрьском (1983 г.) пленуме ГККПСС секретарь горкома партии В. Юрин говорил: *«Не освоены капитальные вложения по совхозу «Новорождественский», не введено жилье... СМУ № 1 на строительстве центральных ремонтных мастерских – важнейшего объекта на селе – освоил только 60% отпущенных средств».*

Несмотря на значительные капитальные вложения, отдача от них была невелика, хотя и денег требовалось значительно больше. Большие финансовые средства требовались на социальную сферу. В 1983 году в селах района имелись 4 больницы на 150 коек и 20 ФАПов. Все они располагались в приспособленных помещениях. Ежегодно горздравотдел направлял в деревню 8–10 специалистов младшего и среднего звена, и все они, проработав непродолжительное время,

Посадка моркови

из-за ненормальных бытовых и производственных условий, уезжали в город.

Партийные и советские органы считали, что привлечь колхозников и рабочих совхозов к результативному выполнению Продовольственной программы поможет так называемый коллективный подряд. Эта инициатива мало отличалась от ранее существовавших хоздоговоров звеньев и бригад с администрацией на выполнение поставленных производственных задач в кратчайшие сроки, с минимальными затратами ресурсов и высоким качеством работы. Колподряд – это то же принятие обязательства о выращивании определенного количества зерна, овощей, сдаче мяса и молока к заранее обговоренному сроку. Администрация колхоза или совхоза передавала на время в распоряжение звена или бригады землю, технику, ферму.

Горком партии создал специальную группу, занимавшуюся координацией внедрения колподряда во главе с заместителем начальника управления сельского хозяйства В. Уразовым. Спецгруппа организовала поездку руководителей хозяйств в Кишертский район для изучения местного опыта по внедрению колподряда, провела районную агрономическую конференцию, разработала план, но в лысьвенских хозяйствах коллективный подряд распространялся крайне медленно и неохотно. Не помог вызов главных агрономов и зоотехников на бюро горкома, на котором специалистам было сделано очень серьезное внушение.

К концу 1983 года бригадный подряд нашел поддержку в полеводческих бригадах д. Симоново колхоза «Мир», д. Аитково новорождественского и д. Заимка лысьвенского совхоза. Эффективной оказалась работа симоновской бригады. При плане 13 ц зерна с 1 га ее члены собрали 20,2 ц¹, а трав на сено при плане 15,1 ц с 1 га – 31,3 ц с га. По сравнению со среднерайонными показателями производительность труда у симоновских колхозников была выше на 15%, а себестоимость полученной продукции самой низкой среди лысьвенских аграриев.

Под усиленным контролем горкома партии и горисполкома к 1985 году в районе действовали 19 подрядных бригад, в том числе 12 в растениеводстве и 7 – в животноводстве. Это был максимум, который так и не удалось превзойти. Руководителей и рядовых работников пугало неумение организоваться, перестроиться, неуверенность в собственных силах, боязнь личной ответственности.

Показателен опыт работы полеводческой бригады совхоза «Новорождественский». Администрация хозяйства предоставила 16 членам бригады большую хозяйственно-оперативную самостоятельность в решении всех вопросов на угодьях площадью 803 га. В звеньях, наделенных своим кругом самостоятельности, ежедневно отмечался коэффициент трудового участия (КТУ) каждого члена, объем и качество выполненных работ, затраченное время и т.д. Удалось наладить довольно эффективную систему авансирования, доплат и премий по итогам работы, т.е. материально работников заинтересовали в полной мере. В подрядную форму труда попытались встроиться специалисты совхоза, но городской финансовый отдел усмотрел в этом факте нарушение финансовой дисциплины. Проработав с весны до осени, бригада самораспустилась. Сказались отсутствие привычки к жесткой дисциплине, ежедневной максимальной самоотдаче при выполнении любого трудового задания, систематического контроля, влияние посторонних факторов в виде бездорожья, отсутствия ГСМ, недопоставок семенного материала.

¹ В 1984 г. среднерайонный сбор зерна с 1 га составлял 14, 1 ц.

Некоторый положительный опыт, накопленный немногочисленными энтузиастами, вдохновил бюро ГК КПСС на новые призывы усилить организационную работу по пропаганде бригадного подряда среди работников сельского хозяйства.

Удачное применение метода бригадного подряда на полевых работах позволил симоновским колхозникам опробовать другую форму организации работы под названием «поточного метода при групповом использовании техники». Суть новации заключалась в том, что технологически сопряженные процессы осуществлялись в одном ритме с разрывом во времени в пределах нескольких десятков минут. При этом вся посевная техника концентрировалась на одном или рядом расположенных полях, и на её перегонку с места на место не требовалось много времени. Плюсы от такой организации работы были очевидны, поскольку земледельцы укладывались в самые оптимальные агротехнические сроки. Например, колхозники симоновской бригады и из «Новины» на Гуляевском урочище управились с посадкой зерновых за 5 дней вместо 7 дней по плану, а механизаторы заимского отделения совхоза «Лысь-венский» с помощью одновременно работающих семи комбайнов в рекордно короткие сроки убрали ржаное поле, намолачивая по 28 ц зерна с 1 га.

Бригадный подряд и поточный метод при групповом использовании техники, не получил широкого распространения в силу целого ряда причин, хотя казалось, что техники в хозяйствах достаточно. На начало 1985 года аграрии имели 289 тракторов, 72 автомашины, 64 зерновых комбайна, 88 плугов, 78 сеялок, 68 культиваторов¹. При применении поточного метода требовались большие площади под посевы или, в крайнем случае, поля, расположенные неподалеку одно от другого. Однако так было не везде. Например, в колхозе «Мир» средняя площадь одного поля составляла примерно 14 га. Все угодья находились на значительном расстоянии одно от другого, а некоторые из них располагались в 40-50 км от цен-

¹ Количество техники не означало ее качество. Из-за слабой ремонтной базы и халатной эксплуатации далеко не вся техника могла стоять на линейке готовности к нужному сроку.

тральной усадьбы. Естественно, что много времени и горючего уходило на перегоны техники. Чиновники управления сельского хозяйства горисполкома, которые производили расчеты использования горюче-смазочных материалов для колхозов и совхозов, затраты ГСМ на перегоны не учитывали. Кроме того, народные контролеры установили, что внутри хозяйств ГСМ используются крайне нерационально. Например, в совхозе «Лысьвенский» из 4 автозаправочных колонок действовала одна. Механизаторы заливали горючее ведрами без какого-либо учета. По данным проверки, только за 1-й квартал 1984 года перерасход ГСМ составил 7351 л на сумму 1204 руб.

Причин для отказа от подряда у членов полеводческих бригад имелось достаточно. Особенно удручало плохое качество семенного зерна. В связи с неудовлетворительными погодными условиями лысьвенским хозяйствам не удавалось сформировать на протяжении нескольких лет качественный семенной фонд. Перед посевной 1985 года в наличии имелось только 1500 т зерна, тогда как требовалось 2000 т. Из 43% кондиционного зерна 11% относилось ко второму классу. Из-за низкого качества семян увеличивалась норма высева зерна на 1 гектар. В марте месяце хозяйствам предстояло завести из Ергачинского хлебоприемного пункта 500 т зерна в счет закупок в Госрезерве. Такая же картина складывалась у картофелеводов. Для посадки требовалось 1500 т семян, а в наличии имелось 500 т. Снова предстояло пополнять семенной фонд за счет закупок у населения. Не хватало семян клевера.

Не начиная посевную кампанию, экономисты хозяйств подсчитывали, насколько увеличится себестоимость продукции в конце года, если только один совхоз «Лысьвенский» затратил на покупку семенного зерна в 1983 г. 28,9 тыс. руб., в 1984 г. – 78,4 тыс. руб. и т.д.

Несмотря на сложные погодные условия и организационные неурядицы, предпоследний год одиннадцатой пятилетки лысьвенские сельхозпроизводители закончили в цифровом выражении достаточно успешно. План по зерну удалось выполнить на 130%, по мясу – на 197,1%, по молоку – на 100,2%. Стабильно высокие результаты показывал колхоз «Новина».

Посадка капусты

Оставалось одно «но»... – высокая себестоимость продукции. В ее основе лежало повсеместное использование ручного труда, который составлял 70% от всех трудозатрат.

Вопреки усилиям, направленным на механизацию животноводства, к концу 1984 года доля ручного труда на МТФ Лысьвенского района только увеличивалась. По данным бюро ГК КПСС, раздача кормов на фермах была механизирована на 14%, уборка навоза – на 73%. Ни на одной ферме не было молокопроводов.

Под контролем ГК КПСС сельхозотдел горисполкома разработал целевую комплексную программу по сокращению ручного труда, механизации и автоматизации сельскохозяйственного производства. Ее цель заключалась в приведении в соответствие числа рабочих мест и количества работников на фермах, максимальном повышении отдачи каждого рабочего места, фондоотдачи, сменяемости работы, механизации и автоматизации труда рабочих.

Контроль за выполнением целевой программы возлагался на РАПО. В марте 1985 года председатель РАПО Н. Капустин докладывал делегатам и участникам 1-й сессии 19-го со-

зыка городского Совета: *«РАПО добилось положительных сдвигов в производстве сельскохозяйственной продукции, но не смогло выйти на задание, утвержденное Продовольственной программой по закупкам молока, овощей, картофеля»*. Указав на причины невыполнения плановых заданий, председатель перечислил количество и тематику заседаний, совещаний, семинаров, посвященных их рассмотрению, делая упор на отсутствие в Лысьвенском районе своей сельхозхимии, ПМК, дорожного участка и сельхозтехники, а также перечислил задачи, стоящие перед сельским хозяйством на ближайшую и отдаленную перспективу. Оценивая результаты деятельности РАПО, директор совхоза «Лысьвенский» В. Андириянов сказал, что от РАПО поступает много бумаг и инструкций, в которых порой трудно разобраться, а существенной помощи нет.

Бюро ГК КПСС постоянно отслеживало работу РАПО, но результаты работы агропрома района в целом оставались неизменными. Государству приходилось покрывать убытки хозяйств, особенно по молоку.

Итоги одиннадцатой пятилетки и результаты Продовольственной программы подвела 45-я (декабрь, 1985 г.) конференция городского комитета КПСС. Результаты казались впечатляющими. За пять лет в сельском хозяйстве района было освоено более 18 миллионов рублей капитальных вложений. Энерговооруженность труда в хозяйствах выросла на 18%. Подрядным и хозспособом для жителей села построено 18 тысяч квадратных метров жилья¹. Валовое производство сельхозпродукции выросло на 25%, а производительность труда – на 8%. Средняя районная урожайность зерновых колебалась в пределах от 12,7 до 14,0 ц с 1 га. В 1985 году уда-

¹ Крайне низким оставалось качество построенного жилья. Новоселы жаловались на вываливающиеся стены домов, щели, рассыпающиеся полы и потолки, кривые оконные и дверные проемы. Нередко, получив деньги, предусмотренные калькуляцией и сметой, строители сдавали «коробки», которые жильцы достраивали собственными силами, как это было, например, в Аитково, Новорождественские, Оленях, Кыновском заводе. Ни деньги, ни материалы на расходы новоселам не выдавались.

лось заготовить 14,8 кормовых единиц на одну условную голову скота, что было больше, чем в предыдущем году.

Одним из стабильно работающих хозяйств оставался колхоз «Новина». За умелое руководство колхозом председателю М. Елохову было присвоено звание «Заслуженный работник сельского хозяйства РСФСР». Динамика работы «Новины» за пять лет выглядела следующим образом:

Произведено	1980 год	1985 год
Молоко в тоннах	509	699
Мясо в тоннах	81	100
Надой на 1 ф. к. в литрах	1966	2498
Освоено кап. вложений тыс. руб.	411	999
Получена прибыль тыс. руб.	убытки 197	278
Энерговооруженность в л.с.	309	390,3
Среднемесячная зарплата в руб.	147	199

Высокие результаты по производству молока показывали молочно-товарные фермы в Симоново (колхоз «Мир»), Валюшино и Аитково (совхоз «Новорождественский»), Олени, Откормочная и Дуброво (совхоз «Лысьвенский»), Моховляне и Воскресенская (колхоз «Новина»).

За пятилетие удалось развернуть 6 новых подсобных сельских хозяйств в пригороде. Всего их стало 13. Успешно работали подсобные хозяйства объединения «Лысьвалес», лесхоза, турбогенераторного завода. На МТФ металлургического завода удалось получать за год до 2600 л молока на одну фуражную корову. В общей сложности в подсобных хозяйствах предприятий содержалось 3600 голов скота, из них 342 коровы. Государству было продано 1348 т мяса и 841 т молока.

По данным секретаря ГК КПСС В. Юрина, за пятилетку улучшились условия труда колхозников и рабочих совхозов, несколько стабилизировалась кадровая проблема, улучшилась производственная дисциплина, повысилась заработная плата. Председатель лысьвенского райпо И. Бартов сделал перерасчет роста благосостояния сельских жителей на 100 семей. По его данным, на середину июля 1985 года, получалось, что телевизоры имели – 85, радиоприемники – 87, холодильники – 73, стиральные машины – 60 семей. Почти

каждая вторая семья имела машину или мотоцикл. В Моховлянах и Новорождественске пустили в строй новые школы. Обновились библиотечные фонды в Паинцах, Аитково, Оленях, Новорождественске. Появились новые фермы, зерно-токи, ремонтные мастерские.

Своей статистикой и выводами располагали экономисты. Они подсчитали, что темпы роста сельскохозяйственной продукции существенно отставали от уровня вложений средств в производство. Низкой была продуктивность скота. Анализ качества общественного стада показал, что в нем всего 57% чистопородного скота, в том числе 51% коров. За счет падежа животных колхоз «Новина» понес убытки на сумму 8808 руб., совхоз «Лысьвенский» – на 27641 руб. Общие убытки от падежа составили 47 тыс. руб. По итогам пятилетки государству недодано 2678 т молока.

Годами не решалась проблема производства картофеля и овощей. Город недополучил 5862 т картофеля и 9180 т овощей. В сентябре 1985 года городская прокуратура проверила качество уборки картофеля. Контрольная копка показала, что в результате неудовлетворительной копки на одном га 1-го отделения совхоза «Лысьвенский» в земле осталось 25 ц, во 2-м отделении – 45 ц, в 4-м отделении – 12 ц клубней.

Шефская помощь в виде уборки картофеля на совхозных полях была давней головной болью руководства городских предприятий. Начальник отдела кадров металлургического завода В. Пищальников подсчитал, что в страду 1987 года, убирая картофель своими силами, совхоз «Лысьвенский» мог бы затратить 33 тыс. руб. в пересчете на прибыль от продажи.

В то же время завод выплатил своим рабочим, занятым на копке картофеля, 130 тыс. руб. в виде заработной платы и это без учета убытков, полученных за счет не произведенной продукции непосредственно на прямом производстве. При этом совхоз предъявил предприятию массу претензий, главной из которых была та, что совхозу не удалось получить 100 ц с 1 га по причине плохой уборки картофеля.

В свою очередь, в марте 1988 года совет трудового коллектива (СТК) завода выдвинул встречные обвинения в виде неподготовленности приемных и сортировальных пунктов,

весового хозяйства, нескошенной картофельной ботвы, от чего пострадало качество копки. Соблюдая баланс экономических интересов завода и совхоза, СТК предложил заключить договор, в котором говорилось: *«Сельхозпредприятие обязуется обеспечить всех направленных (рабочих – Н.П.) необходимым инвентарем, объемом работы, гарантирующим каждому рабочему заработную плату не ниже среднемесячной по основному месту работы... В случае невыполнения данного условия сельхозпредприятие*

*Доярка
Паинцевской МТФ
В. А. Федосеева*

компенсирует заводу не позднее последнего месяца текущего года убытки, связанные с доплатой трудящимся разницы между фактически заработанной в сельхозпредприятии среднемесячной зарплатой на заводе, выплаченной им по возвращению к основному месту работы».

Времена менялись. Деятельность промышленных предприятий в режиме самофинансирования и самокупаемости делала все более бессмысленными отрыв работников от основной деятельности и бесплатную работу на колхозно-совхозных полях. По примеру металлургов на заключении договоров с сельхозпредприятиями стали настаивать СТК турбогенераторного завода и чулочно-перчаточной фабрики.

В результате, посчитав заключение договоров невыгодным для себя, совхоз «Лысьвенский» провел посевную кампанию без горожан, но для посадки картофеля пришлось снова обращаться за помощью к заводчанам. Только под давлением горкома партии и горисполкома город выделил несколько десятков человек для резки семенного картофеля перед закладкой в картофелесажалки.

*Доярка Аитковской МТФ
Г. Рахметова*

Хозяйства не желали заключать договоры с шефами и, тем более, нести финансовые издержки. В ответ промышленные предприятия убрали урожай с площади, указанной в распоряжении горисполкома, и на этом ставили точку. Например, засушливым летом 1988 года травостои были очень бедны-

ми. Рабочие турбогенераторного завода, заготовив половину от расчетных объемов на отведенных площадях, категорически отказались от ручной косыбы в логах и поймах ручьев, т.к. эта работа не обговаривалась распоряжением горисполкома. По всему было видно, что бесплатному шефству подходит конец.

Ускоренный кругооборот сельскохозяйственного производства вынуждал руководителей колхозов и совхозов вкладывать меньше сил в репродуктивное здоровье пашенных и луговых угодий. Агрохимики отмечали ухудшение биологических способностей земли. За пятилетку хозяйства внесли в почву всего 74% органических удобрений от плана. Самыми низкими эти показатели имели совхоз «Новорждественский» — 42% и колхоз «Новина» — 45%. Ежегодные планы вывозки удобрений на поля срывала Чусовская ПМК-7 объединения «Перммелиорация». Ни одно хозяйство не имело системы комплексного окультуривания полей.

По-прежнему в хозяйствах района остро стояла проблема трудовой дисциплины. Широко рекламируемое постановление ЦК КПСС о борьбе с пьянством и алкоголизмом не дало ощутимых результатов. Только за один 1985 год в обоих совхозах было совершено 3200 прогулов. В переводе на количество работников получалось, что практически каждый из них в течение года прогулял по одной смене.

Погружение в кризис

С 25 февраля по 6 марта 1986 года в Москве состоялся 27-й съезд КПСС. От лысьвенских коммунистов в его работе принял участие 1-й секретарь горкома партии В. Юрин. По возвращении в Лысьву он много раз выступал перед трудящимися города и района с докладами о работе съезда. Центральная тема его выступлений – это безоговорочная вера в правильность и незыблемость партийных решений от ЦК до первичных парторганизаций. В. Юрин настойчиво повторял, что только под руководством коммунистической партии можно решить все проблемы и удовлетворить потребности советских людей. Он, в частности, говорил на пленуме ГК КПСС в апреле 1986 года: *«Партийные комитеты и организации, как органы политического руководства, любое решение, любой шаг в практической деятельности обязаны оценивать, в первую очередь, их политические и социальные последствия с точки зрения того, что они дают людям»*¹.

В контексте этих высказываний в партийных организациях с повестки дня не сходили вопросы об увеличении производства продовольственных товаров для трудящихся, в том числе для жителей села. Городские коммунисты обсуждали проблемы шефства, участия горожан в уборочно-посевных кампаниях и работу подсобных хозяйствах. В свою очередь, сельские коммунисты, правления колхозов и администрация совхозов ломали головы над тем, как провести техническое перевооружение за счет собственных сил и средств, повысить производительность труда и тем самым расширить ассорти-

¹ Спустя 4 года, когда городская партийная организация находилась в состоянии распада и неопределенности, В. Юрин принял участие в конкурсе и стал председателем Совета арендного металлургического завода. Оценивая ситуацию в сельском хозяйстве, он писал: *«За последние годы провалы следовали один за другим. Крупные ошибки перестройки – не была разработана аграрная политика. Те меры, которые принимались, нельзя назвать политикой, ибо они не вели к какому-то серьезному изменению и наше сельское хозяйство оказалось в состоянии развала, полной деградации»*.

мент выпускаемой сельхозпродукции, внедрять комплексную автоматизацию и механизацию и сокращать ручной труд.

Решение глобальных задач, поставленных партийным съездом, столкнулось с капризами природы. Затяжная весна и прохладное лето замедлили созревание зерновых культур и затруднили заготовку кормов. Особые трудности преподнесла осень резким похолоданием и рано выпавшим снегом. О трудностях уборочной страды в совхозе «Новорождественский» писал корреспондент Н. Аликин: *«29 сентября вновь наступивший заморозок прихватил намокшие валки к сырой земле и стерне... на другой день сюда приехал на тракторе МТЗ с граблями ГВК-6 А. А. Печкин. Перед ним была поставлена задача поднять пшеничные валки, чтобы обеспечить поле деятельности комбайнам. Таким образом, комбайны двинулись в работу. И даже вновь поваливший снег не остановил обмолота. Механизаторы работали до последней возможности и записали на личные счета новые тонны вырванного у непогоды хлеба».*

Качественный перелом в лысьвенском сельском хозяйстве не случился, несмотря на активные призывы городского комитета партии сделать перестройку эталоном деятельности каждого трудового коллектива. В бесконечные разговоры о курсе на ускорение, бригадном подряде, переходе на самофинансирование серьезные коррективы внесла погода. Сократился сбор зерновых культур. Если в 1985 г в среднем по району с 1 га собирали до 14 ц, то в 1986 г. только – 10,5 ц. Чрезвычайное положение сложилось с запасами кормов для общественного животноводства. Хозяйствам удалось заготовить всего 79% сена, 85% силоса, 77% концентратов, 42% соломы. В феврале 1987 года РАПО провело заседание на тему «О неотложных мерах по увеличению производства и закупок продуктов животноводства в зимний период 1986–87 года», но принятые решения никак не улучшили катастрофическую ситуацию с дефицитом кормов. Хозяйствам предлагалось срочно приступить к заготовке хвойной муки, закупать сено

Рабочие совхоза «Лысьвенский» М. Гуцин и В. Мальцев

у населения и ремонтировать кормозаготовительную технику¹. Не оправдала себя надежда на коллективный подряд. Колхозники и рабочие совхозов не верили договорам с администрацией хозяйств, которые не выполняли своих обязательств, ссылаясь на «объективные» трудности: то вовремя не подвезли зерно или корма, то вышла из строя техника, то члены звена или бригады перебрасывались на другие работы. Но, самое главное, коллективный подряд не давал существенного и стабильного увеличения заработной платы. Показательно отношение работников к подобной организации труда со стороны руководителей на примере высказывания рабочего М. Огурцова: *«И каждый год руководители признают ошибки одни и те же из года в год. А сейчас еще и критикуют себя.*

¹ Спустя две недели после принятия этого решения комитет народного контроля провел проверку, которая показала, что ни одно хозяйство к ремонту техники так и не приступило. Скучное кормление коров привело к сокращению плановых показателей по производству молока на 20%.

Это теперь модно – значит, и стиль работы современный... Никакого самолюбия». В ответ председатель горисполкома В. Стафеев говорил, что руководители *«глубоко переживают критику»*, но стиль и методы хозяйственного руководства от этого признания не менялись.

Подводя итоги 1986 года, бюро ГК КПСС констатировало, что подрядные коллективы обрабатывали 60% пашни и обихаживали 45% поголовья скота, но эффекта от внедрения подряда хозяйства не получили. Мало того, производительность труда по сравнению с предыдущим годом сократилась на 16%, что на 40% ниже областных показателей. В передовом колхозе «Новина» производительность труда упала на 57,5%.

Как это часто бывало, формальные показатели выглядели достаточно оптимистично. Так, колхоз «Мир» получил в 1986 году прибыль 134 тыс. руб. при рентабельности 14,7%. Колхозные экономисты планировали производить 1 ц молока по цене 43 руб.15 коп., тогда как фактическая себестоимость 1 ц составляла 60 руб. 85 коп. Быть бы колхозу в числе убыточных, если бы не государственные дотации для низкорентабельных хозяйств. Экономика хозяйства находилась в полном расстройстве. На начало 1987 года колхоз оставался должным государству 2148 тыс. руб. по долгосрочным и 1200 тыс. руб. по краткосрочным кредитам. На отчетно-выборном собрании колхоза председатель В. Клячин говорил: *«Если немедленно потребуются рассчитаться с государством, нам придется «с молотка» пустить в продажу все свои фонды, так как они по стоимости равнозначны нашим долгам».*

Неудовлетворительные результаты работы стабильно показывал совхоз «Лысьвенский» по производству овощей и картофеля, которыми хозяйство обязывалось снабжать Лысьву. По данным статистики за 10 и 11-ю пятилетки колхоз недодал городу 9 тыс. т картофеля и 17,5 тыс. т овощей. Только картофель принес хозяйству в 1986 году убытки на 65 тыс. руб., в 1987 году – на 115 тыс. руб.

23 января 1987 года Агропром РСФСР принял решение о разделе на две части совхоза «Матвеевский», до этого времени находящегося на территории Березовского района.

По согласованию с горисполкомом, северная часть «Матвеевского» с сохранением старого названия отошла к Лысьвенскому району вместе с деревнями Матвеево, Каменка, Парканы, Сергино, Шиши, Чунтоновка. Таким образом, в Лысьве стало 3 совхоза.

Спустя восемь месяцев в состав лысьвенского РАПО влилось еще одно хозяйство – совхоз «Канабековский» с населенными пунктами Канабеки, Верх-Култым, Шадейки и др. Это было низкорентабельное хозяйство, в котором настоящим бичом являлись прогулы. Только за один год после вступления в состав лысьвенского РАПО на 380 работников «Канабековского» зафиксировано 1100 прогулов¹.

1 января 1987 года Пермская область перешла на самообеспечение продуктами питания. Вся продукция животноводства, произведенная в области, должна была оставаться на месте. При этом план государственных дотаций по мясу и молоку имел тенденцию постепенного сокращения. Именно эти решения и побудили лысьвенское руководство принять в состав РАПО матвеевский и канабековский совхозы. Предположительно, новые хозяйства должны были восполнить дефицит мясо-молочной продукции и производить для города дополни-

*Председатель колхоза «Мир»
Л. Н. Клячин*

¹ Став подразделением РАПО, доярки канабековской МТФ жаловались на снижение размеров заработной платы. При этом не брали в расчет, что никак не изменилось их отношение к труду, по-прежнему имелись прогулы, высокая рентабельность молока перестала покрываться госдотацией и т.д.

тельно 2000 т молока и 145 т мяса в год¹. Сверхважная задача, вставшая перед областью, еще более обострила кризисную ситуацию в сельском хозяйстве. С целью ускоренного производства продукции увеличилось принятие непродуманных, экономически не просчитанных действий. Реальная потребность в глубоких хозяйственно-экономических и социальных изменениях на селе подменялась мелкотравчатыми решениями и призывами.

Летом 1987 и 1988 годов по инициативе РАПО впервые за много лет в Лысьве прошла выставка-продажа сельскохозяйственных животных: коров, свиней, молочных телят, цыплят, бройлеров. Задача мероприятия заключалась в демонстрации возможностей общественного животноводства и пропаганде развития личных хозяйств.

При большом стечении народа организаторы выставки показали очень слабую подготовку. Во-первых, РАПО известило хозяйства о проводимом мероприятии очень поздно, и они не сумели должным образом подготовиться. Во-вторых, спрос на поросят, выставленных на продажу, превышал предложение более чем в два раза, и многие потенциальные покупатели разошлись с пустыми руками. Двух-трехнедельные телята шли по цене 6 руб. за 1 кг в живом весе. В результате неоправданной дороговизны ни один теленок не был продан². Находясь на волне новых экономических веяний, колхозы «Мир» и «Новина» предприняли попытку передавать земли дальних заброшенных деревень на подряд отдельным энтузиастам. Первыми такой опыт попытались получить в колхозе

¹Рекомендованная норма потребления мяса в 1987 году на человека составляла 78 кг, молока – 390 кг в год. В Лысьве производилось 48 кг мяса и 301 кг молока на одного жителя. В то же время госдотации составляли 35 кг мяса и 197 кг молока.

² За 1987 год колхозы и совхозы продали населению 379 телят и 3372 поросенка. При этом поголовье скота, особенно коров, в том числе у частных владельцев, сокращалось. Например, в Зареченском животноводческом товариществе за пятилетку количество коров сократилось с 70 до 30 голов. Меньше стали держать скота жители сельской местности, особенно это относилось к поселениям пригородной зоны.

«Мир». Звено в составе шести механизаторов под руководством В. Мишина взяло на подряд земли возле бывшей деревни Петрови-чи. Некоторых успехов звено энтузиастов добилось в выращивании овса.

В 1987 году в городе и районе организовались первые 23 кооператива. В основном они занимались бытовым обслуживанием населения. По закону кооперативная деятельность разрешалась пенсионерам, домохозяйкам и студентам. Трудоспособное население имело право работать с кооперативами только на основании договоров.

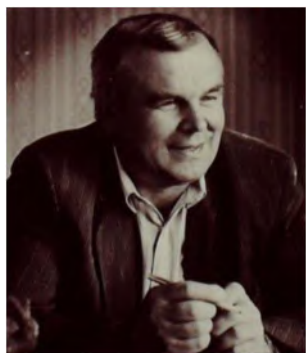
По мере смягчения законодательства кооперативная деятельность привлекала все большее количество людей. В 1988 году в городе и районе насчитывалось уже 48 кооперативов. Некоторые из них работали на базе крупных промышленных предприятий и решали серьезные проблемы. Например, кооператив «Пламя» металлургического завода занимался газификацией 200 жилых домов в поселке имени Свердлова.

Неохотно создавались торгово-закупочные кооперативы по работе с сельским населением.

Поиск экономической целесообразности по увеличению выпуска сельхозпродукции сопровождался новыми формами пропагандистской и организационной работы, прежде всего, внутри первичных партийных организаций. С помощью сельских коммунистов и сотрудников РАПО ГК КПСС поспешно проводил переаттестацию партийных и руководящих работников колхозов и совхозов, выборы новых руководителей, организовывал Советы трудовых коллективов, популяризировал демократические нормы в трудовой деятельности и быту.

*Доярка Дубровской МТФ
К. Собачкина*

Директор совхоза
«Матвеевский»
В. С. Гладких

С завидной регулярностью проходили пленумы горкома партии, сессии горсовета, заседания бюро ГК КПСС и всевозможных комиссий, так или иначе относящихся к сельскому хозяйству. Наиболее значительными из них являлись мартовская (1989 г.) сессия горсовета и июньский (1989 г.) пленум ГК КПСС. Развернутый анализ о положении дел в сельском хозяйстве района сделал председатель горисполкома В. Стафеев. Современное прочтение доклада председателя горисполкома свидетельствует, что сель-

ское хозяйство находилось в глубоком кризисе и было бы лучше построить новое, чем бесконечно латать и ремонтировать старое; но на подобные шаги в те годы никто бы не решился.

ГК КПСС приступил к активному внедрению в массовое сознание тезиса о том, что только новые арендные отношения, кооперативные формы организации сельскохозяйственного производства, самоуправление — это тот демократический путь обновления, который позволит решить продовольственную программу и насытить рынок необходимыми продуктами питания. Как всегда, широко тиражировался передовой опыт. В данном случае на примере семейного звена доярки М. Кудрявцевой из колхоза «Новина», симоновской полеводческой бригады из колхоза «Мир», доярок Новой фермы совхоза «Лысьвенский».

Арендный подряд как новая организационно-хозяйственная форма работы не вызвал особого интереса у колхозников и рабочих совхозов. Не случайно директор совхоза «Матвеевский», депутат Верховного Совета РСФСР В. Гладких, сказал: *«Подгонять все разнообразие крестьянской работы под арендный аршин — занятие пустое»*. Предыдущий опыт подсказывал, что на пути аренды много «подводных камней», которые обесценивают инициативу и,

Бригада кормозаготовителей. Село Матвеево

в конце концов, гасят ее, как ранее это случалось с подобными начинаниями.

Арендный подряд требовал принципиально новых трудовых отношений между арендаторами и работниками. Если пришлые или даже местные арендаторы приходили на МТФ или в свинарник с целью поднимать производство и таким образом зарабатывать деньги, то работники в принципе не желали что-либо менять в своем отношении к труду.

Показательна в этом смысле история аренды Паинцевской МТФ. Арендаторы из Азербайджана требовали от доярок соблюдать и выполнять все правила ухода за животными, вовремя производить кормление и дойку, поддерживать чистоту в коровнике, не совершать прогулы, не разбавлять молоко водой и т.д. При этом претензии предъявлялись не к «коллективу» вообще, а к конкретной доярке, скотнику или механизатору. В ответ начались обиды, ссоры, гневные обвинения: «Понаехали тут!»

По привычке в арендные отношения вмешивались руководители хозяйств.

По причине медленного роста травы на выпасах по команде руководства в третьей арендной полеводческой бригаде

Деревня Симоново. На ферме Симоновых

совхоза «Лысьвенской» пришлось отвести под «зеленый» конвейер 50 га прекрасных всходов озимой ржи, к осени обещавшей хороший урожай. Потрава посевов ржи диктовалась сиюминутными соображениями – совхозу нужны были деньги на текущие нужды, а их приносило молоко. Решение руководства совхоза шло вразрез с нормами арендного подряда и напрямую урезало права арендаторов самим распоряжаться вверенным им полем. Обещания руководства компенсировать потери будущей прибыли от продажи ржи осталось невыполненным.

Наивными выглядели решения властей расширить возможности арендного подряда за счет возрождения и развития малых и заброшенных деревень и хуторов. На этот счет РАПО даже разработало отдельную программу, но денег на ее реализацию найти так и не удалось.

Сохранилось немало примеров, когда, поддавшись на пропаганду, люди переезжали в деревню и обнаруживали, что обещанного жилья нет, дрова надо заготавливать самостоятельно в лесу, от магазина осталась только одна вывеска, ФАПа нет, почта приходит не каждую неделю, землю в огороде надо вскапывать лопатой и т.д.

21 ноября 1989 года газета «Искра» опубликовала полное отчаяния письмо переселенки из Моховлян: *«Думали, заведем свое хозяйство, но не вышло: квартиру доделывать*

пришлось. Своими руками перекладывали печь, стелили пол, проводили водопровод, ставили дровяник, все благоустраивали и землю около дома приводили в порядок. Муж пошел на ферму, я телятницей. Хозяйство так и не завели. Конюшня пошла под баню... очень маленькая – для скота не годится... работа у нас грязная, да и детишек надо содержать в чистоте. С новой конюшней, как не бились, ничего у нас не получилось. Муж даже за дровами съездить не смог. Летом пас коров, уходил в 6 часов утра и приходил поздно вечером. Какая уж там конюшня. Машину не дают, а тракторист без водки не поедет, хоть ты и выпишешь за деньги трактор... Выходных у мужа почти не было; да и я, когда выпрошу выходной, еду в город за продуктами. Одно на уме – чем прокормить семью? В наш магазин продукты привозят редко, очередь занимаешь, если что купить захочешь, с четырех часов утра и стоишь не меньше трех-четырёх часов... Стоишь до умопомрачения. Иной раз уйдешь из магазина с пустыми руками да и наплачешься дома... Туалетного мыла мы уже не видим полгода, как ввели талоны... Этим летом семья у меня распалась. Муж уехал жить в другой район...».

В тех населенных пунктах, где сельское хозяйство еще функционировало, коренное население старело. По данным анкеты, проведенной РАПО, на 1 января 1985 года пенсионеры в селе составляли 19% от общего количества населения, а на 1 января 1988 года – уже 21,4%. По результатам подворового обхода работниками Матвеевского сельсовета, в 57 хозяйствах некому было ухаживать за скотом, тогда как молодежь уезжала на постоянное место жительства в город. Таким образом, 46% сельских жителей не имели никакого скота, в том числе: в Обманке – 53%, в Кумыше – 61%, в Кыну – 52%, в Заимке – 62%. Коров имели только 28% селян. Из расчета на 100 жителей в Липовой и Заимке имелось 4, в Новорожденском – 18, в Канабеках и Матвеево – 20 коров. Брать на откорм колхозный и совхозный молодежь сельчане отказывались из-за невыполнения хозяйствами обязательств по обеспечению кормами.

Предпринимались попытки улучшить бедственное положение села за счет совершенствования социальной сферы. За

два года только совхоз «Лысьвенский» затратил на социальные нужды около 1,5 млн. руб. На эти деньги удалось организовать теплоснабжение в коттеджах Оленей, в Заимке построить магазин и 5 жилых домов, отремонтировать клубы в Оленях и Паинцах, привести в порядок дороги к фермам, отремонтировать МТФ в Дуброво и Откормочной.

Кризис системы не смогли остановить все увеличивающиеся государственные дотации сельскому хозяйству. Немного значили финансовые вливания в размере 1 руб. 60 коп. на 1 руб. реализованной продукции. По словам руководителей колхозов, эта помощь помогала лишь настолько, чтобы «не пойти ко дну». В 1987 году капиталовложения в сельское хозяйство района составили сумму около 4 млн руб., тогда как к 1989 году долг только одного колхоза «Мир» вырос до 3 млн. руб. В годовом статотчете бухгалтерия колхоза показала доход в размере 185 тыс. руб. Разумеется, при этом за скобками остались 160% госнадбавки за проданную продукцию. Чтобы прибыльно работать, колхоз должен был ежегодно производить сельхозпродукции на 1 млн. 600 тыс. руб. – иначе крах, банкротство, что, впрочем, и случилось в скором времени.

Конец колхозно-совхозной эпохи

В марте 1988 года состоялась очередная конференция РАПО, на которой руководство объединения заявило о грядущей реорганизации всего агропромышленного комплекса района. Приобретая обновленный вид, РАПО оставило за собой контроль за исполнением госзаказа на основные виды продукции и государственные службы: землеустройство, инспекцию по заготовкам и качеству, гостехнадзор, планирование, технику безопасности, экономику, кадровую службу. Все остальные подразделения – агрохимия и мелиорация; переработка продукции животноводства; производственно-техническое обслуживание и снабжение; строительство и ремонт – переводились в статус кооперативов.

Иными словами, в результате реорганизации осталась административная верхушка, снявшая с себя ответственность

за производство и переработку сельхозпродукции, обустройство социальной сферы и т.п.

Трудно подобрать момент для более несвоевременного управленческого решения, оказавшегося на гребне волны «демократизации» и «гласности». В расчет не бралось ни кризисное состояние сельскохозяйственного комплекса, ни морально-психологический надлом сельского населения от неэффективных результатов перестройки. Срочная рокировка внутри РАПО немедленно сказалась на результатах работы всего сельскохозяйственного комплекса.

Полностью провалилась заготовка кормов на зимовку скота 1998–1990 годов, оказавшуюся более тяжелой, чем зимовка 1983–1984 и 1986–1987 годов.

Шефская помощь практически прекратилась, несмотря на решение горисполкома № 129 от 27 июня 1989 года. В соответствии с документом между промышленным предприятием и сельским хозяйством предполагалось заключение договоров, на основе которых колхозы и совхозы обязались платить горожанам 75% от зарплаты по основному месту работы, а также за то, что работник зарабатывал в селе по местным расценкам.

Сократилось на 20% производство молока. По итогам года колхоз «Мир» недопоставил 227 т, совхоз «Лысьвенский» – 1300 т. Всего город не получил 2100 т молока. Сокращение поставок молочного сырья сказалось на будущем лысьвенского молокозавода, так как в Чусовом открылся завод с производительностью 100 т молочной продукции в сутки¹. Лысьвенские и Березовские хозяйства повезли молоко в соседний город. Городской молзавод решили переоборудовать под предприятие по производству мороженого. Областная контора «Росмясомолторг» приняла решение перебросить в Лысьву устаревшее и изношенное оборудование по производству мороженого из Березников. Развернуть на базе быв-

¹Воспользовавшись нерасторопностью лысьвенского руководства, чусовляне под предлогом централизованного обеспечения населения Горнозаводского куста Пермской области молочными и хлебопродуктами построили на своей территории за счет областных и республиканских средств молокозавод и хлебозавод.

шего гормолзавода полномасштабное производство мороженого не удалось.

Лысьвенский сельскохозяйственный комплекс никогда не удовлетворял потребности населения в мясе, хотя его производство несколько увеличилось за счет подсобных хозяйств промышленных предприятий. В 1989 году они продали своим рабочим 487 т мяса, 3040 поросят и 25 телят. Имелся также некоторый приварок для столовых из 330 т молока и 118 т овощей.

Незначительную лепту на мясной рынок вносили частные производители мяса, которые являлись, по словам секретаря горкома партии В. Юрина: *«важной органической частью социалистической системы сельского хозяйства»*. Мясо из личных подворий в основном шло на внутреннее потребление семей и, частично, на рынок.

Мясного изобилия в Лысьве никогда не было, но в 1989 году в городе сложилось исключительно тяжелое положение с мясoproдуктами, впрочем, не только с ними. По данным за 4-й квартал, город не получил 134 т мяса за счет госпоставок. Торг, обычно закупавший мясо в Ставропольском и Краснодарском краях, не получил ни грамма.

Мясной дефицит породил ценовой всплеск на мясо и мясную продукцию. Чтобы ограничить ценовой беспредел, 20 августа 1989 года облисполком принял решение о запрете договорных цен на продовольствие, в том числе – на мясо. Вероятно, введение договорных цен на мясо было как-то оправдано, но вот закуп фруктов и овощей в южных республиках сократился. Для Лысьвы это было довольно болезненно по той простой причине, что собственное производство овощей было практически развалено.

К числу важных для города перерабатывающих предприятий относился мясокомбинат. Кризисное состояние дел коснулось и этого предприятия. Если в предыдущие годы его холодильники к Новому году были забиты до отказа, то сейчас они оказались пустыми. Из-за отсутствия сырья закрывались цехи, рабочие отправлялись в вынужденные отпуска.

Положение с продовольствием в городе, как и в стране, сложилось тяжелейшее. Экономика колхозов и совхозов тре-

щала по швам. Из Березовки в горисполком пришло отчаянное письмо с предложением к промышленным предприятиям Лысьвы построить в ряде колхозов фермы, телятники, хозяйственные дворы в счет будущих поставок в город сельскохозяйственных продуктов. Из Перми поступило аналогичное предложение по реконструкции Кишертской птицефабрики, в которой лысьвенцам предлагалось построить забойный цех и очистные сооружения. Сумма затрат составляла больше 2,5 млн. руб. В качестве гарантии к 1995 году Лысьва могла рассчитывать на получение 300 т куриного мяса. Верхне-Муллинский совхоз предложил заключить договор на поставку овощей в обмен на 10 легковых автомобилей и полтора десятка новых тракторов. Особо обговаривалось, что прополку на верхне-муллинских полях лысьвенцы будут осуществлять своими силами.

Дефицит продуктов питания был так велик, что к осмыслению проблем продовольственного рынка подключились руководители крупных предприятий Лысьвы. Весной 1990 года перед выборами в местный Совет на встречах с избирателями директор НПО «Привод» В. Рябов предлагал создать агропромышленный район на базе сельскохозяйственного Березовского района и индустриальной Лысьвы. Мысль о перспективном агропромышленном поясе высказывал исполняющий обязанности директора металлургического завода В. Костицын.

20 июня в с. Березовка состоялось заседание председателей Березовского райсовета и Лысьвенского горсовета, а также руководителей промышленных предприятий и колхозов с повесткой дня о создании агроконсорциума на базе двух районов¹. Активными сторонниками консорциума выступали председатель Лысьвенского исполкома Н. Кадочников, директор металлургического завода В. Костицын и председатель Совета арендного металлургического завода В. Юрин. В. Костицын, в частности, предложил создать новую структуру в

¹ Консорциум – временное соглашение между несколькими промышленными предприятиями для осуществления совместного проекта.

виде акционерного общества с выпуском акций, которые могли приобретать все желающие.

Согласованное видение консорциума стороны изложили в «Принципах взаимоотношений предприятий и организаций гор. Лысьвы и Березовского района в вопросах продовольственного обеспечения населения». Цель новой структуры сформулирована достаточно ясно: объединенными усилиями увеличить объемы производства сельскохозяйственной продукции. А вот задачи, выраженные в конкретной форме, составляли задумываться, насколько жизнеспособным окажется новообразование. Предполагалось объединить материальные, финансовые и трудовые ресурсы для строительства в с. Березовка молокозавода мощностью 28 тыс. т молока в год, мясоубойного цеха с холодильником, тепличного комбината на 5 га закрытого грунта и т.д. В Лысьве планировалось реконструировать мясокомбинат, расширить мощности пивоваренного завода и увеличить выпуск кондитерских изделий. Что касалось результатов деятельности консорциума, то *«Вся продукция сельского хозяйства, производимая в колхозах и совхозах Березовского и Лысьвенского районов, направляется, в соответствии с решением облисполкома, на потребление трудящимся г. Лысьвы, пригорода и Березовского района».*

Сразу возникали вопросы: «Какие источники смогут финансировать строительство, если в той же Лысьве не нашлось денег на развитие местных перерабатывающих предприятий? Согласится ли облисполком оставлять всю сельхозпродукцию в двух районах, если Березовка значилась в списке поставщиков сельхозпродукции в госфонды?»

Обращает на себя внимание продекларированная форма сотрудничества предприятий и колхозов – шефство, т.е. то, что в практической жизни уже изжило себя и не действовало даже под административным давлением. В сфере социального обустройства села говорилось, что *«Завод берет под свое покровительство Дома культуры, клубы, библиотеки, школы ФАПы, расположенные на территории колхоза. Им оказывается помощь в оснащении мебелью, ремонте (а если надо, способствуют в строительстве новых), содержании*

работы» и т.д. и т.п.¹ В апреле 1991 года договаривающиеся стороны снова обсуждали тему создания консорциума, но конструктивного разговора не получилось. С июня предыдущего года много что изменилось в законодательной базе. 27 декабря 1990 года был принят закон РСФСР «О земельной реформе». Одной из магистральных задач нового закона стало формирование многоукладной экономики в промышленности и сельском хозяйстве. Закон предоставил крестьянам право на получение бесплатной земли в пределах средней земельной доли по региону. Спустя четыре месяца после республиканского закона о земле 5-я сессия горсовета приняла «Положение о проведении земельной реформы в Лысьвенском районе». Оно структурировало виды хозяйств, их назначение, определяло предельную норму выделения земли на семью. К моменту принятия местного закона о земле в районе насчитывалось 7 крестьянских хозяйств.

Фермер Г. Вотинцев.

Ощутимый удар по экономике хозяйств нанес горбачевский Указ о налогах с продаж, начавший действовать 1 января 1991 года. В условиях и без того неоднократно менявшейся системы налогообложения многие кооперативы не сумели выжить и закрылись. По статистическим данным, к концу 1990 года

¹ По предварительной договоренности 15 августа 1990 года должно было состояться учредительное собрание консорциума, а до 1 февраля 1991 года президиумы районного и городского Советов предполагали рассмотреть выполнение принятых решений. Против создания консорциума гласно выступил участник совещания 20 июня депутат горсовета Г. Вавилин. (См.: Вавилин Г. За связи, приемлемые и городу, и селу // Искра. 1990. 11 авг.). Выжидательную позицию по вопросу о создании консорциума занимал директор НПО «Привод» В. Тетюев.

Д. Аитково. 1991 г. Задворки совхозного гаража

в Лысьве было зарегистрировано 133 кооператива, а в конце 1-го квартала 1991 года осталось 40.

Полной неожиданностью для сельхозпроизводителей стало постановление Верховного Совета РСФСР «О продовольственном налоге на 1991 год». В соответствии с постановлением вся продукция, полученная по итогам года, делилась каждым хозяйством на три части, из которых 40% составляли продовольственный налог и 30% – государственный заказ. Итого, 70% сельхозпродукции надлежало сдать в государственный фонд. Остальные 30% оставались в распоряжении хозяйств. Эту продукцию разрешалось использовать по собственному усмотрению правлений колхозов и администраций совхозов. Исходя из среднерайонных показателей, Лысьвенское РАПО подсчитало, что после сдачи продналога и госзаказа у хозяйств останется примерно 500 т молока и 160 т мяса. Продажа по рыночным ценам могла бы принести прибыль в размере 800 тыс. руб. за молоко и 2 400 тыс. руб. за мясо.

Конкретизируя строки постановления правительства, свое слово сказал Пермский облисполком. Областное задание по сдаче 100% продналога и госзаказа рассчитали не по среднерайонным цифрам, как это делало РАПО, а по 70%, которые

в своих расчетах предполагали сдавать местные хозяйства. Таким образом, расчетная прибыль растворилась в цифрах областных чиновников. За невыполнение продналога на хозяйство налагался штраф в пятикратном размере от стоимости непоставленной продукции с нарастанием штрафных санкций за каждый последующий просроченный квартал. Руководитель хозяйства нес персональную ответственность за выполнение как продналога, так и госзаказа.

Таким образом, никаких даже гипотетических договоренностей о вложении лысьвенских средств в развитие колхозов Березовского района и целенаправленных поставок березовских сельхозпродуктов в Лысьву быть уже не могло. Агроконсорциум скончался, не родившись.

Идея о создании консорциума отражала состояние растерянности партийной и советской власти, находящихся в хаотичном состоянии поисков своего места в происходящих событиях. О продовольственном дефиците много говорили, но мало делали для его погашения; причем, городская партийная организация практически устранилась от какого-либо участия в решении проблемы.

На фоне сокращения поставок мяса из лысьвенских хозяйств постоянно снижались фондовые поступления этого важного продукта питания. Трест столовых только за первое полугодие недополучил 20 т мяса. Того, что имелось в распоряжении торгова, хватало только на школы и детские сады. Столовые промышленных предприятий ограничивались дорогим «закупным» мясом.

В условиях жесткого дефицита мяса райпо не сумело наладить закуп продукта у населения, уступив этот рыночный сектор чувовским заготовителям. Соседи лысьвенцев покупали мясо по цене 3 руб. 70 коп. за 1 кг, а лысьвенское райпо – по 4 руб. 30 коп. Кроме того, чувовляне приезжали на своем транспорте за мясом на дом к продавцу, а если в том была необходимость, за 25 руб. забивали скот прямо в частном хозяйстве. Мало того, покупая мясо в Лысьве, они привозили с собой комбикорма по цене 18 коп. за 1 кг (в Лысьве 22 коп.) и расплачивались со сдатчиком на месте. Лысьвенское райпо никаких услуг не оказывало, а расплачива-

лось за мясо через сберкасса, что составляло определенные неудобства для граждан.

На «голодном пайке» сидело кондитерское производство, увеличившее объемы в условиях дефицита мяса и овощей. За полугодие город не получил 50 т сливочного масла. Вместо него кондитеры использовали низкосортное «крестьянское масло».

Рухнули планы РАПО по производству картофеля. На заседании исполкома горсовета председатель АПО Н. Капустин докладывал, что в 1990 году картофеля заготовили всего 10–15% от потребности. В производстве и продаже этого продукта участвовали только совхоз «Канабековский», агрофирмы «Заря» и «Лысьва». Председатель РАПО выступил с предложением в будущем году изъять у агрофирм 150 га земли под картофель и 110 га – под овощи и передать эти земли в аренду. Верный административно-управленческим привычкам, председатель предлагал полученный от арендаторов продукт в размере 30% закупить по государственным ценам, заложить семенной фонд, а остальное предоставить в распоряжение арендаторов. Других предложений увеличить производство картофеля и овощей не поступало.

Тотальный продовольственный дефицит вынудил власти ввести забытую с послевоенных лет карточную систему на продовольствие. В 1990 году продовольственные карточки называли талонами. В январе 1991 года на квартал выдавалось на 1 талон: сахар – 1 кг, крупа – 0,5 кг, масло – 0,2 кг, рыба – 1 кг, жиры – 0,25 кг, макароны – 1 кг. Талон «колбаса» не отоваривался, по талону «мясопродукты» выдавались пельмени – 1 кг, или 10 котлет, или 1 кг супового набора.

Огромные очереди образовывались у прилавков хлебных магазинов. Хлебокомбинат выпускал только три вида продукции: белые и черные буханки и калачи. Хлеба не хватало. По-прежнему много хлеба скармливалось скоту. Жители города настаивали на введении хлебных талонов.

Разбалансировка сельскохозяйственной системы сопровождалась появлением новых бюрократических управленческих образований. Появился Пермский агропромышленный комитет, вобравший в себя в качестве структурного

подразделения агропромышленное объединение (АПО) «Лысьва». Автоматически в АПО влились совхозы «Лысьвенский», «Новорождественский», «Матвеевский», «Канабековский», «Аитковский»¹, колхозы «Мир» и «Новина», подсобные сельские хозяйства промышленных предприятий, а также гормолзавод, пивзавод, объединение «Лысьвалес» и лесхоз. В качестве госзаказа перед объединением ставилась задача заниматься производством зерна, картофеля, овощей, молока, мяса и меда.

17 января 1990 года Совет РАПО принял решение разукрупнить совхоз «Лысьвенский» на два совхоза «Заимский» с центром в д. Заимка и «Липовский» с центром в д. Липовая 1-я, а также предоставить финансово-хозяйственную самостоятельность совхозу «Матвеевский». Поступило предложение разделить пригородные подсобные хозяйства между металлургическим и турбогенераторным заводами в расчете на то, что в условиях отсутствия денежной массы заводы сумеют скомпенсировать ее валютой, которую получают от экспорта продукции. 18 апреля совхоз «Липовский» разделился на две агрофирмы: «Лысьва» и «Заря».

В перспективе РАПО рассчитывало выстроить сервисную линейку в виде межхозяйственных фирм «Агросервис», «Лысьвенскагропромхим», отрядов плодородия и др., которые должны обеспечивать хозяйства запчастями к тракторам, автомашинам, погрузчикам, закупать и вывозить на поля неорганические удобрения, фосфоритную муку и т.п. С целью ремонта и строительства дорог колхозы и совхозы облагались долевыми денежными взносами за счет прибыли.

Трудно определить, насколько эффективно в этих условиях исполнял управленческие функции Совет РАПО. На аппаратном совещании 11 марта 1990 года было принято решение увеличить дойное стадо в подведомственных РАПО хозяйствах, но тут же встал вопрос: за счет каких денежных средств приобретать молодняк и где брать корма, если по

¹ В 1989 году по желанию жителей села Аитково 2-е отделение совхоза «Новорождественский» преобразовано в совхоз «Аитковский».

причине их отсутствия приходилось забивать дойных коров. Никакого решения по вопросу члены Совета не приняли.

Организационные и управленческие действия РАПО никак не сказывались на результатах работы хозяйств. Аитковские картофельные и овощные поля, переданные для использования «Лысьве» и «Заре», так и остались невозделанными. За 5 месяцев 1990 года отставание по продаже молока в бывшем совхозе «Лысьвенский» составило 291 т, в «НовоРождественском» – 163 т, в «Матвеевском» – 89 т. Резко сокращалось поголовье мясо-молочного стада. Из-за отсутствия кормов за зиму 1990–1991 года на 502 головы сократилось молочное стадо (в т.ч. в совхозе «Лысьвенский» на 198 голов), до минимального уровня сократился среднесуточный привес молодняка, пало 295 голов КРС и 130 свиней.

Не оправдали своего предназначения долго и трудно создаваемые заводские агрофирмы «Лысьва» и «Заря». Так, результаты работы за 1991 год по агрофирме «Заря» показали, что бывшие отделения совхоза «Лысьвенский», вошедшие в ее состав, работали лучше. Не получилось снабжать рабочих ТГЗ собственными дешевыми сельхозпродуктами, как не удалось восполнить немалые деньги, вложенные в развитие агрофирмы. Затея оказалась нерентабельной. Мало того, организуя агрофирму, директор завода В. Тетюев полагал, что с ней приобретает капитал в виде земли. Однако передача земли в собственность застопорилась в бюрократических проволочках высших эшелонов власти. Таким образом, в начале 1992 года В. Тетюев вынужден был издать приказ о ликвидации агрофирмы и ее реорганизации в подсобное хозяйство завода¹.

Дальнейшая история «Зари» напоминала судьбу всех бывших общественных сельскохозяйственных подразделений. После ликвидации агрофирмы поступило предложение создать на базе подсобного хозяйства крестьянские хозяйства, что вызвало волну неприятия среди бывших работников.

¹ В последствие выяснилось, что у подсобного хозяйства отсутствовали юридические документы. У него не имелись даже Устав и печать.

*Директор совхоза «Аитковский» Ф. Асанов
вручает почетную грамоту*

Привыкшие жить в коллективе под плохонькой, но защитой государства, люди боялись самостоятельности и полной неподготовленности к жизни в условиях рыночной экономики. Если кто-то и хотел рискнуть, то не имел при этом никакого понимания о правах на земельные пай, на покосы, выгоны для скота, на технику.

Ситуацией разброда и непонимания среди работников воспользовался бывший директор агрофирмы, создавший на базе свинокомплекса свое собственное хозяйство.

Стремительно оскудевал продовольственный рынок. Это стало сигналом для создания всевозможных крестьянских, арендных и кооперативных сельских хозяйств. Их наиболее активные представители попытались создать ассоциацию под названием Крестьянский союз. 17 марта 1990 года состоялась учредительная конференция крестьянских хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов. Многие из 43 участников конференции уже имели опыт общения с чиновниками разных уровней, поэтому приняли обращение о признании нужности

и важности их инициативы и обратились к горожанам за помощью в борьбе с советской бюрократией.

Трудности на пути первопроходцев были немалые. Председатели колхозов и директора совхозов на словах были «ЗА» аренду, тогда как на деле всячески тормозили ее, старались всеми силами сохранить в своем пользовании государственную собственность на средства производства. Директор совхоза «Лысьвенский» Н. Немтинов, ратующий за целостность своего хозяйства, за счет бюрократических проволочек задушил перспективный кооператив в деревне Лязгино, занимавшийся разведением овец. Горисполком затягивал принятие решений по сельскохозяйственным кооперативам, ссылаясь на первоочередность развертывания агрофирм. Пользуясь отсутствием механизма по отводу земель, сельские руководители откладывали передачу земельных участков арендаторам. Перед ними выдвигались кабальные условия относительно будущего урожая, который производители продукта должны были продавать колхозам или совхозам по предъявленным ценам. Немалого труда стоило получить ссуду на семена, приобретение техники, строительство подсобных помещений.

После выхода постановления правительства «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» свое право на часть совхозного имущества заявили учителя новорождественской школы. Категорически против этих претензий выступал директор ТОО «Совхоз «Новорождественский» А. Паршаков. После долгих споров, вышедших на уровень горисполкома, он решил выделить учителям пай в размере 6,13 га, что было ниже среднерайонных размеров. При этом, оценивая совхозную собственность, директор в один ряд с землей, техникой, мясомолочным комплексом поставил дома, в которых жили учителя. По его подсчетам оказывалось, что дома стоили дороже, чем земельные паи¹.

¹ По существующим правилам, право на «пай» не имели ни учителя, ни врачи, ни работники культуры в сельском хозяйстве и промышленности.

И все же первые шаги лысьвенских арендаторов и кооператоров были обнадеживающими. В качестве примера можно привести кооператив А. Девяткова, который занимался производством картофеля на Оленевских полях и получил доход в размере 127 тыс. руб. Параллельно работающая с кооператорами арендная бригада совхоза на том же картофеле дала убытков на 180 тыс. руб.

14 ноября 1990 года представители арендных хозяйств провели собрание-встречу, на котором приняли решение изучить возможность дальнейшей организации крестьянских хозяйств, создания акционерных предприятий, агробанка, профсоюзов и в перспективе – крестьянской партии. 20 декабря состоялась конференция Крестьянского союза, на которой присутствовали по 1 делегату от 50 работников. Как оказалось, в силу разных причин будущее лысьвенского Крестьянского союза не сложилось, хотя председатель ассоциации крестьянских хозяйств Ф. Кузовков много сделал, чтобы создать крепкую организацию частных сельхозпроизводителей.

Из последних сил выживали совхозы. Переход на финансово-хозяйственную самостоятельность вдохнул на короткое время энтузиазм и веру в успех рабочих совхоза «Матвеевский»¹.

В 1991 году все подразделения совхоза перешли на хозяйственные взаимоотношения. За каждым подразделением закреплялись угодья, скот, помещения, техника. Например, тракторно-полеводческая бригада получила 1662 га угодий, из которых 1612 га занимала пашня, 2 сенажные траншеи, 19 тракторов; к молочно-товарной ферме отошли 840 голов КРС (в т.ч. 255 дойных коров), 2 свиньи, 2 коровника, 3 телятника, 1 кормоцех, 1 свиноводник, 125 га пашни, 7 тракторов.

Внутрихозяйственная реструктуризация сопровождалась систематическим ценовым ростом топлива и запасных

¹Директор совхоза «Матвеевский» В. Гладких часто отлучался по депутатским делам за пределы совхоза. Специалисты сельхозуправление отмечали: в такие дни падала трудовая дисциплина и производительность труда, а когда директор возвращался в совхоз, все становилось на свои места.

частей для техники. Цена на новую технику приобрела за-
предельные размеры. Росли цены на мясо и молоко при
условии обнищания городского населения и снижения
его покупательной способности. Цены на основные виды
продукции совхоза «Матвеевский» выглядели следую-
щим образом:

Сельхоз. продукция	Сентябрь 1991 г.	Январь 1992 г.	Март 1992 г.	Ноябрь 1992 г.
говядина	12 руб.	60 руб.	45 руб.	
телятина	15 руб.			60 руб.+ НДС
свинина	12 руб.		30 руб.	60 руб.+ НДС
молоко	0,88 руб.	4 руб.	3 руб.	5 руб.+ НДС

Финансовые поступления в совхозную кассу шли ми-
зерные. Деньги пытались пополнить за счет продажи не-
обрезного пиломатериала по цене от 750 руб. за 1 кубометр
и обрезного материала по цене от 1 тыс. до 1,5 тыс. руб. за
кубометр. Впервые в истории ввели плату за пользование
совхозным автобусом. Из-за отсутствия денег расчет с ра-
бочими осуществлялся зерном и молодняком КРС. Падала
трудовая дисциплина¹.

Оценочный анализ экономики хозяйств за перовое полу-
годие 1991 года, проделанный балансовой комиссией горис-
полкома, показал, что сельское хозяйство района находилось
в состоянии банкротства.

¹До определенного момента дела в «Матвеевском» по срав-
нению с другими хозяйствами шли сносно. По прогнозу директора
В. Гладких, 1991 год хозяйство должно было закончить «по нулям»
– ни прибыли, ни убытков.

Так продолжалось до конца 1992 года. 1 декабря 1992 года
совхоз «Матвеевский» прекратил свое существование. Вместо
него появилось новое юридическое лицо в виде ТОО «Совхоз
«Матвеевский», к концу 1993 года имевший 36 млн руб. долгов, из
которых 20 млн руб. составляли проценты на кредиты.

Наименование хозяйства	Деньги на расчетном счете	Деньги на карточке (долги сторонним организациям)	Деньги, взятые в кредит для выдачи зарплаты	Всего имеется кредитов на сумму:
Агрофирма «Лысьва»	-	193 тыс. руб.	525 тыс. руб.	1592 тыс. руб.
Агрофирма «Заря»	-	17 тыс. руб.	70 тыс. руб.	353 тыс. руб.
Совхоз «Матвеевский»	-		81 тыс. руб.	333 тыс. руб.
Совхоз «Аитковский»	-		100 тыс. руб.	Нет данных
Совхоз «Новорождественский»	117 тыс. руб.		3/п выдана за счет сверхплановой продажи мяса	279 тыс. руб.
Совхоз «Канабековский»	-	18 тыс. руб.	95 тыс. руб.	579 тыс. руб.
Колхоз «Новина»	213 тыс. руб.			Нет данных
Колхоз «Мир»	-	209 тыс. руб.	101 тыс. руб.	Нет данных

Главный экономист управления сельского хозяйства Г. Милютин суммировала итоги полугодия словами: *«Всего кредитов 3825 тыс. руб., из них на зарплату 972 тыс. руб., картотека составляет 419 тыс. руб. Положение сложное и будет ухудшаться дальше».*

На грань банкротства хозяйства ставили одинаковые проблемы: высокая себестоимость продукции, низкие закупочные цены, обязательные поставки по продналогам и госзакупкам, что снижало товарные возможности хозяйств; предельные цены на сельхозтехнику и запчасти; недостатки ГСМ; низкая трудовая дисциплина, порожденная в том числе разрывом в заработной плате с горожанами в размере от 600 до 800 руб.; нехватка механизаторов. За три года колхозники не купили ни одного трактора.

Деструктивную роль сыграла государственная монополия на цены, налоговая политика на произведенную продукцию в размере 45%, кредитная 50% кабала¹.

Больно ударила по сельскому хозяйству либерализация цен. В одночасье цены на промышленные товары взлетели в 100-200 раз, в сельском хозяйстве – в 20 раз. Местные перерабатывающие предприятия превратились в монополистов. С одной стороны – они до предела снизили закупочные цены, так что при высоком уровне себестоимости молока и мяса их производство стало в принципе нерентабельным. С другой – в разы возросла продажная стоимость мясной и молочной продукции, но в связи с низкой покупательной способностью населения она не находила спроса и, как следствие, предприятия заготавливались готовой продукцией.

По данным начальника отдела статистики горисполкома Н. Чащиной, на начало 1992 года цены на потребительском рынке на мясо и мясопродукты выросли в 18, рыбы – в 18,3, масло и жиры – в 10,8, молоко – в 20,8, сыры – в 33,4, сахар – в 62,8, кондитерские изделия – в 29, хлеб – в 6,4, крупы – в 40,5, овощи – в 10,2, фрукты – в 16,8, алкоголь – в 23,6 раза. К концу года стоимость хлеба выросла в 36, молока – в 22,7, круп – 48, картофеля – в 16,5 раз.

Имела место напряженная ситуация с производством и продажей хлеба. В отличие от других продовольственных товаров, продаваемым по талонам, хлеб находился в свободной продаже. На введении хлебных талонов настаивала часть населения, которая пользовалась услугами магазинов после окончания рабочей смены и по этой причине в конце дня часто находила хлебные прилавки пустыми.

На 47% снизилась реализация скота. За первое полугодие 1993 года количество КРС сократилось на 1 тыс. голов, в

¹Во время уборочной страды 1991 года военкомат мобилизовал механизаторов на уборку урожая в южных областях и республиках, так что в совхозах «Аитковский» и «Канабекаовский» неко-го было посадить за штурвалы комбайнов для уборки собственного урожая. Органы управления городом погрузились в состоянии, близкое к панике. 15 августа президиум горсовета объявил о введении чрезвычайного положения на уборке урожая.

том числе коров на 400 голов. Валовый надой молока сократился на 39%. Особенно низким он стал в ТОО «Колхоз «Мир», ТОО «Заимка», ТОО «Совхоз «Канабековский». Средняя закупочная цена молока в январе 1993 года составляла 26 руб., в феврале – 35 руб., в марте – 38 руб. за литр. В приватизированных магазинах молоко принимали от 45 до 50 руб. за литр. Довольно ощутимо цены на молоко местных производителей сбивали березовские колхозы.

Из-за сокращения сбыта прервались финансовые поступления в колхозы и совхозы. Рабочие и колхозники месяцами не получали заработную плату. Выживали исключительно за счет собственных подворий.

К лету 1993 года сложилось катастрофическое положение во всем агро-промышленном комплексе Лысьвенского района. Поступления областных дотаций в размере 90 млн. руб. задерживали на неопределенный срок. В марте администрация города впервые приняла решение датировать (выдать целевые кредиты) местных сельхозпроизводителей на закупку зерна, ГСМ, удобрения с целью подготовки к предстоящей посевной кампании. С этой целью взяли кредит в банке на 60 млн. руб., на его основе предоставили хозяйствам льготный кредит под 28% годовых. Но этих денег было мало. В августе Малый совет принял решение дополнительно датировать агро-промышленный комплекс в размере 43 млн. руб. за счет сокращения финансирования отделов образования, здравоохранения, культуры. В общей сложности за год в виде помощи селу было направлено более 200 млн. руб. Несмотря на значительные финансовые вливания положение дел только ухудшалось. Осенью настала пора рассчитываться за взятые ранее кредиты, но денег на это в хозяйствах не было.

Среди множества причин, по которым сельскохозяйственные производители шли к своему концу, были внутренние издержки, которые так и не удалось изжить за годы советской власти. Главное – это то, что хлебороб никогда не чувствовал себя хозяином на родной земле.

Закат коллективного сельского хозяйства Лысьвенского района свершился в 1993 году. Вместо колхозов и совхозов на

карте района появились товарищества с ограниченной ответственностью: ТОО «Колхоз «Новина», ТОО «Колхоз «Мир»», ТОО «Совхоз «Новорождественский», ТОО «Совхоз «Канабекаовский», «ТОО«Совхоз «Аитковский», ТОО «Агрофирма «Лысьва», ТОО «Совхоз «Матвеевский», ТОО «Заимка», ЗАО Кормовищенский ЛПХ»¹. Все они перешли на частную форму собственности. Бывшие колхозно-совхозные земли разделились на пай, которые до поры до времени пайщики решили обрабатывать и содержать по привычной и потому казавшейся более надежной в современных условиях схеме коллективно-сельскохозяйственного производства.

Удручающие последствия последнего колхозно-совхозного 1993 года продемонстрировали данные статистики. Зерновые культуры удалось посеять на площади 6344 га, а урожай собрали с площади 5859 га. Оставшиеся посевы ушли под снег. Средняя урожайность составляла 8,5 ц с 1 га. Из-за гибели зерновых недополучили 4123 ц зерна. В связи с плохой погодой полностью погиб картофель и овощи.

¹ Учительница М. Зернина в книге «Родные сердцу Моховляны» проследила последовательность реорганизаций колхозов и совхозов на примере колхоза «Новина». Она писала: «1) На основании Постановления Правительства РФ от 04-09. 1992 г. № 708 «О реорганизации колхозов, совхозов и приватизации государственных, сельскохозяйственных предприятий» колхоз «Новина» прошел государственную регистрацию, сохранив форму коллективного хозяйства. 2) Постановлением администрации города от 14.12.1993 г. № 373-12 «О регистрации колхоза «Новина» зарегистрирован Устав колхоза с сохранением вида деятельности – производство, переработка и реализация сельскохозяйственной продукции...3) В результате сложного финансового положения общим собранием членов колхоза «Новина» (протокол от 01.03. 2001 г. № 2) принято решение о передаче основных средств и активов вместе с обязательствами администрации Города. 4) постановлением Главы Города от 06.04.2001 г. № 465 зарегистрировано унитарное предприятие «Моховлянское», которому переданы штат, средства и часть обязательств колхоза... 24.03. 2004 г. на базе обанкротившегося МУУП «Моховлянское» создано МУУП «Рассвет»...

Реализация скота уменьшилась на 10%. Поголовье КРС в колхозах и совхозах сократилось на 20%, поголовье коров – на 15%.

Существенно снизилось производство продукции в подсобных хозяйствах. Катастрофический характер приобрели прогулы, пьянство и воровство. Хозяйства, на которые промышленные предприятия годами тратили огромные деньги, медленно угасали. Прекратило работу подсобное АО «Универсам-1», ранее принадлежавшее торгу, из рук в руки переходил свиноплекс, построенный

в Сое трестом «Лысьвапромстрой» и переданный агрофирме ЛМЗ «Лысьва», опустели фермы и свинарники турбогенераторного завода, свернули свою работу подсобное хозяйство «Сокол», МП «Эльпис» и др. Реализация скота на убой превысила его воспроизводство. Убытки по итогам года составляли сотни миллионов рублей.

В город перестала поступать овощная продукция местного производства. Одно только ТОО «Заимка» понесло потери в размере 14 млн. руб. на картофеле, не считая недопоставок других овощей.

Единственным предприятием, закончившим год с удовлетворительными показателями, оказалось ЗАО «Кормовищенский ЛПХ». Значительных успехов добились учащиеся Моховлянской школы, занимавшиеся выращиванием кроликов, овец и птицы. В шаге от экономической катастрофы находились ТОО «Колхоз «Новина» и «Совхоз «Матвеевский». За 1995 год «Новина» имела убытки на 146 млн. руб. Их руководители, М. Елохов и В. Гладких, самые авторитетные сельско-

*В. Смертина – председатель профкома АТП,
В. Красильников – директор подсобного хозяйства АТП,
А. О. Матосян – директор АТП*

хозяйственные управленцы района, не видя выхода из надвигающегося краха своих хозяйств, мечтали об отставке.

В 1994–1995 годах в городской администрации и хозяйствах широко обсуждался так называемый «нижегородский вариант» реорганизации колхозов и совхозов. Первыми его решили опробовать рабочие ТОО «Совхоз «Канабековский». К апрелю 1995 года они разделили всю землю, технику и постройки на паи, после чего провели аукцион, в котором приняли участие 11 заинтересованных. В результате проделанной работы пайщики разделились на две группы. Первая объединила свои паи в так называемые «товарищества на вере» (ТНВ¹). Два из них организовались в Канабеках, по одному в Большой Шадейке, Малой Шадейке и Верх-Култыме. Шесть пайщиков организовали семейные крестьянские хозяйства.

Как показала практика первых месяцев существования «товариществ на вере», они целиком и полностью копировали привычный колхозно-совхозный уклад жизнедеятельности. По этой причине судьба их оказалась недолгой.

1997–2000 годы период окончательного распада колхозно-совхозной системы Лысьвенского района.

Свою нишу в сельскохозяйственном производстве не удалось занять фермерским хозяйствам. По неуточненным данным, на начало 1994 года их насчитывалось в районе от 40 до 50 единиц. Даже те фермеры, которым два-три года назад удалось получить кредиты и приобрести кое-какую технику, начали сворачивать свою деятельность. В основном они не смогли провести посевную кампанию. Большие посевные площади оказались неосвоенными. Сказались обвальные последствия сентябрьского (1993 года) постановления правительства об отмене льготного кредитования, совпавшие по времени с выплатой процентов по ранее взятым кредитам. Немалую смуту в фермерскую среду внес октябрьский (1993 года) Указ президента РФ «О регулировании земельных

¹ ТНВ - в соответствии с Гражданским кодексом имели название юридического лица. Новый кодекс позволял фермерским (крестьянским) хозяйствам не регистрироваться в качестве юридических лиц. Они могли иметь статус частных предпринимателей (ЧП).

отношений и развитии аграрной реформы в России», разрешивший продажу, дарение, заклад земли. Этот документ не столько помог решать земельные проблемы, сколько создавал новые. Спустя полгода, в первой половине 1994 года, выросли начисления налога на землю с коэффициентом в 50 раз по сравнению с 1993 годом.

К началу 1996 года количество фермерских хозяйств в районе приблизилось к 100, из них зарегистрированных в налоговой инспекции значилось только 70¹. Вклад фермеров в общее районное производство сельскохозяйственной продукции был невелик и не превышал 8%. В 1997 году в районе осталось 17 фермерских хозяйств, из которых 10 хозяйев поставляли продукцию в город – в основном мясо и молоко. Расчеты с городскими потребителями осуществлялись на основе бартерных сделок. Лязгинское фермерское хозяйство и ТОО «Заимка» занималось выполнением договорных поставок картофеля и капусты в учреждения здравоохранения. Основными центрами фермерских хозяйств являлись Рассоленковский, Новорождественский и Липовский сельские Советы.

По данным статотдела горисполкома структура производителей мясо-молочной продукции в последние годы существования колхозно-совхозной системы выглядела следующим образом:

Хозяйства	Содержали коров в %%	Содержали свиней в %%	Содержали угодья в %%
Частные	52	44	0
Колхозы и совхозы	39	14	91
Фермеры	5	8	4,6
Подсобные хоз.	4	34	4

В цифровом выражении таблицу можно развернуть так: всего КРС – 7903 головы, свиней – 1900 голов. Получалось, что половина населения района обеспечивала сама себя мясом

¹ Эта цифра не была постоянной: она то увеличивалась, то уменьшалась, например, в 1994 году в одних источниках сокращение фермерских хозяйств показано в количестве 2 единиц, в других – 18 и т.д.

– молочной продукцией. За два года примерно на 25% увеличилось количество коз в частных подворьях. Содержать «сталинскую корову», как коз называли в 30–40-е годы, было под силу даже пенсионерам. Широкий размах среди населения получило производство картофеля и овощей. Статисты подсчитали, что 9848 частных хозяев занимались производством картофеля и 5343 владельца имели коллективные сады.

Процесс угасания общественного сельского хозяйства стал необратимым. Напрасно сельхозотдел городской администрации договаривался с областным начальством о выделении дополнительных кредитов, напрасно финансовую помощь пытался изыскать местный крайне скудный бюджет. Надежды на возрождение уже не было ни у кого. Колхозники и работники совхозов в массовом порядке покидали деревни и перебирались в город. В колхозе «Мир» на 80 оставшихся в артели человек приходилось более 500 миллионов рублей долгов в различные фонды; налоги, штрафные санкции. Некогда передовой колхоз «Новина» имел долги на сумму более 100 миллионов рублей. Опустели крупные молочно-товарные фермы «Новая» и «Откормочная», ранее принадлежавшие агропрому «Лысьва». Остатки дойного стада перегнали на зимовку в Паинцы и Олени. В новорожденском ТОО все имеющееся поголовье коров разместили в родильном отделении комплекса.

Невыплата зарплаты колхозникам и рабочим носила хронический характер. Если руководителям удавалось разжиться деньгами, выданная зарплата составляла мизерную сумму в размере от 250 до 500 руб. на человека. Но, как правило, колхозно-совхозная касса оказывалась пустой. Зарплата шла «натурой» по себестоимости продукции, производимой хозяйством. По существующим правилам «натура» была дороже, чем ее выставляли на продажу. В противном случае разница засчитывалась в доход колхозника, и с нее удерживался налог. Чтобы получить «живые» деньги, колхозники забивали скот. Выращивать что-либо на полях было невыгодно, поэтому селяне занимались рубкой собственных лесов или брали для этой цели в аренду леса гослесхоза.

Сокращение государственных и местных дотаций на производство сельскохозяйственной продукции сопровождалось передачей социальной сферы села на баланс администрации сельских Советов. Таким образом, школы, детские сады, ФАПы, дороги, водопроводы, ранее находившиеся в зоне ответственности колхозов и совхозов, полностью перешли в зону ответственности государства. В 1997 году на их содержание местный бюджет направил более 2-х миллионов рублей.

Точку на агонизирующее сельское хозяйство района поставил финансовый кризис 1998 года. На разваливающихся молочно-товарных фермах некому было работать. По заявлениям районных сельхозспециалистов, работа с землей оказалась пущенной на самотек. На весь район осталось три агронома. Третья часть районных угодий зарастала сорняками и мелколесьем. Там, где еще пытались возделывать пашню, вместо сортовых семян для посева использовали что придется. Резко снизилось плодородие почв из-за многолетнего невнесения органических и минеральных удобрений по причине их дороговизны и отсутствия транспорта.

При дележе колхозно-совхозной земли на пайи многие пайщики не знали, что делать со своими участками, и по договору передавали их в аренду ТОО. Однако наступил момент, когда арендованные пайи оказались «лишними» для ТОО, т.к. у них не было ни рабочих рук, ни техники, ни денег, ни семян для эффективного использования имеющихся угодий. За те земли, которые не попадали под обработку, земельный комитет налагал на ТОО штраф. Поскольку в 1998 году срок аренды паевой земли заканчивался, руководители всеми силами стремились вернуть ее настоящим хозяевам.

В свою очередь основная масса пайщиков тоже не знала, что делать со своей землей. Для ее обработки они не имели техники, для выплаты штрафов – денег.

В последний год 20-го века администрация города разработала новую программу по замене поголовья скота на высокопродуктивное племенное стадо и переходе на элитные сорта зерновых культур. Удалось заложить 400 тыс. руб. на покупку племенных животных, 400 тыс. руб. на приобретение

техники по лизингу, запрограммировать комплексное финансирование по стабилизации сельского хозяйства, поддержать фермерские хозяйства.

Но всего этого было мало. Слишком великими оказались потери, понесенные за семьдесят с лишним лет колхозно-совхозного «счастья». Сельское хозяйство Лысьвенского района предстояло возрождать заново. Живет вера, что в глубинных недрах крестьянского самосознания сохранились зерна хлебобобовых традиций предков, которые при любой политической погоде дадут крепкие всходы, потому что несмотря ни на какие политические и экономические перипетии гудят трактора в далеких деревнях Симоново и Аитково, пасутся стада на лугах Оленей и Моховлян. В них наша надежда!

Послесловие автора

Колхозно-совхозная жизнь ушла в историю. Невольно задаешься вопросом: «Выполнили ли колхозы свою миссию? Почему не оправдались надежды крестьян и обещания власти о сытной и счастливой жизни?» Вопросы, вопросы, вопросы. Их много, очень много, но так получается, что однозначных ответов на них нет.

Колхозная жизнь в Лысьвенском районе складывалась непросто. Нет никаких данных о том, что коллективные сельхозартелю образовывались сами собой по желанию крестьян. Напротив, нигде не обошлось без активного участия в создании колхозов представителей советской власти и коммунистической партии. Ростки крестьянской самостоятельности и инициативы немедленно попадали под контроль идеологических догм и экономических норм и гибли или превращались в безликие колхозы, в которых «все вокруг колхозное, все вокруг – ничье».

Колхозники не стали подлинными хозяевами земли и результатов своего труда, хотя партийные органы, желая получить от колхозов как можно больше продукции, неустанно призывали: «Работайте лучше и больше, только тогда жизнь будет сытой и богатой».

Колхозное движение лысьвенского района условно можно разделить на несколько этапов. Первый: период между окончанием гражданской войны и началом коллективизации, когда после 10-го съезда РКП(б) крестьяне получили землю, бурно развивались единоличные хозяйства, создавались всевозможные товарищества по совместной обработке земли и кооперативы, организовывались сельские Советы. Второй: связан с началом коллективизации и завершен практически полным переходом от единоличного к общественному землепользованию. Третий: укрепление колхозного строя. Это годы, когда в полной мере проявились сильные и слабые стороны колхозов: от трудового энтузиазма до полной апатии членов сельхозартелей, от высоких урожаев до небывало низких сборов зерна и сдачи государству мясо-молочной продукции. Четвертый: выпадает на годы Великой Отечественной войны. Государство в полной мере использовало свою власть над колхозами, заставляя сдавать сельхозпродукцию не только полученную в текущем году, но и в зачет следующего года. Только немногим особо изворотливым руководителям удалось избежать в своих деревнях тотального голода. Пятый: охватывает период от первой послевоенной пятилетки до середины 1960-х годов. Период наполнен примерами многочисленных попыток внести в сельское хозяйство района структурные, организационные и экономические нововведения, которые, однако, не привели к существенному росту продукции и улучшению качества жизни колхозников. Шестой: показывает неуклонную деградацию колхозов и совхозов при условии увеличения финансовых вливаний государства в экономику хозяйств, обеспечения артелей сельхозтехникой и минеральными удобрениями. Седьмой: подводит итог неудавшейся продовольственной программы, закончившейся разрушением колхозно-совхозной эпохи сельского хозяйства района. Каждый временной период так или иначе соотносился с соответствующими постановлениями и решениями ЦК КПСС и Верховных Советов СССР или РСФСР.

История сельского хозяйства Лысьвенского района рассматривалась автором с позиций продовольственных интересов небольшого рабочего города. Однозначно можно сказать,

что, несмотря на колоссальные усилия, местные колхозы и совхозы не обеспечивали и не могли обеспечить горожан достаточным количеством продуктов питания. Дефицит продуктов питания для личного потребления лысьвенцы компенсировали за счет такого феноменального явления, как обработка и содержание собственных картофельных огородов, коллективных садов и личных подворий.

И все же колхозы и совхозы оставили свое слово в истории. Благодаря их титаническому труду состоялась социалистическая индустриализация, не голодали солдаты на фронте, несколько десятилетий половина Европы кормилась советским хлебом после войны. Как выживали сами колхозники — это особый разговор. Не их вина, когда в мутной воде ельцинских и гайдаровских реформ такие руководители, как Матвей Елохов, пытались встать на рельсы рыночной экономики, но их хозяйства угасали под давлением местных бюрократов и скороспелых указов центральной власти.

В Лысьвенском районе больше нет колхозов и совхозов. Поля и луга заросли мелколесьем и разнотравьем, но неизбывна крестьянская кровь, как неизбывна сама жизнь. Неизбежно появятся потомки Матвея Елохова, Владимира Гладких, Виктора Красильникова и других хозяев, и заколосится рожь на благодатных полях, появятся тучные стада на пастбищах и выгонах.

Содержание

Вместо вступления	3
Освоение лысьвенских земель	6
Полурабочие-полукрестьяне	10
Накануне и в годы НЭПа	13
Даешь смычку пролетариата и крестьянства!	16
Округ будет сплошным колхозом	25
ТОЗы, коммуны, кооперативы	30
Организация колхозов	35
Голодные 30-е годы	43
Корову в каждый колхозный двор	58
Такая разная жизнь колхозная	70
Под неусыпным контролем	78
На пороге великих испытаний	90
И пришла война... ..	100
Все для фронта	109
Самый трудный военный год	118
На совхозных полях	127
Послевоенные пятилетки	134
Укрупнение колхозов	146
Кукурузные и другие эксперименты	156
За коммунизм в предельно сжатые сроки	165
Годы новых надежд	177
Переехать в город или остаться в деревне?	196
Еще один рывок к высотам коммунизма	203

На краю пропасти	215
Продовольственная программа	236
Погружение в кризис	253
Конец колхозно-совхозной эпохи	264
Послесловие автора	288

